

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Confined to Library

NEVILL FORBES BEQUEST

Vet.Slav. PG3314.A1.1803 (3)

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

СО ЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

Съ дозволениа
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

П И С Ь М А

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

Ч А С Т Ь П.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ III.

ПИСЬМА

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ II.

Юля 31.

Нынѣ ъздилъ я въ деревню Бергенъ, копорой имя очень извѣстно: подлѣ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною

ГанOVERскою и Гессенскою армією; послѣднею командовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, Маршалъ Броль.

Въ здѣшней рапушѣ, называемой *Римляниномъ* (Römer), показываютъ путешественникамъ ту залу, въ которой обѣдаетъ новоизбранной Императоръ, и гдѣ спожалъ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I до Карла VI. Кпо не пожалѣетъ червонца, тогдѣ памѣ же въ архивѣ можетъ видѣть и славную *золотую Буллу*, или договоръ Императора Карла IV съ Государственными Чинами, написанной на 43 пергаментныхъ листахъ и названной симъ именемъ отъ золотой печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ нуркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ, сидящій на тронѣ, а на другой сторонѣ Римская крѣпость, или такъ называемой

замокъ Св. Ангела (il castello di S. Angelo) съ словами aurea Рота (золотой Римъ), копорья расположены въ шрехъ линіяхъ шакимъ образомъ :

$$\left. \begin{array}{l} \text{aurea} \\ \text{e} \\ \text{Rota} \end{array} \right\}$$

Я былъ и въ кафедральной церкви Каполиковъ, гдѣ по успаву Майнцкой Архіепископъ коронуесть избраннаго Императора. Тутъ бросилась мнѣ въ глаза спашуя Марія въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Часпо ли шьюшѣ ей обнвы? спросилъ я у моего провожапаго. Изъ году въ годъ, опвѣчалъ онъ.— Хотя главная церковь въ городѣ принадлежитъ Каполикамъ, однакожь господспвующая Религія во Франкфуртѣ естъ Люперанская, и Каполицкому Духовенспву запрещено ходить въ процессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформашовъ, по большой часпи Фран-

цuzовъ, выгнанныхъ изъ отечества Людовикомъ XIV; но они не могутъ имѣть участія въ правленіи города, и даже не смѣютъ всенародно опправлять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ Синагогу. Такая неперпимостъ конечно не служишь къ чести Франкфуртскаго Правительсва.

Жидовъ считаеься здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жить въ одной улицѣ, которая такъ нечиста, что не лзя итти по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ несчастныхъ людей, столь униженныхъ между чловѣками! Плашь ихъ состоишь по большой части изъ засаленныхъ лоскушковъ, сквозь копорые видно нагое шѣло. По воскресеньямъ, въ попѣ часъ, когда начинается служба въ Христіанскихъ церквахъ, запирають ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольники сядяшь въ своей

кѣшкѣ до окончанія службы; и на ночь запирающъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, еспли случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти суда воду и тушить огонь.

Между Франкфуртскими Жидами есть и богатые; но сіи богатые живутъ по большой части такъ же нечисто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человекомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ Француженка, говоритъ хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ Синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно поклоняться Те-

бѣ? Слабо горѣли свѣспильники въ обремененномъ гнилостію воздухѣ. Уныніе, горесць, страхъ; избражались на лицѣ молящихся; ни гдѣ не видео было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланипы не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то преспуниковъ, съ препепомъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молишь судію своего о помилованіи. „За чѣмъ вы пришли сюда? (сказалъ мнѣ „попѣ умной Жидѣ, у котораго „я былъ въ госпяхъ.) Поцадите насъ! Нашъ храмъ былъ въ Іеру-„салимѣ; шамъ Всевышній благо-„воилъ являться своимъ избран-„нымъ. Но разрушенъ храмъ вели-„колѣпной, и мы, разсѣянные по „лицу земли, приходимъ сюда съ-„шовать о бѣдствіи народа наше-„го. Оспавыте насъ; мы представ-„ляемъ для васъ печальную кар-

„шину.“ — Я не могъ отвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его, и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдспвіе соединяетъ людей пѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жидаы, гонимые рокомъ и угнепленные своими сочеловѣками, находяпся другъ съ другомъ въ пѣснѣйшей связи, нежели мы, поржеспвующіе Христіане. Я хочу сказапъ, что въ нихъ видно болѣе *духа общественности*, нежели въ другомъ народѣ. Жидѣ, въ раздранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ поушпру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докпоръ Н*. Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманьчикъ. „Не правда, государь мой! опзвчалъ съ жаромъ Израильпшанинъ: мы не безчестнѣе Христіаннѣ.“ Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду

для того, чтобы разбѣнчать нѣ-
 сколько червонцевъ на Француз-
 скіе шалеры. На столѣ у него
 лежала развернутая книга, *Мен-
 дельзоновъ Иерусалимъ*. Мендель-
 зонъ былъ великой человекъ, ска-
 залъ я, взявъ книгу въ руки. „Вы
 знаете его? (спросилъ онъ у меня
 съ веселою улыбкою). Знаете и
 то, что онъ былъ одной націи со
 мною, и носилъ такую же бороду,
 какъ я?“ Знаю, отвѣчалъ я, знаю.
 Тутъ Жидъ мой бросилъ на столѣ
 шалеры, и началъ мнѣ хвалишь
 Мендельзона съ жаромъ и восхи-
 щеніемъ, и заключилъ свою хвалу
 повтореніемъ, что сей великой
 мужъ, сей Сократъ и Платонъ
 нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ
 Жидъ! — Здѣшніе Актеры недав-
 но представляли Шекспирову дра-
 му, *Венеціянскаго Купца*. На дру-
 гой день Франкфуртскіе Жиды
 прислали сказать Директору Ко-
 медіи, что ни одинъ изъ нихъ не

будетъ ходить въ Театръ, естъ-ли сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захопѣлъ лишиться часпи своего сбора, и опвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Стразбургъ: черезъ Дармштадтъ, Гейдельбергъ и Карlsru, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: я избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хотѣлось видѣть Шпарка, придворнаго Дармштадтскаго Проповѣдника, то я нынѣ поушру нанялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ Дармштадтъ верхомъ. И съ этой стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны: но да-

лѣе къ Дармшпату (до котораго считается сѣль Франкфурта при мѣли) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣе очень песчана, индѣе очень выбиша — и попому я еще болѣе ушвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать черезъ Фальцъ. Деревни всѣ хорошо выстроены, и вездѣ находилъ я шпакширы подъ разными, опчаспи спранными вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармшпату начинается очень хорошая мостовая. Тутъ открылся мнѣ и городъ, лежащій близъ покрытыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ себѣ разспояніи очень изрядную каршину.

Остановясь въ шпакширѣ, послалъ я слугу съ письмецомъ къ Шпарку, а самъ бросился на кресла отдыхать; но черезъ нѣскольکو минушъ позвали меня обѣдать. Въ споловой комнашѣ нашелъ я человекъ восемь, порядочно одѣтыхъ. Въ шомъ числѣ былъ одинъ

путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человекъ, прїѣхавшій изъ Стразбурга, подробно рассказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней передъ симъ бунтовала шамошня чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ худо, что трудно было отъ смѣха удержаться — на примѣръ: *иляз-онъ дешуре ла жезонъ де вилъ; иляз-онъ бриле (brulé) ле докиманъ (les documents); иля су ле бандрѣ (prendre) ле машистра (magistrats)*. — Тутъ слуга принесъ мнѣ печальную вѣсть, что Шпарка нѣтъ въ Дармштадтѣ: онъ уѣхалъ къ водамъ въ Швальбахъ. „Господинъ Проповѣдникъ былъ очень боленъ, сказалъ сидѣвшій подлѣ меня человекъ: Берлинцы зажгли въ немъ кровь, и наши Медики съ трудомъ могли потушить пожаръ.“ Отъ всего сердца жалѣю о Шпаркѣ. Дорога человеку доб-

III.

2

рая слава — и съ какимъ легко-
мыслиемъ похищаемъ мы другъ у
друга сіе сокровище! О Шекспиръ,
Шекспиръ! кто зналъ такъ хорошо
сердце человѣческое, какъ ты?
Кто убѣдительное своего пред-
сказавилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman, dear my
Lord,
 Is the immediate jewel of their souls.
 Who steals my purse, steals trash; 'tis
something, nothing;
 'Twas mine, 'tis his, and has been slave
to thousands;
 But he, that filches from me my good
name,
 Robs me of that, which not enriches
him,
 And makes me poor indeed (*).

(*) Т. е. „Доброе имя есть первая
драгоценность души нашей. Кто
крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ
бездѣлку; онъ былъ мой, теперь

Златые Пифагоровы стихи кажутся мѣдными подлѣ сихъ спрокъ, копорыя всякому человѣку, Христіянину и Турку, Индѣйцу и Африканцу, надлежало бы вписать незагладимыми буквами въ свое сердце.

Я видѣлъ въ Дармштаптѣ такъ называемой *домъ экзерциции*, въ копоромъ можешъ учисья цѣлой полкъ, и въ копоромъ хранился множество всякаго оружія; гулялъ въ большомъ придворномъ саду; ходилъ по городу, въ копоромъ счисляешся не болѣе 300 домовъ; попомъ сѣлъ на своего коня и отправился назадъ во Франкфуртъ.

сталъ его, и прежде служилъ тысячѣ другихъ людей. Но кто похищашъ у меня доброе имя, шопъ самъ не обогащается, а меня дѣлаешъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.“

Два раза былъ я въ здѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ неудовольствію моему, играли очень неважныя Французо-Нѣмецкія комедіи. Вниманіе мое занимали болѣе зрители, нежели актеры; а замѣтилъ я единственно то, что молодыя люди здѣсь хорошо одѣваются, и приходящѣ въ Театрѣ не шумѣтъ, а слушаютъ піесы, или—зѣваютъ.

Майнцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ я въ Майнцъ въ *дилижансѣ* или въ почтовой каретѣ, въ которой поѣду до самаго Спразбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франкфурта до Майнца! Какіе пріятныя виды! Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Майнцу, увидѣлъ я на лѣвой сторонѣ вели-

чественной Рейнъ и пикой Маинъ,
пекущіе почпи рядомъ; а на пра-
вой виноградные сады, копорыхъ
не лъзя обняшь глазами. Любезные
друзья! какъ радостно билось мое
сердце! Рейнъ, Рейнъ! наконецъ
вижу шебя (думалъ я) — вижу,
и благословляю царя водъ Герман-
скихъ въ гордомъ его печеніи!

Маинцъ лежишь на западномъ
берегу Рейна, гдѣ впадаетъ въ
него Маинъ. Въ городѣ улицы
узки, хорошихъ домовъ мало, цер-
квей, монастырей и монаховъ ве-
λικое множество. — „Угодно ли
вамъ видѣть кишки Св. Бонифація,
копорыя хранятся въ церкви Св.
Юанна?“ спросилъ у меня съ важ-
нымъ видомъ наемной слуга. Нѣтъ,
другъ мой! отвѣчалъ я: хотя Св.
Бонифацій былъ доброй человекъ
и обратился въ Хриспіянство Ба-
варцевъ, однакожь кишки его не
имѣютъ для меня никакой пре-
леспи. Поведи меня лучше за го-

родѣ. — Мы вышли съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ на берегу Рейна, и видѣлъ въ его водахъ вечерній лучъ солнца и каршину зеленыхъ береговъ.

Возвращаясь въ пракпирь, ужиналъ я за общимъ столомъ съ путешественниками разныхъ земель. Всѣ пили рейнвейнъ какъ воду. Я попросилъ у пракпирщика бутылку Гохгеймскаго вина, и припомъ самаго спараго, какое нѣсколько естъ у него въ погребѣ. Надобно знать, что Гохгеймское считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ Рейнскихъ винъ. „Вы конечно поблагодарите меня за этопѣ некшарѣ (сказалъ мнѣ услужливой пракпирщикъ, спавя передо мною бутылку): я получилъ его въ наслѣдство отъ отца моего, котораго уже прирцапѣ лѣтѣ нѣпѣ на свѣтѣ.“ Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обо-

нянія. Мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Рейна, веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, пѣнилъ, любовался свѣтлостію вина, подчивалъ сидѣвшихъ подлѣ меня, и былъ доволенъ какъ царь. Скоро бутылка опорожнилась. Трактирщикъ увѣрялъ меня, что у него есть еще прекрасное Коспгеймское вино, полученное имъ также въ наслѣдство отъ отца его, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаетъ честь памяти покойника, сказалъ я, — вспалъ и пошелъ въ свою комнату.

Мангеймъ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Майнца въ большой почтовой каретѣ съ пятью поварищами, и по западному берегу Рейна, черезъ Оппенгеймъ и Вормсѣ, пріѣхалъ

въ Мангеймъ въ семь часовъ вечера.

Сію верхнюю часть Германіи можно назвасть земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ сполъ—вездѣ прекрасныя деревни—вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененныя дерева — груши, яблоки и грецкія орѣхи распуть на дорогѣ (зрѣлище, въ воспорѣ приводящее сѣвернаго жителя, привыкшаго видѣть печальныя сосны и попомъ орошаемые сады, гдѣ Аргусы съ дубинами споятъ на караулѣ!). И между сими-то щедрыми долинами мчишся почпенной, винородной Рейнъ, неся на волнистомъ хребтѣ благословенные плоды своихъ береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ странахъ отдаленныхъ и не столь облагодѣтельствованныхъ Природою!

Но гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ жемъ рожденныхъ? Гдѣ небо

грозыми пучами не покрываешся?
 Гдѣ слезы горести не лющся?
 Здѣсь лющся онѣ, и я видѣлъ ихъ
 — видѣлъ поску поселянѣ неща-
 спныхъ. Рейнѣ и Неккерѣ, напол-
 нившись опѣ дождей, ярспно
 разлили воды свои и запопили
 сады, поля и самыя деревни. Здѣсь
 неслась часпъ я домика, гдѣ оби-
 шали передѣ шѣмѣ покой и доволь-
 спвіе — шупѣ бурная волна мчала
 запасѣ оспорожнаго, но щцепно
 оспорожнаго поселянина — шамѣ
 плыла бѣдная, блеющая овца. Мы
 должны были ѣхатѣ по водѣ, ко-
 порая вѣ иныхъ мѣспахѣ вливалась
 къ намѣ вѣ карету. Но самое сіе
 наводненіе возвышало великолѣпіе
 вида, опкрывшагося намѣ при
 вѣздѣ вѣ длинную алею, верспы
 за при до Мангейма — алею, ко-
 порая, будучи облипа водою, ка-
 залась мостомѣ. —

Вѣ Оппенгеймѣ, Курфальцскомѣ
 городѣ, мы завпракали и пили

III.

3

славное Ниреншпейнское вино, которое однакожь показалось мнѣ не пакѣ хорошо, какѣ Гохгеймское. — Противѣ Оппенгейма, на другой сторонѣ Рейна, стоить высокая пирамида, а на ней лѣвъ, держащій въ правой лапѣ большой мечъ. Шведской Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, перешедши съ своею арміею черезъ Рейнъ, разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсѣ достойна примѣчанія старинная рапуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ памѣ лавку, на которой лопнулъ спаканъ съ ядомъ, для него пригошвленнымъ. Путешественники опрѣзываютъ по кусочку опѣ шого мѣспа, гдѣ будшо бы спояла сія оправа, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасной городъ. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами, что для глазъ — по крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ — очень приятно. Ворота Рейнскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены барельефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домами. Дворецъ Курфирста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Рейномъ. Если бы я не поропился въ Швейцарію, то остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ полюбился мнѣ Мангеймъ!

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академіи Скульптуры видѣлъ я собраніе статуи, и между ими самыя вѣрнѣйшія копіи славныхъ

Бельведерскихъ анпиковъ. Надобно удивляясь древнему искусству, которое умѣло влагать душу въ мраморъ, и прекрасную душу. М* съ восхищеніемъ говорилъ намъ о Лаокоонѣ : я видѣлъ эту группу, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Греческаго художества, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произведение Фидіасова рѣзца. Утверждають, что она подала Виргилію мысль къ описанію несчастнаго Лаокоонова конца (*). Смотри на нее, прочитавъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ безсмертной Энеидѣ, которая была у меня въ рукахъ :

(*) Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, не хотѣлъ допустить, чтобы Троене приняли въ городъ *дервянную лошадь*, въ которой скрывались Греческіе воины ; боги, опредѣлившіе погибель Трои, наказали его за сіе сопрошвление.

„Другое, ужаснѣйшее происше-
 „,сствіе вселяетъ трепетъ въ сер-
 „дца наши. Лаокоонъ, избранный по
 „жребію въ жрецы Нептуновы,
 „поржественно приносилъ въ
 „жертву тучнаго быка—и вдругъ
 „на поверхности психихъ водъ,
 „отъ страны Тенедоса, являюп-
 „ся... (спрашное воспоминаніе!)...
 „являюся два ужасные змія, и
 „рядомъ плывупъ къ берегу; кро-
 „вавая глава и грудь ихъ гордо
 „возвышаются надъ волнами; не-
 „измѣримый хребетъ ихъ изви-
 „ваешся въ кругахъ безчисленныхъ;
 „плывупъ, съ шумомъ разсѣкаюпъ
 „пѣнистую влагу, и достигаютъ
 „брега. Пламя и кровь въ очахъ
 „ихъ. Спрашно шипятъ они, спра-
 „шно зіяютъ — и народъ въ ужа-
 „сѣ спасается бѣгствомъ. — Сія
 „чудовица спѣшатъ къ Лаокоону;
 „бросаюся сперва на двухъ юныхъ
 „сыновъ его, и терзаютъ неща-
 „стныхъ. Лаокоонъ спремится съ

„копѣмъ на помощь къ нимъ : о-
 „щѣвъ злополучный ! Зміи обвива-
 „ются вокругъ его пѣла , вокругъ
 „шеи , и шипятъ надъ его голо-
 „вою. Тщешно хочетъ онъ освобо-
 „диться отъ чудовищъ ужасныхъ ;
 „руки спарца безсильны. Покры-
 „тый ихъ нечислымъ гноемъ, ихъ
 „ядомъ смертоноснымъ, Лаокоонъ
 „спенаетъ—и вопль его до звѣздъ
 „возносится.“

Съ какою живостию изображена
 физическая боль въ лицѣ перзае-
 мага спарца ! Какъ сильно изобра-
 жена въ немъ и горестъ неща-
 спнаго родителя, который видитъ
 гибель дѣтей своихъ , и не мо-
 жетъ спасти ихъ ! — Фидіасъ
 былъ Поэтъ.

Стразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя рав-
 мины — гдѣ роскошная Природа въ

садахъ и въ поляхъ изливаешь весь стукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаешь смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости — прїѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Прїятно, весело, друзья мои, переѣзжая изъ одной земли въ другую, видѣшь новые предметы, съ копорыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувсвоваешь неоцѣненную свободу челоуѣка, по копорой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго шворенія. Всѣ прочія живошныя, будучи привязаны къ нѣкопорымъ климатамъ, не могутъ выпши изъ предѣловъ, начерпанныхъ имъ Натурую, и умираютъ, гдѣ родятся; но челоуѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ

Природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое челоуѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможные удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жили всѣхъ странъ предлагающъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призывающъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ — —

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе пишательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондрии! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить челоуѣчество! Путешествуй, кто только можетъ!

На границѣ нашѣ поспилліонѣ остановилъся. *Vous êtes déjà en France, Messieurs*, сказалъ намъ худо-одѣшой человекъ, подошедши къ нашей каретѣ : *et je vous en félicite*. Это былъ осмопрцикъ, копорой за свое поздравленіе хотѣлъ взять съ насъ по нѣскольку Французскихъ копѣекъ.

Вездѣ въ Эльзасѣ примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, поспилліоны, бабы, говорятъ о революціи.

А въ Спразбургѣ начинается новой бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдапы не слушаются Офицеровъ, пьютъ въ пракширахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ полпа пьяныхъ солдапъ остановила бѣжавшаго въ каретѣ Прелапа, и принудила его пить

пиво, изъ одной кружки съ его кучеромъ, за здоровье нации. Преплашъ поблѣднѣлъ отъ страха, и препенущимъ голосомъ повпорялъ: *mes amis, mes amis!* — *Oui, vous sommes vos amis!* кричали солдаты: *пей же съ нами!* Крикъ на улицахъ продолжается почти непрерывно. Но жипели запыкають уши и спокойно опправляють свои дѣла. Офицеры сидяпъ подъ окномъ, и смѣются, смотря на неистовыхъ. — Я былъ нынѣ въ Театрѣ, и кромѣ веселоспи ничего не примѣпилъ въ зрителихъ. Молодые Офицеры перебѣгали изъ ложи въ ложу, и отъ всего сердца били въ ладоши, стараясь заглушить шумъ пьяныхъ буншвциковъ, которой раза при приводилъ въ замѣшательство актеровъ на сценѣ.

Между шѣмъ въ самыхъ окрестностяхъ Спразбурга толпы разбойниковъ грабяпъ монастыри.

Сказываютъ, что по деревнямъ ъздилъ какой-то человекъ, копорой называлъ себя Графомъ д'Аршуа, и возбуждалъ поселянъ къ мяпежу, говоря, что Король даетъ народу полную свободу до 15 Августа, и что до сего времени всякой можетъ дѣлать, что хочетъ. Сей слухъ заставилъ здѣшняго начальника обнародовать, что *одна адская злоба, достойная несмысленнаго наказанія*, могла распустишь такой слухъ. —

Здѣшняя кафедральная церковь есть величественное готическое зданіе, и башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ копоромъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, не лзя не почувствовать благоговѣнія; но кпо хочешь пипать въ себѣ это священное чувство, шотъ не смопри на барельефы корнизовъ и колоннъ,

гдѣ вы увидите прескверныя и смѣшныя аллегорическія фигуры. На прим. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ разныхъ орденовъ; иные съ важностію идутъ въ процессіи, другіе прыгають, и пр. На одномъ барельефѣ представленъ монахъ съ монахиною въ самомъ непристойномъ положеніи. — Богатыя одежды священниковъ и украшеніе олтарей показываютъ за диковинку. Вообразите, что одно серебряное Распятіе, подаренное церкви Людовикомъ XIV, стоило 60000 палеровъ! — По круглой лѣсницѣ, состоящей изъ 725 ступеней, всходилъ я почти на самой верхъ башни, откуда безъ нѣкопорого ужаса не могъ смотрѣть внизъ. Люди на улицахъ представлялись ползающими насекомыми, и цѣлой городъ, казалось, можно было въ минушу измѣрить аршиномъ. Деревни вокругъ Спраз-

бурга едва были примѣшны; миль за десяць и болѣе синѣлись горы. Говорящъ, что въ самую ясную погоду можно видѣть и снѣжные верхи Альпійскихъ горъ; но я не видалъ ихъ, сколько ни напрягалъ свое зрѣніе.—Часы сей башни, по разнообразнымъ своимъ движеніямъ, считались нѣкогда чудомъ Механики; но вѣроятно, что нынѣшніе гордые художники не такъ думаютъ. — Между колоколами, изъ копорыхъ самой большой вѣсомъ въ 204 центнера, показывали мнѣ такъ называемой *серебряной*, вѣсомъ въ 48 центнеровъ, и сказывали, что въ него благовѣспяшъ только въ Ивановъ день. Тамъ же хранился большой охотничій рогъ, копорымъ, лѣтъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жиды хотѣли подать сигналъ непріятелю для взяшья Спразбурга. Заговоръ открылся; многіе изъ Жидовъ были сожжены, многіе раззорены, а другіе вы-

гнаны изъ города. Въ память щасливо разрушеннаго заговора прубяпъ въ эпопъ рогъ всякую ночь два раза. — На стѣнахъ колокольни пупешеспвенники пишупъ свои имена, или спихи, или чпо кому вздумаеся. Я нашелъ и Рускія слѣдующія надписи: *Мы здѣсь были, и устали до смерти. — Высоко! — Здравствуй, братъ землякъ! — Какой же видъ!*

Въ Люперанской церкви Св. Томаса видѣлъ я мраморной монументъ Маршала, Графа Саксонскаго, славное произведение рѣзца Пигалева. Маршалъ съ жезломъ своимъ сходитъ по ступенямъ въ могилу, и съ презрѣніемъ смотритъ на смерть, копорая опкрываетъ гробъ. На правой споронѣ два льва и орелъ, въ ужасѣ и смященіи, изображающъ соединенныя арміи, побѣжденныя Графомъ во Фландріи. На лѣвой споронѣ предспавлена Франція въ образѣ пре-

красной женщины, которая, со всѣми знаками живой горести, хочѣвъ одною рукою удержавъ его, а другою оппалкиваетъ смерть. Печальной Геній жизни обращаетъ къ землѣ свой факелъ; и на сей же споронѣ развѣвающя побѣдоносныя знамена Франціи. — Художникъ хотѣлъ, чшобы удивлялись его искусству: по мнѣнію знапоковъ, онѣ достигъ своей цѣли. Я, не будучи знапокомъ, смотрѣлъ на фигуры — на ту, на другую, на прешью — и былъ въ своемъ сердцѣ пакъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онѣ сдѣланы. Смерть, въ образѣ скелета, одѣшаго маншією, была мнѣ пропивна. Древніе не пакъ изображали ее, — и горе новымъ художникамъ, пугающимъ насъ такими предспавленіями! На лицѣ Героя желалъ бы я видѣть другое выраженіе. Мнѣ хотѣлось бы, чшобы онѣ имѣлъ болѣе вниманія къ го-

респной Франціи, нежели къ гнусному скелесу. Коротко сказаць, Пигаль, по моему чувспву, есь искусной художникъ, но худой Поэтъ.—Подъ симъ монументомъ, въ темномъ сводѣ, поставленъ гробъ, въ которомъ лежишь бальзамированное тѣло Маршала; сердце заключено въ сосудъ, спящемъ на гробъ, а внупренность погребена въ землѣ. Людовикъ XV, по своей чувспвительности или по чему иному, не хотѣлъ исполнить послѣдняго желанія умирающаго Маршала, которое состояло въ томъ, чобы тѣло его было сожжено. *Qu'il ne reste rien de moi dans le monde*, сказалъ онъ, *que ma mémoire parmi mes amis!* —

Здѣшній Университетъ такъ же почти славенъ, какъ Лейпцигской и Геттингенской. Многіе Нѣмцы и Англичане прѣзжаютъ сюда учиться. Только изъ Спраз-

бургскихъ Профессоровъ очень не многіе извѣстны въ ученѣ свѣтѣ какъ Авшоры. Ихъ называютъ лѣтними въ сравненіи съ другими. Можетъ быть они богатѣе другихъ; а въ Германіи бѣдность дѣлаешь многихъ Авшорами. —

Наконецъ о городѣ скажу вамъ, что онъ многолюденъ; но что улицы очень широкы, и не лѣзя похвалишь архипекшуры домовъ.

Головной уборъ женщинъ здѣсь весьма страненъ. Крѣпко счесанные и насаленные волосы связываются (ш. е. передніе съ задними) на срединѣ головы; а на верху пришивается маленькая корона. Ничего не можетъ быть безобразнѣе шакова убора. —

Что принадлежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ очень испорченъ. Въ лучшихъ общеспвахъ говорящъ всегда по-Французски.

III.

Я надѣялся здѣсь найсти письмо отъ А*, но не нашелъ. Когда-то отъ васъ, мои любезные, получу письма! Живы ли вы? Здоровы ли вы? Чѣмъ съ вами дѣлается? Спрашиваю, и никакой Геній не шепчетъ мнѣ на ухо отвѣта. Путешествовать пріятно, но разставаться съ друзьями больно. — —

П. П. Мнѣ сказывали, что Лафатеръ за нѣсколько дней передъ симъ былъ въ Базелѣ для свиданія съ Неккеромъ. Я познакомился здѣсь съ однимъ Магистеромъ, очень любезнымъ человѣкомъ, копорой водилъ меня въ Университетъ, въ анатомическую театръ, въ медицинскую садъ, и копорой нынѣ за обѣдомъ и за ужиномъ пилъ здоровье отечественныхъ друзей моихъ. За ужиномъ у насъ былъ превеликой споръ между Офицерами о томъ, что дѣлать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ честному человѣку, Французу и О-

фицеру? Положивъ руку на ефесъ, говорили одни, и бытъ въ гоповности защищать правую спорону. Взять абшидъ, говорили другіе. Пить вино и надъ всѣмъ смѣяться, сказалъ пожилой Капишанъ, опорожнивъ свою бупылку.

—●—

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Спразбургѣ одинъ Офицеръ, когда я съ другими путешественниками садился въ дилижансъ: *дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасѣ много разбойниковъ.* Мы посмошрѣли другъ на друга. „У кого не много денегъ, пошъ не боится разбойниковъ“ — сказалъ молодой Женевецъ, копорой пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. „У меня естъ корпикъ и собака“ — сказалъ молодой человекъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій

подлѣ меня. „Чего бояться!“ сказали всѣ мы; побѣхали, и прѣбѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ естъ прекрасная земля. Города и деревни, черезъ копорые мы пробѣжали, всѣ хорошо выспроены. На шой и на другой споронѣ дороги плодоносныя поля. Лопарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ замковъ, предспавляющѣ для глазъ нѣчто романическое, и придающѣ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, упомипельныхъ для зрѣнія. Сіи горы болѣе и болѣе удаляются и шемнѣющѣ, шакъ что наконецъ не можно видѣть на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой спороны, за Рейномъ, возвыщающся черныя хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ распояніи ограничивающѣ горизонтъ. Близъ дороги изрѣдка попадающся въ глаза дерева и маленькія рошцы.

Французская почта гораздо скорѣе Нѣмецкой. Поспиллионъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ воротникомъ, и въ пакихъ сапогахъ, копорые были бы впору Гиганпу въ водяной болѣзни) безпрестанно машетъ хлыстомъ, и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати версахъ перемѣняютъ лошадей, и на каждой станціи надобно плашишь прогоны впередъ, на наши деньги копѣекъ по двадцати за милю (lieue). Изъ Спразбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три версты отъ Базеля, но естъ переѣхали въ день 29 Французскихъ миль, или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ ночевать, для того что ровно въ восемь часовъ запирающся въ Базель ворота, копорыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не отворяютъ.

Съ молодымъ челоѡкомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я коротко познакомиться. Онъ сынъ придворнаго Коппенгагенскаго Аптекаря Беккера, учился въ Германіи Медицинѣ и Химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго Профессора Клапроша), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ коршикомъ на бедрѣ, пересылая черезъ почту чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Спразбургѣ заболѣла у него нога, и принудила его сѣсть въ дилижансѣ. Теперь хочеть онъ видѣть все примѣчательнѣе въ Швейцаріи, а потомъ отпраѡится во Францію и въ Англію. Со всею нѣжностію дружбы любитъ онъ свою собаку, и дорогою безпреспанно смотрѣлъ, бѣжитъ ли она за каретою; когда же примѣшилъ, мила за двѣ не доѣзжая до нашего ночлега, что она уснула и начала оп-

спавать, по, пожелавъ намъ ца-спливаго пужи, вышелъ самъ изъ дилижанса, чптобы брести попи-хоньку съ своимъ другомъ.—Здѣсь въ Базель оспановились мы съ нимъ въ одномъ пракширѣ, подѣ вивѣскою аиспа.

И пакъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной Напуры, въ землѣ пишины и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое спало легче и свободнѣе, спанѣ мой распрямил-ся, голова моя сама собою поды-мается вверхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ.

Базель болѣе всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но кромѣ двухъ огром-ныхъ домовъ Банкара Саразеня, не замѣтилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрез-мѣрно худо вымощены. Жипелей по обширности города очень не много, и нѣкоторыя переулки за-

росли правою. Рейнъ раздѣляетъ Базель на двѣ часпи; и хопя сія рѣка здѣсь не шакъ широка, какъ въ Майнцѣ, однакожь, по быспрѣйшему своему печенію и по зеленому цвѣспу воды своей, показала мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста; не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важной поргъ съ Нѣмцами, и опсправляя въ Германію полошна, ленпы, шелковыя маперіи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ шакъ называемомъ Минспертѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе спарые монументы, съ разными надписями, показывающими бѣдность разума человѣческаго въ среднихъ вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги Императора Рудольфа I были для

меня примѣчательнѣе другихъ. Первой считался въ свое время ученѣйшимъ и оспроумнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ; въ доказательство чего можетъ служить слѣдующій, можетъ быть уже извѣстной вамъ анекдотъ: Эразмъ, прѣбывавъ въ Лондонѣ, посѣтилъ Томаса Моруса, Великаго Государственнаго Канцлера, и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Полипикѣ, Религии и другихъ предметахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и краснорѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или Демонъ!* — Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала Дурачеству, въ которой онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не щадя и самого Папы. Нѣкоторыя шушки конечно довольно остры; но многія грубы,

III.

5

сухи и напаянупы — и вообще книга сія довольно скучна для пѣхъ, копорые уже чипали остроумныя сочиненія Вольперовъ и Виландовъ осьмаго-надесяпъ вѣка. — Минсперъ споипѣ на високомѣ мѣспѣ, обсаженномѣ деревьями, опкуда видѣ очень хорошѣ.

Вѣ публичной библиошкѣ показываюпѣ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, копорыхъ цѣну знаюпѣ полько Анпиквариусы и Нумисмапографы; а чпо принадлежипѣ до меня, шо я сѣ большимѣ примѣчаніемѣ и удовольствіемѣ смопрѣлѣ шамѣ на карпины славнаго Гольбеина, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лице у Спасишеля на вечери! Іуду, какѣ онѣ здѣсь представленѣ, узналѣ бы я всегда и вездѣ. Вѣ Христѣ, сняпомѣ со креспа, не видно ничего божешпвеннаго; но какѣ умершій человекѣ изображенѣ онѣ весьма

естественно. По преданію разска-
зываютъ, что Гольбеинъ писалъ его
съ одного ушопшаго Жида. Спра-
спи Хрисповы изображены на
осьми карпинахъ. — Въ рапушѣ
есть цѣлая зала, расписанная *аль-
фреско* Гольбеиномъ. Знапоки го-
ворятъ о семъ живописцѣ, что
фигуры его вообще весьма хороши;
что тѣло писалъ онъ опмѣнно
живо, но одежду очень дурно. —
Въ оградѣ церкви Св. Пепра, на
спѣнѣ за решеткою, видѣлъ я и
славной *танецъ мертвыхъ*, копо-
рой, по крайней мѣрѣ опчаспи,
считаютъ за Гольбеинову работу.
Смерть ведетъ на погъ свѣтѣ
людей всякаго соспоянїя: и Папу
и Нимфу радости, и Короля и
нищаго, и добраго и злаго. Не бу-
дучи знапокомъ, могу сказаць,
что конечно не одно воображеніе
и не одна кисть произвели сей
рядъ фигуръ: споль хороши нѣ-
копорыя, и споль дурны прочїя!

Я замѣтилъ три или четыре лица, весьма выразительныя, и конечно достойныя лѣвой Гольбеиновой руки (*). Впрочемъ вся картина очень испорчена воздухомъ и сыростию.

Между прочими Гольбеиновыми картинами, копорыми гордился Базель, есть прекрасной портретъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ изобразилъ ее въ видѣ Лаисы (по чему легко можно догадаться, какого рода была слава ея), а подлѣ нее представилъ Купидона, облокотившагося на ея колѣни, и держащаго въ рукѣ стрѣлу. Сія картина найдена была на олшарѣ, гдѣ народъ поклонялся ей подъ именемъ Богоматери; и на черныхъ рамахъ ея написано золотыми буквами: *Verbum Domini manet in aeternum* (слово Господне пребываетъ вѣки.)

(*) Гольбеинъ писалъ лѣвою рукою.

Кабинетъ Господина Феша есть достпойной предметъ любопытства всѣхъ путешественниковъ, любящихъ искусство. Его цѣнятъ во 15 000 талеровъ. Конечно не многіе изъ частныхъ людей въ Европѣ имѣютъ такое собраніе прекрасныхъ картинъ, и конечно не многіе изъ богачей имѣютъ такой вкусъ, какъ Г. Фешъ. Но сколько завидны драгоцѣнныя его картины, столько же, или еще болѣе, завиденъ для меня и пощъ прекрасной видъ, копорымъ наслаждается сей любимецъ форшунны, смотря изъ оконъ своего кабинета на величественной Рейнъ, и взоромъ своимъ слѣдуя за его печеніемъ между двумя великими государствами. Тутъ Франція, Швейцарія и Германія представляются глазамъ въ разнообразной картинѣ, подъ голубымъ сводомъ неба — и я могъ бы цѣлой день неподвижно простоять въ семъ

магическомъ кабинетѣ, смопрѣшь и шихо въ душѣ восхищались, естльи бы не побоялся бышь въ шягосъ Господину Фешу. — На дворѣ передѣ его домомъ показываюшъ деревянную, и очень попорно выработанную спашую Императора Рудольфа I. Онѣ предспавленѣ сидящимъ на пронѣ въ порфирѣ и со всѣми знаками своего достоинства. Его избрали въ Императоры въ самое по время, когда онѣ войсками своими окружилѣ Базель; послѣ чего опворили ему городскія воропа — и онѣ жилѣ здѣсь, сказываюшъ, почно въ помѣ домѣ, въ которомъ живешъ шеперь Г. Фешѣ.

Нынѣ за обѣдомъ былѣ я свидѣтелемъ прогашельнаго явленія. Пожилой человекѣ, Кавалерѣ Св. Людовика, сидѣлѣ на концѣ стола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горешъ и блѣдность изнеможенія. Они не брали участія

въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и упирали плапкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: *это знатной Французской дворянинъ съ своею женою, которой по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи.* Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человекъ и молодая дама въ дорожномъ плащѣ. *Mon père! ma mère! mon fils! ma fille!* — и при сихъ восклицаніяхъ Кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнаты въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ — всѣ мы, сидѣвшіе за споломъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ,

другой рюмку, и оспался неподвиженъ въ семъ положеніи; шѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли зашворить рта, успремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролетѣла, минуша молчанія и пишины! но глубокія черпы оставила пы въ моемъ сердцѣ, которые всегда будутъ воспоминанъ мнѣ чувствительность людей — ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга! — Наконецъ Кавалеръ Св. Людовика, опирая лѣющія слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ перерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои, простите радостному изступленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ* (*), но, благодаря Всевышняго!

(*) Слово въ слово съ Французскаго;

видятъ ихъ въ щѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! Мы лишились своего имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ, когда жива дотъ наша, то забываемъ все прочее горе! Попомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы вспали, пошли за ними, и нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и претовали, чшобы онъ обьяснилъ намъ видѣнную нами сцену. — „Я могу вамъ сказаць единспвенно по, опвѣчалъ онъ, что буншующіе поселяне хотѣли убить моего господина; чшо онъ принужденъ былъ искаць спасенія въ бѣгспвѣ, оспавивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная обв участпи дѣпей своихъ, копорыя были въ гостяхъ у брата его, и копорыя шеперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.“ —

но галлицизмы шакого рода протспшительны.

Естьли вы въ полдень спросите здѣсь, *какой часъ*? то вамъ скажутъ въ отвѣтъ: *по общимъ часамъ двѣнадцать, а по Базельскимъ часъ* — то есть, здѣшнія часы идутъ всегда впереди пропивъ общихъ. Напрасно будете вы приспущать къ Базельцамъ и пребывать, чшобы они сказали вамъ подлинную причину сей спраннысти. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе рассказываютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженной заговоръ, — и такимъ образомъ: Нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ Бургомисстровъ узналъ о томъ, и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждой изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло, и возвратился до-

мой — послѣ чего всѣ Базельцы, въ память щасливой Бургомиспровой выдумки, переспавили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время Базельскаго *церковнаго конциліума*, для того, чшобы лѣнивые Кардиналы и Епископы вспавали и собирались ранѣе. — Какъ бы то ни было, полько Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почиаетъ сей обманъ за драгоценное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власти и не можетъ самъ избиратьъ начальниковъ, однакожь правленіе сего Кантона можно называть опчаспи демократическимъ; по шому чшо каждому гражданину опкрытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ, и люди самага низкаго соспянія бывають Членами Большаго и Малаго Совѣта, копо-

рые даюшъ законы, объявляюшъ войну, заключаюшъ миръ, налагаюшъ подати, и сами избираюшъ Членовъ своихъ. — Хлѣбники, сапожники, портные, играютъ часто важнѣйшія роли въ Базельской Республикѣ.

Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то важность, похожая на угрюмость, которая для меня не совсѣмъ пріятна. Въ лицѣ, въ походкѣ и во всѣхъ ухваткахъ имѣютъ они много характеристическаго. — Въ домахъ гражданъ и въ практикахъ соблюдается опмѣнная чистота, которую путешественники называютъ вообще Швейцарскою добродѣтелію. — Только женщины здѣсь опмѣнно дурны; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей, ни одной изрядной. —

Въ семи верстахъ отъ Базеля находилъсѣ такъ называемая *пустыня*, или обширной садъ, при-

надлежацій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами, здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ пропінкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частой, зеленой куспарникъ — индѣ глубокія пещеры, или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго гроба, гдѣ чистая вода, спруясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькой бассейнъ, споишъ монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженной. . . . Поздно, поздно пріѣхалъ я въ Швейцарію: умолкъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семъ шихомъ гробѣ, въ семъ свяпилицѣ меланхоліи, душа чувствуетъ помное уныніе и погружается наконецъ въ сладкую дремолу. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь,

Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Ципселевомъ сундукѣ изображены были (*). — Мы сходили въ подземной храмъ Прозерпины, и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ шихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайной холодъ и сырость не позволили намъ ни минушы побыть тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлестгеймѣ, принадлежащемъ Базельскому Епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель. —

Верспахъ въ двухъ или въ трехъ опсюда, гдѣ построена такъ называемая гошпипаль Св. Якова, было нѣкогда жестокое сраженіе

(*) Ночь представлена была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, изъ коихъ одинъ былъ блѣдой, а другой черной; одинъ спалъ, а другой казался спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

между Французами и Швейцарами, которые почти всѣ легли на мѣстѣ. Базельскіе жипели всякой годѣ въ Маѣ мѣсяцѣ приходящѣ шуа воспѣвають геройскія дѣла своихъ предковъ, и пить красное вино, называемое *Швейцарскою кровью*.

Я имѣлъ любопытство видѣть пощѣ домѣ, въ которомъ жилъ Парацельсѣ. Сказываютъ, что въ саду, принадлежащемъ къ сему дому, и по нынѣ находятъ еще огарки изъ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человека, которому, по признанію Ученыхъ, обязана Медицина многими минеральными лекарствоми, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но которой опѣ спрашнаго хвас повсѣва своего прослылъ шарлапаномъ въ цѣлой Европѣ (*). —

(*) Пишутъ, что онѣ часто лекціи свои начиналъ такъ: *Знайте, о Ме-*

Вообразите, что новой мой знакомецъ Б*, съ кошорымъ я уговаривался вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи, умираетъ — умираетъ отъ любви! Здѣсь въ пратирѣ живетъ молодая дама изъ Ивердона. Сегодня ужинала она за общимъ столомъ, сидѣла подлѣ Б* и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говорить. Нѣжное сердце моего Дашчанина распорилось отъ огненныхъ ея взоровъ. Онъ весь покраснѣлъ, забылъ пить и ѣсть, и только что подчивалъ красавицу; а при концѣ ужина подалъ ей записную книжку свою и карандашъ, прося, чтобы она написала ему какое нибудь наставленіе. Красавица взяла книжку, каран-

дики! это коллакъ мой ученѣ всѣхъ васъ, и это борода моя опытнѣ вашихъ Академій. Греки, Римляне, Французы, Италіяны! я буду вашимъ царемъ.

дашь—взглянула на него умильно, нѣжно — и написала по-Французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленіяхъ; слѣдуя своимъ побужденіямъ, оно слѣдуетъ предписаніямъ добродѣтели*— написала и подала ему съ улыбочкою. Madame! сказалъ восхищенной Б*... Madame!... Въ самую сію минушу всѣ изъ за-стола вспали, и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брату и ушла. Б* споялъ, смотрѣлъ въ слѣдъ за нею, и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему, что онъ едва ли можетъ завпра ѣхать со мною въ Цирихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

Базель, Августа 9.

Молодая Дама изъ Ивердона нынѣ поушпру уѣхала, и Дашчанинъ Б* исцѣлился опъ любовной своей

III. 6

болѣзни. Вмѣстѣ съ нимъ наняли
 ы здѣсь извозчика, или пакѣ на-
 зываемаго *кутера* (Kutscher), ко-
 шорой за два луидора съ палеромѣ
 повезетѣ насѣ въ Цирихѣ на парѣ
 жирныхѣ лошадей, въ двумѣспной-
 спаромодной карешѣ; и пакимѣ
 образомѣ за 60 верстѣ плашимѣ
 мы 17 руб. Въ Швейцаріи нѣтъ
 почты. — *Ступайте, господа!* кри-
 чилѣ намѣ почпенной Швейцар-
 ской извозчикѣ въ плисовомѣ фра-
 кѣ: *ступайте! селоданы ваши при-
 вязаны.* И пакѣ простипте!

—●—

Вѣ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею,
 милые друзья мои! Всякое дуно-
 вение вѣперка проникаетѣ, ка-
 жетѣся, въ сердце мое и развѣва-
 етѣ въ немѣ чувство радости.
 Какія мѣста! какія мѣста! Отѣ-
 ѣхавѣ отѣ Базеля верспы двѣ, я
 выскочилѣ изѣ карешы, упалѣ на

цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и гоповѣ былъ въ воспоргѣ цѣловать землю. Щасливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щаспие, живучи въ объятіяхъ прелестной Намуры, подѣ благодѣшными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служба одному Богу? вся жизнь ваша естъ конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая спрѣла должна крошко влѣпавъ въ грудь вашу (*), не возмущаемую ширани-

(*) Чипапель можеть быть вспомишѣ о спрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя *кратко умерщвляли* смертныхъ. Греки въ мѣсахъ своихъ предали намъ памятники *нѣжнаго* своего *густва*. Чшо можеть быть въ самомъ дѣлѣ *нѣжнѣ* еего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію *вѣчноюиго* Аполлона, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и спрѣиности?

скими спрашпями!— Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываешъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! еспьли бы теперь, въ самую сію минушу, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зветъ меня къ новому щаспію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, переменна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную проспію напуръи человѣческой — когда сердце мое отверзаешся впечатлѣніямъ красоты Природы — чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего спрашнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Бла-

госпію, еспьли бы Она съ копо-
рой нибудь спороны не усладила
для насъ всѣхъ необходимостей
—и съ сей-шо услажденной спо-
роны должны мы прикасаться къ
нимъ успами нашими! — Проспи
мнѣ, мудрое Провидѣніе, еспьли
я когда нибудь какъ буйный мла-
денецъ, проливая слезы досады,
ропсалъ на жребій человѣка! Те-
перь, погружаясь въ чувство Тво-
ей благоспи, лобызаю невидимую
руку Твою, меня ведущую! — —
Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ у-
жаснымъ шумомъ и волненіемъ
спремящагося между пихихъ лу-
говъ и садовъ виноградныхъ. Тупъ
мальчики и маленькія дѣвочки и-
грають, рвутъ цвѣты и бросають
ими другъ въ друга; шамъ покой-
ный селянинъ, насвисывая весе-
лую пѣсню, поправляетъ въ саду
своемъ сошки, увипя гибкимъ
винограднымъ спеблемъ — смо-
шрипъ на пробѣжихъ, и ласковымъ

мановеніємъ жєлаєшъ имъ добраго дня. — Високія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скриваются еще въ лазури опдаленія. Юра изгибаєшъ за нами хребєшъ свой, опбрасывающій синюю пѣнь на долины. — — Нѣшъ, я не могу писашъ; красопы, меня окружающія, опвлекаюшъ глаза мои опшъ бумаги.

*Рейнфельденъ, Австрійской горо-
докъ.*

И такъ я теперь во владѣніи нашего Союзника! — Кучеръ нашъ кормишъ своихъ лошадей хлѣбомъ, а я сижу въ шпакширѣ подъ окномъ, и смопрю на Рейнъ, копорого пѣна чущъ до меня не доле-шаєшъ.

Брукъ.

Мы обѣдали въ маленькой Швейцарской деревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣхала Француженка въ печальномъ плашьѣ, съ девяпилѣшнимъ сыномъ и съ блѣскою. Печальное плашье, блѣдное лице и помность въ глазахъ, дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. „Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать“ — сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, которой для Дашчанина былъ очень нѣженъ. „Есть ли это не будетъ вамъ прошивно“ — отвѣчала Француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. „Господинъ практирицикъ!“ закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: „вы конечно не заспавите насъ жаловаться на худой обѣдъ?“ *Увидите*, отвѣчалъ Швейцаръ съ нѣкоторою досадою, поправивъ на

головѣ своей шапку. — „Швейцары добрые люди“ — сказала Француженка съ улыбкою, съѣвъ за накрышой сполѣ — „шолько немного грубоваты.“ Поспавили кушанье. Б* рѣзалѣ, раздавалѣ, и всячески спарался услуживать Дамѣ и сыну ея. Онѣ не могѣ ушерпѣшь, чшобы не спросить у нее, по комѣ носить она праурѣ. „По братѣ, опвѣчала Француженка со вздохомѣ. Онѣ писалѣ ко мнѣ изѣ Т* о своей болѣзни; я побѣхала къ нему съ маленькимѣ своимѣ Пьеромѣ, и — нашла его лежащаго въ гробѣ.“ Тутѣ обшерла она слезу, копорая выкапилась изѣ *праваго* глаза ея, какѣ сказалѣ бы Йорикѣ.— А въ какихѣ лѣпахѣ былѣ вашѣ брапецѣ? спросилѣ Б*, и заспавилѣ меня опѣ досады повернутьсѣ на спулѣ. — „Старѣе меня пяпью годами“ — опвѣчала она, и обшерла *другую* слезу, блиспавшую на *нижней ресницѣ лѣваго* гла-

за ея. Господинъ Б*! сказалъ я :
 вы оскорбляете чувствительность
 Госпожи Н. Н. гореспными воспо-
 минаніями. Я эпова не думалъ (оп-
 вѣчалъ онъ покраснѣвши), право
 не думалъ. Простите меня, суда-
 рыня! „Рана въ сердцѣ моемъ такъ
 еще свѣжа, сказала она, что кровь
 не переспавала изъ нее липсья.“
 — Маленькой Пьеръ бросилъ лож-
 ку, посмотрѣлъ на мать, вспалъ,
 подбѣжалъ къ ней, началъ цѣло-
 вать ея руку, и между поцѣлuya-
 ми взглядывалъ на нее такъ умиль-
 но, и говорилъ ей такъ нѣжно :
маменька, не плаьте! не плаьте,
любезная маменька! что я пошелъ
 въ карманъ за бѣлымъ плапкомъ,
 а Б* въ воспоргѣ вскочилъ со спу-
 ла, схватилъ руку ея, копорою
 обнимала она сына своего, и при-
 жалъ ее къ своимъ губамъ. Въ са-
 мую сію секунду вошелъ прак-
 пирщикъ. *Ба! что это?* сказалъ
 онъ грубымъ голосомъ: *я думалъ,*
 III.

то вы объдасте. Никто не отвѣчалъ ему. Госпожа Н. Н. высвободила свою руку (на копорой оспалось розовое пяпно), и помнымъ взоромъ наказала чувспвипельнаго Б* за нескромной жаръ его. Вели подашь намъ кофе, сказалъ я пракирщнику; но онъ споялъ какъ вкопаной, выпучивъ глаза на Француженку, копорой блѣдныя щеки, опъ внушрениаго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между пѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто его. Б* сѣлъ на свое, и мы принялись за десертъ. Госпожа Н. Н. успокоилась, и сказала намъ, что она возвращается шеперь къ своему мужу, копорой рѣдомъ Швейцаръ, но по порговымъ дѣламъ жилъ долгое время во Франціи, и будучи въ Т*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переѣхалъ жить въ К*. Онъ очень щаспливъ, сударыня (сказалъ я), имѣя шакую

супругу; но онъ конечно достоинъ своего щастія, потому что вы нашли его достойнымъ любви вашей. — Тутъ кучеръ объявилъ намъ, что лошади впряжены. Надобно было расплашиться съ пракпирщикомъ и проспиться съ нѣжною Француженкою. Она позволила намъ расцѣловать своего Пьера, — изъ чего вышла опять чувствительная сцена, и вопль какимъ образомъ. Въ самую эту минуту, какъ Б* обнималъ маленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по столу, вскочила ему на голову, и передними своими лапками шакъ ласково ухватила его за носъ, что онъ закричалъ. Госпожа N. N. ахнула; а пракпирщикъ, споявшій у дверей, захохоталъ во все горло. Бѣлку спащили съ головы моего пріятеля, и маленькой Пьеръ, вертя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ Господина Б*?* Учпивой.

пріятель мой увѣрялъ Госпожу N. N., что ему не приключилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга. „Ахъ, государь мой! сказала она: я вижу кровь, я вижу кровь!“ . . . и бѣлымъ своимъ плащкомъ обтерла двѣ красныя капли на его переносицѣ. „Ахъ, сударыня! опѣвчалъ Б*, будучи пронупѣ до глубины сердца: какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ; и самой вашей бѣлки я никогда не забуду.“ Госпожа N. N. подарила ему пробочку Англійскаго пластыря, желая, чтобы цѣлительная сила его загладила пресступленіе ея звѣрка. Тутъ мы снова проспились, получивъ отъ нее адресъ ея, и записавъ ей наши имена. Маленькой Пьеръ проводилъ насъ до кареты. Милая Француженка смотрѣла изъ окна, когда мы сѣлись. Про-

сшите, сударыня, просшите! кричалъ ей Б*. Просшите! отвѣчала она. Просшите! кричалъ маленькой Пьеръ, кивая головою. — Мы побѣхали, и долго еще говорили о любезной Госпожѣ Н. Н., копорая въ воображеніи моего Б* запомнила образъ молодой Госпожи изъ Ивердона. —

Пробъжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое спеченіе народа; велѣли кучеру остановиться, вышли изъ кареты и вперлись въ толпу. Тутъ вязали одного молодого человѣка, копорой со слезами просилъ, чшобы его освободили. Чшо такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. „Онъ укралъ, укралъ два шалера въ лавкѣ“ — ствѣчали намъ вдругъ чловѣка чешыре: „у насъ никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказать.“ — Однакожь онъ плачетъ, сказалъ я: добродушные Швейцары! пустите

его! — „Нѣтъ, его надобно нака-
зать, чтобы онъ переспалъ краспъ“
— опѣвчали мнѣ. По крайней мѣ-
рѣ, добродушные Швейцары, на-
кажише его пакъ, какъ опцы на-
казывають дѣшей своихъ за ихъ
проспуки, — сказалъ я, и по-
шелъ къ своей карепѣ. — Можеть
быть ни въ какой землѣ, друзья
мои, не бываетъ пакъ мало пре-
спуплений, какъ въ Швейцаріи, а
особливо воровства, которое счи-
таешся здѣсь за великое злодѣя-
ніе. О разбогахъ и убивствахъ со-
всѣмъ не слышно; миръ и шиши-
на царспвуютъ въ щасливо й
Гельвеціи. —

Спускаясь съ высокой горы, ко-
торая виситъ надъ городомъ, могъ
я обнять глазами великое про-
спранство; и все сіе проспран-
ство усѣяно щедрошами Напуры!
Здѣсь мы нчуемъ; а завпра по-
ушру будемъ въ Цирихъ.

Цирихъ.

Съ опмѣннымъ удовольствіемъ подвѣзжалъ я къ Цириху; съ опмѣннымъ удовольствіемъ смопрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣпное, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ вѣжной Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія паспуховъ и паспушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ опечестиву, копорыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германъ*; гдѣ Бодмеръ собиралъ черпы для картинъ своей Ноахиды, и пипался духомъ временъ Папріаршихъ; гдѣ Виландъ и Геше въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечпали для попомсшва; гдѣ Фридрихъ Шполбергъ, сквозь шуманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духъ своемъ древнѣйшаго изв пворцевъ Греческихъ, пѣвца

боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнченнаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношество — видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ опзывѣ повпорялъ пѣсни его на языкѣ Тевпоновъ (*); гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею грустію, и всякой цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ. —

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ шракпирѣ, подѣ вывѣскою *горона*, опвели намъ большую, свѣплую комнапу. Обширное Цирихское озеро разливаешся у насъ передѣ глазами, и почти подѣ самыми нашими окнами выпекаешъ изъ него рѣка Лиммапа, копорой шумное и быспрое спремленіе пріятнымъ образомъ опличаешся опѣ шихой зыби водѣ его; прямо

(*) Т. е. Нѣмцовъ. — Штолбергъ перевелъ Иліаду.

противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ спорону, видны Швицкія, Унпервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрышыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнаѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли скажешь къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минупу показался сухой, высокой, блѣдной человекъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать — Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, и услышавъ, что я поэтъ Москвитянинъ, которой выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ прїѣздомъ въ Цирихъ — сдѣлалъ мнѣ два или

при вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: „Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или о-спаньшесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете чашать и разсма-привать, что вамъ угодно. Будь-те здѣсь какъ дома.“ — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: *Физиогномической Кабинетъ*, и ушелъ. Я поспоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физиогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланной мнѣ приѣмъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдуться дружелюбнѣе, и услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основывалась такая надежда? Друзья мои! не шребуйте опъ меня опѣша, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь

про себя на счетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза при приходилъ опять въ кабинетъ, запрецалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Брейпингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ пронцапельнымъ взоромъ, — у копораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издапель Христіанскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хопя, разсматривая лице его по часнямъ, уви-

дѣлѣ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое; однакожь первое впечатлѣніе оспалось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ семъ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ частей лица, однакожь оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсмаприваніемъ лицъ человѣческихъ, искалъ сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч. а теперь, будучи обвинѣнъ воздухомъ погѣ города, копорой можно назватъ колыбелію новой Физиогномики, Метропоскопи, Хиромантіи, Подоскопи — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили пабакъ и пили чай, а Лафатеръ рассказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ.

Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. „Есѣли бы хотѣлъ я, вообразить совершеннаго Министра, по представилъ бы себѣ Неккера. Лице, голосъ и движенія не измѣняютъ у него сердцу. Вѣчное спокойствіе есть его стихія. Однакожь онъ не рожденъ великимъ, какъ какъ Невшонъ, Вольперъ, и проч. Великосіе его есть приобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ изъ себя все возможное.“ Лафатеръ видѣлъ его въ самой пошлѣ часѣ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Национальнаго Собранія, и посвятивъ сердечной вздохъ спокойному приспанищу, ожидавшему его при подшвѣ горы Юры (*), возвратилъ-

(*) Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; но можешь ли единообразная, непрерывная, праздная пишина быть щастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человека? Сія

ся въ бурной Парижѣ. — Я былъ слушашелемъ въ бесѣдѣ Цирих-

жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣешь въ себѣ нѣчто несма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, попрысающихъ уединенное жилище его, шомится въ уныніи, и помышляя о пропекшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, внушенно укоряетъ сей народъ неблагодарностію, и взываетъ съ Царемъ Леаромъ или Лиромъ : Blow winds, rage, blow! J tax not you, you elements, with unkindness; J called not you my children; J never gave you kingdom! (*Шумите, свирѣлыя вѣтры, шумите! я не жалуясь на свирѣлость вашу, раздраженныя стихіи! вы не дѣти мочи; вамъ не отдавалъ я царства*). Читай сие дѣспю въ новой книгѣ его, sur l'Administration de M. Nec-ker, par lui-même, едва могъ я отъ слезъ удержаться. Французы! вы кричали нѣкогда: да здравствуетъ Нація, Король и Неккеръ! а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

скихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнiю не понималъ всего, что говорено было; потому что здѣсь говорятъ самымъ нечиспымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до пракпира, и простился со мною до завпрашняго дня.

Вы конечно не попребуете отъ меня, чтобы я въ самой первой день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единспвенно то, что онъ имѣетъ весьма почпенную наружность: прямой и спройной станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, оспрые глаза и важную мину. Всѣ его движенiя живы и скоры; всякое слово говоритъ онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительское или повелительное, происшедшее ко-

нечно опѣ навыка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непришворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое по тому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заставлялъ меня говорить какъ можно скорѣе; а второе по тому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усиливаться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ опеченчеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разсѣяться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несетъ

ся изъ оконъ сосѣдняго дома. Это
голосъ юноши — и вопль слова
пѣсни:

*Отчество мое! любовію къ тебѣ
горитъ вся кровь моя; для пользы
твоя готовъ ее пролить; умру
твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.*

*Отчество мое! ты все въ себѣ
вмѣщаешь, тѣмъ смертный можетъ
наслаждаться въ невинности своей.
Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы;
въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ;
въ тебѣ земныя блага рѣкою пол-
ною лѣются.*

*Отчество мое! любовію къ тебѣ
горитъ вся кровь моя; для пользы
твоя готовъ ее пролить; умру
твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.*

*Мы всѣ живемъ въ союзъ брат-
скомъ; другъ друга любимъ, не
боимся, и тѣмъ того, кто добръ
и мудръ. Не знаемъ роскоши, ко-
торая свободныхъ въ рабовъ, въ ти-
рановъ превращаетъ. На то намъ
блескъ искусства, когда Природа*

III.

здѣсь сілетъ во всей своей красѣ—
когда, мы изъ грудей ея неимъ
блаженство и восторгъ?

*Отчество мое! любовію къ тебѣ
горитъ вся кровь моя; для пользы
твоея готовъ ее пролить; умру
твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.*

Голосъ умолкъ; пишина ночи
царспвуепѣ въ городѣ. Проспите,
друзья мои!

11 Августа, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Ла-
фашеру, нашелъ я у него въ ка-
бинетѣ жену владѣтельнаго Гра-
фа Шполберга, копорая чипала
про себя какой-то манускриптѣ,
между пѣмъ какъ хозяинъ (нв. въ
песпромѣ своемъ шлафрокѣ) пи-
салъ письма. Черезъ полчаса ком-
наша его наполнилась госпями.
Всякой чужеспранецъ, пріѣзжаю-

цій въ Цирихъ, считаеѣтъ за должностѣ быѣтъ у Лафатера. Сѣи посѣщенѣя могли бы иному наскучѣтъ; но Лафатерѣ сказалѣ мнѣ, что онѣ любитѣ видѣтъ новыхѣ людей, и что онѣ всякаго прѣѣзжаго можно чему нѣбудь научѣтъся. Онѣ повелѣ насѣ кѣ своей женѣ, гдѣ пробыли мы сѣ часѣ—поговорили о Французской революцѣи, и разошлись. Послѣ обѣда я опѣять пришелѣ кѣ нему, и нашелѣ его опѣять заняпаго дѣломѣ. Кѣ тому же всякую чепверѣтъ часа кѣпо нѣбудь входѣлъ кѣ нему въ кабинетѣ, или прѣбовать совѣта, или просѣтъ милосѣтѣни. Всякому отвѣчалѣ онѣ безѣ сердца, и давалѣ, что могѣ. Между тѣмѣ я познакомѣлся сѣ живописѣомѣ Липсомѣ, копороѣ не давно прѣѣхалѣ ѣзѣ Италѣи, и живешѣтъ у него въ домѣ. Кѣ намѣ пришелѣ еще Пфеннингерѣ, сѣ копораго Липсѣ началѣ списыватѣ поршпретѣ, и сѣ

копорымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ отъ насъ въ чепыре часа, и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, на прим. рапуши и проч., не замѣнилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ; а многіе улицы или переулки не будучи ни въ сажень шириною.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показывающъ спрѣлу, копорою славной Вильгельмъ Тель сшибъ яблоко съ головы своего сына и заспрѣлилъ Императорскаго Губернатора Гейслера, — что было знакомъ къ общему бунту. — Въ публичной Цирихской библіотекѣ между прочими манускриптами хранятся при Лавинскія письма отъ шестнадцатилѣтней Анны Гре къ Реформатору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою, и наполнен-

ныя чувспвами сердечнаго благо-
чеспія. Разныя мѣста, приведен-
ныя ею въ сихъ письмахъ изъ
Еврейскихъ и Греческихъ книгъ,
показываютъ, что она знала и
пошъ и другой языкъ. Такая уче-
носць въ шеснадцатилѣтней дѣ-
вицѣ могла бы и нынѣ удивить
насъ: что же тогда? Нещасная
Гре! ты была украшеніемъ свое-
го времени, и скончала цвѣтущую
жизнь споль ужаснымъ образомъ!
Тронъ былъ тебѣ погибелью.

Августа 12.

Нынѣ рано поуштру прислалъ за
мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ
съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ
друзей его ишши обѣдать къ де-
ревенскому Священнику Т*. Это
путешествіе уномило меня до
крайности. Надобно было всхо-
дить по камнямъ на высокую и

крупную гору. Нѣкоторые изъ нашихъ сопутниковъ, для облегченія своего, скинули съ себя кафшаны, и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнувъ и любовавшья прекрасными видами, которые наградили меня за все преперпѣнное мною. „Удивительно ли (сказалъ мнѣ Г. Гесъ, указывая рукою на свѣтлое озеро, на горы и плодосносныя долины) удивительно ли, что Швейцары такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрите, сколько красота здѣсь разсѣяно!“ — На узкой долинѣ между горъ, въ семи верстахъ отъ Цириха, лежишъ та маленькая деревенька, которая была цѣлю нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушной Священникъ со всѣми знаками дружелюбія. Въспѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери, которые всякому живописцу могли бы слу-

ваши съ чистымъ снѣгомъ высо-
кихъ горъ, когда восходящее сол-
нце сыплетъ на него алыя розы ;
хотѣлъ бы уподобить улыбку ва-
шу улыбкѣ весенней Природы, гла-
за ваши звѣздамъ вечернимъ—но
скромность вашихъ взоровъ опни-
маетъ у меня смѣлость хвалишь
васъ. — Никогда еще не видывалъ
я двухъ женщинъ, споль между
собою сходныхъ, какъ сіи двѣ кра-
савицы. Кажется, что Граціи об-
разовали ихъ въ одно время и по
одной модели. Ростъ одинакой,
лица одинакія ; у обѣихъ черные
глаза и русые волосы, по плечамъ
распущенные ; на обѣихъ и бѣлыя
платья одинакаго покроя (*). —
„Я привелъ къ вамъ Рускаго (ска-
залъ Лафашеръ), которой знакомъ

(*). Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣ-
тѣ! Горы Швейцарскія! вы не защи-
щили ее отъ безвременной, жесто-
кой смерти!

сѣвашею родспвенницею, дѣвицею Т*.“ Хозяйка меня спрашивала, а дочери слушали, наливая чай для гостей своихъ. Признаюсь, я выпилъ лишнюю чашку, и выпилъ бы еще десять, есъли бы красавицы не переспали меня подчиваешь. — Между тѣмъ я обратилъ глаза свои на большой шкафъ сѣ книгами, и нашелъ шупъ почти всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ Сшихотворцевъ. Вы конечно любите Поэзію? спросилъ я у хозяина. *Родясь въ романтической землѣ, опвѣчалъ онъ, какъ не любить Поэзіи?* Между тѣмъ мы отдохнули, и пошли гуляшь по саду. Со всѣхъ споронъ представлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ тѣсныя предѣлы нашему зрѣнію.—Есъли мнѣ когда нибудь наскучитъ свѣтъ; есъли сердце мое когда нибудь умретъ всѣмъ радостямъ общежитія; есъли уже не будетъ для

III.

него ни одного сочувствующаго сердца: по я удалюсь въ эту пустыню, копорую сама Напура оградила высокими спѣнами, неприступными для пороковъ, — и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и Напуры. — Возвратясь въ комнапу, нашли мы на сполѣ кушанье. Обѣдѣ былъ самой изобильной; говорили, шутили, смѣялись. Лафатеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ, попрепавъ меня по плечу; *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ Московскимъ пріятелемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожь не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ спола; всякой взялъ листочикъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Попомъ бумажки смѣшались и роздали. Всякой долженъ былъ опвѣчать на шопъ вопросъ, копорой ему доспался, и написавъ но-

вой. Такимъ образомъ продолжались вопросы и опившты; пока на листочкахъ не оспалось блага мѣспа. Тутъ прочли вслухъ все написанное. Нѣкоторые опившты были довольно оспроумны; а Лафашеровы опличались опъ другихъ, какъ луна опъ звѣздъ. Сеспры прелеспницы опивчали всегда престо и хорошо. Вопъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинной благодѣтель?* Опившъ: *Тотъ, кто помогаетъ ближнему въ наспящей его нуждѣ.* Сей опившъ, при всей своей престопѣ, заключаетъ въ себѣ разительную испину. Давай всякому по, въ чемъ онъ на сей разъ имѣетъ нужду; не читай нравоченій пому чловѣку, кспорой умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля пому, кпо упоаетъ, а выпаци его изъ воды. — Вопросъ: *Нужна ли жизнь такого-то теловѣка для совершенія такого-то*

дѣла? Ошвѣщѣ: *Мужна, естли онѣ живѣ останетя; не нужна, естли онѣ умретѣ.* — Вопросѣ: *Что всего лучше въ томѣ мѣстѣ, гдѣ мы теперь?* Ошвѣщѣ: *Люди.* — Пошомѣ изѣ нѣсколькихѣ заданныхѣ словѣ, между копорыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинитѣ чшо нибудѣ связное. Тупѣ вышло все смѣшное. — Желалѣ бы я, чшобы мы переняли у Нѣмцовѣ сіи оспрящія разумѣ игры, кошорыя могушѣ бышѣ споль забавны въ пріятельскихѣ общеспвахѣ (*).

Наконецѣ, поблагодаривѣ хозяина за угощеніе, ошправились мы назадѣ въ Цирихѣ. Добродушной Священникѣ сѣ двумя своими Ореадами пошелѣ насѣ провожашѣ; красавицы очень успали, и я на силу могѣ упросилѣ одну изѣ нихѣ

(*) Желаніе Автора исполнилось : нѣкошорыя изѣ нашихѣ Дамѣ полюбили играшѣ въ *волросы и отвѣты*.

взяпъ мою простъ. На вершинѣ горы мы съ ними распались, и возвратились въ городъ почти ночью. Я простился съ Лафатеромъ на два дни; попому что намѣренъ завтра вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Б* иппи пѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до котораго считается отсюда пять миль.

Элизау, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ Б* изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали испощаться — день былъ самой ясной — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на правую подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ трактира

вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы черезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза приоспанавливался отдыхашь. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ воспоргъ, и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минуя съ пять не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего поварища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? „Я думаю, отвѣчалъ Б*, что оно — слишкомъ — слишкомъ возвеличено путешественниками.“ Мы одно думаемъ, сказалъ я: рѣка, съ пѣною и съ шумомъ низпадающая съ камней, конечно стоитъ того,

чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ шопѣ громозвучной, ужасной водопадѣ, копорой вселяетѣ трепетѣ въ сердце? — Такимѣ образомѣ мы поговорили другѣ съ другомѣ, и боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротѣ, опложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадѣ вблизи. Насилу могѣ и допашисья до города: такѣ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ пракширѣ *въица*, гдѣ обыкновенно оспанавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходцы и съ головы до ногѣ покрыты пылью — приняли насѣ очень учтиво. Сей пракширѣ почитается однимѣ изѣ лучшихѣ въ Швейцаріи, и существуетѣ болѣе двухѣ вѣковѣ. Монпанѣ уломинаетѣ обѣ немѣ, и припомѣ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монпанѣ былѣ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году. — Послѣ хо-

рошаго ужина бросился я на поспелю и заснулъ мершвымъ сномъ. На другой день поупру, ш. е. сегодня, былъ я у Кандидаша Миллера, Авпора хорошо-приняпой книги, подъ шишуломъ Philosophische Aufsätze, и у богашаго купца Гауппа, къ копорымъ далъ мнѣ Лафаперъ рекомендапельныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись пому, чпо падение Реина не сдѣлало во мнѣ сильного впечатлѣнія; но услышавъ, чпо мы видѣли его съ горы, со спороны Цириха, переспали они дивисься, и увѣряли меня, чпо я конечно перемѣню свое мнѣние, когда посмопру на него съ другой спороны, и вблизи. — О городѣ не могу вамъ сказаць ничего примѣчанія доспойнаго, друзья мои. Не буду описываць вамъ и славнаго деревяннаго моспа, поспроеннаго не Архипекпоромъ, но плопни-

комъ ; моста , копорой дрожитъ подъ ногами одного человѣка , и по копорому безъ всякой опасности ѣздитъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду , до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ . Приѣхавъ туда , сошли съ горы и сѣли въ лодку . Спрямленіе воды было очень быстро . Лодка наша спрашно качалась ; и чѣмъ ближе подѣзжали мы къ другому берегу , тѣмъ яростнѣе мчались волны . Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ . Приставъ къ берегу , съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокой утесъ , попомъ опять спустились ниже , и вошли въ галерею , построенную , такъ сказать , въ самомъ водопадѣ . Теперь , друзья мои , представьте себѣ большую рѣку , копорая , преодолевая въ

печеніи своемъ всѣ препоны, полагаемая ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростию, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей граничной преграды, и не находя себѣ пуши подъ сею пвердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростию лепящихъ одна за другою, мириадами поднимаются вверхъ, и соспавляюшъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы спояли, прясливъ безпреспанно. Я весь облипъ былъ водяными часпицами, молчалъ, смонрѣлъ и слушалъ разные звуки низпадающихъ волнъ: ревуцій концерпъ, оглушающій душу! Здѣсь живописецъ бросаетъ кисть свою, и Поэпъ не находипъ словъ для описанія сего ужасно-великаго

явленія. Развѣ только въ страшные дни древняго попопа, когда правосудный Богъ превратилъ земные пары во влажной гробъ развратнаго человѣчества, водная стихія ярилась такъ, какъ она здѣсь ярился. Я готовъ былъ на колѣняхъ просить прощенія у Рейна, въ томъ, что вчера говорилъ о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа были мы въ сей галлерей; но это время показалось мнѣ минутою. Перебѣгая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли: что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ каршину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается

Реинъ , вышиною будетъ около семидесяти пяти фушовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, спремящихся сокрушить его , стоить непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ спихопворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щипомъ душевной твердоспи опражающему всѣ удары злаго рока); — а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крупомъ берегу предспавлялись мнѣ старой замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятной ландшафтъ.

Наконецъ, оппустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Реину. Нѣсколько разъ обращались глаза

мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще опзывался въ моемъ слухъ. — Лодошникъ почелъ за нужное сказаць намъ, чпо въ Америкъ естъ подобной водопадъ. Онъ не умѣлъ назваць его; но мы поняли, чпо онъ говоришь о Ніагарѣ.

—●—

Элизау.

Шумящія волны быспро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ шакъ доволенъ, шакъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въшакое пріяшное волненіе; солнце шакъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленныя решепки въпъвиспыхъ деревъ, которыя въ разныхъ мѣспяхъ увѣнчевають высокой берегъ; жаркое золопо лучей его шакъ прекрасно мѣшалось съ чпспымъ се-

ребромъ Рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиковъ, копорые соспавляюшъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ проспотѣ Напуры — ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплашивъ лодошнику новой Французской шалеръ, или два рубли. Хотя солнце уже садится, однакожь мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ шпактирѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуститься пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, копорой съ корпикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости — всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію.

До Цириха остається намъ перейти еще болѣе двухъ миль. Завтра воскресенье, и Лафатеръ поупру въ семь или въ восемь часовъ будещъ говорить проповѣдь въ церкви Св. Петра; мнѣ хочеться припши шуда къ сему времени.— Б* подаещъ мнѣ посохъ и шляпу. Простите!

—●—

Кортма.

Лишь только вышли мы изъ Эглизау, солнце закапилось; сѣрая облака покрыли небо; вечеръ спановился часъ отъ часу темнѣе, и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было ипши лѣсомъ, въ копоромъ царспвовала мерпвая ипишина. Мы оспанавливались и слушали — но ни одинъ листочикъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повпорило его, и опяшь

все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ свяпилицу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали споящаго съ кипарисною вѣшью. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы около двухъ часовъ, не встрѣясь ни съ однимъ человѣкомъ. Тумъ повѣялъ сильной, холодной вѣтеръ, и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какой нибудь деревни или до пракпира, гдѣ бы намъ можно было ночевать. Я и самъ желалъ того же: лѣпный мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали; только въ одномъ домѣ свѣтился огонь, и сей домъ былъ пракпиръ. Съ видомъ удивленія посматрѣвъ на насъ пракпирщикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *въ темную ночь*

бродить пѣшкомъ не прилично та-
кимъ господамъ! опворилъ намъ
дверь. Мы вошли въ большую гор-
ницу, въ которой не было ничего,
кромѣ пяпи или шесни споловъ
и дюжины деревянныхъ спульевъ.
Прежде всего заговорили мы объ
ужинѣ. Топчасъ все будепъ го-
пово, сказалъ пракпирщикъ, и
принесъ намъ сыру, масла, хлѣба
и бушылку кислаго вина. Чпо же
еще будепъ? спросили мы. Ниче-
го, опвѣчалъ онъ. Дѣлашь было не
чего, и пожавъ плечами, принялись
мы за ужинъ. Попомъ хозяинъ
проводилъ насъ [въ спальню, то
есть на чердакъ, въ маленькой чу-
ланѣ, гдѣ мы нашли постелю, о-
чень не мягкую и не чистую; од-
накожь усшалость принудила насъ
искашь на ней успокоенія. Че-
резъ два часа я проснулся, взялъ
свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту гор-
ницу, гдѣ мы ужинали, и сѣлъ на-
писать къ вамъ нѣсколько спрокъ,

III.

друзья мои! Между пѣмѣ поваричѣ мой спитѣ очень покойно. Однакожь я намѣренѣ шеперь разбудить его, чѣобы, напившись кофе, ийти въ Цирихѣ. Вѣперѣ ушихѣ, и небо прояснилось; скоро будетѣ свѣпать.

Цирихѣ.

Вѣ половинѣ девятаго часа пришли мы въ Цирихѣ, въ самое по время, когда весь народѣ шелѣ изѣ церкви; и такимѣ образомѣ въ сие воскресенѣ не удалось мнѣ слышать Лафатеровой проповѣди. Всѣ мужчины и женщины, копорые мнѣ встрѣчались на улицахѣ, были одѣты по-праздничному: первые по большой часпи въ темныхѣ кафпанахѣ, а послѣднѣя, всѣ безѣ исключенѣя, въ черномѣ длинномѣ платьѣ изѣ шерспяной маперии; на головахѣ у нихѣ были или чеп-

чики или покрывала. Парадное плащѣ Цирихскихъ Сенапоровѣхъ состоипѣ въ черномѣ суконномѣ кафтанѣ, съ черною шелковою епанчею и съ превеликимѣ бѣлымѣ крагеномѣ. Въ такомѣ нарядѣ приходящѣ они обыкновенно въ Совѣщанскѣ и въ церковь по воскресеньямѣ.

Нынѣ послѣ обѣда принялъ меня Лафатеръ очень ласково, и наговорилъ мнѣ довольно пріятнаго. Ему хочешся, чпобы я выдалъ на Рускомѣ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. „Когда вы возврапитесь въ Москву, сказалъ онѣ, я буду пересылашь къ вамѣ черезъ почту рукописной оригиналъ. Вы можете собрать подписку, и увѣришь Публику, чпо въ извлеченіи моемѣ не будетъ ни одного необдуманнаго слова.“ Чпо вы объ этомѣ скажете, друзья мои? Найдутся ли у насѣ чипапели для такой книги? По крайней мѣрѣ

сомнѣваюсь, чпобѣ ихѣ нашлось много. Однакожь я принялъ Лафатерово предложеніе, и мы ударили съ нимѣ по рукамѣ. — Опѣ него ходилѣ я на Цирихское загородное гульбище, большой прекрасной лугѣ, на берегу рѣки Лимматши, осѣняемый спарыми, почпеными липами. Тутѣ нашелѣ я очень много людей, копорые всѣ кланялись мнѣ какѣ знакомому. Таковѣ обычай въ Цирихѣ: всякой встрѣчающійся на улицѣ челоувѣкѣ говоритѣ вамѣ: *доброй день*, или *доброй вечерѣ!* Учпивосѣ хороша; однакожь рука устанетѣ сниматьѣ шляпу — и я рѣшилѣя наконецѣ ходить по городу съ опкрыпою головою. Въ девятпомѣ часу возвратилѣя я къ Лафатеру, и ужиналѣ у него съ нѣкопорыми избѣ его пріятелей и со всѣмѣ его семейспвомѣ, кромѣ сына, копорой теперѣ въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь не хороша лицомѣ, а меньшая очень

пріятна и рѣзва ; первой будетъ около двадцапи, а послѣдней около двѣнадцапи лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей — я обратилъ на Лафатера все свое вниманіе — но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справедливо будетъ пресовать отъ него , чшобы онъ хвалилъ тѣхъ, копорые бранятъ его такъ жестоко ; довольно , естли онъ не плашитъ имъ шакою же бранью. Пфеннингеръ сказывалъ мнѣ, чшо Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не чипать тѣхъ сочиненій, въ копорыхъ объ немъ пишутъ ; и шакимъ образомъ ни хвала , ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной швердости ; и чело-вѣкъ, копорой, поступаая сообраз-

но съ своею совѣстію, не сморитѣ на то, чшо думаютѣ объ немѣ другіе люди, естѣ для меня великой человѣкѣ. Между шѣмѣ, друзья мои, желаю вамѣ покойной ночи.

Нынѣ поушру пилѣ я кофе у Господина Т*, отца извѣстной вамѣ дѣвицы Т*, и познакомился со всѣмѣ его семействомѣ, довольно многочисленнымѣ. Удивляюсь, какѣ опецѣ и мапѣ могли оппустить дочь свою вѣ такую опдаленную землю! Состояніе ихѣ (сколько я видѣлѣ и слышалѣ) очень не бѣдно — да и много ли надобно для содержанія одной дочери! Кѣ шому же Швейцары такѣ спраспно любяшѣ свое спечество, чшо почиашѣ за великое нещастіе надолго оставлять его. — Вмѣстѣ съ Господиномѣ Т* ходили мы сморѣть ученья Цирихской милиціи. Почли всѣ жипели

были зрителями сего спектакля, для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со мною нѣчто смѣшное и — непріятное. Г. Профессоръ Брейшпінгеръ, съ которымъ я еще не видался по возвращеніи своемъ изъ Шафгаузена, встрѣтился мнѣ въ толпѣ народа, когда уже кончилось ученье, и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каково показалось мнѣ *видѣнное* мною? Я подумалъ, что онъ говоритъ о паденіи Рейна; воображеніе мое поспѣхъ представило мнѣ эту величественную сцену — земля зашлась подо мною — все вокругъ меня зашумѣло — и я съ жаромъ сказалъ ему: *ахъ! кто можетъ описать великолѣпіе такого явленія? Надобно только видѣть и удивляться.* „Это были наши волонтеры“ — отвѣчалъ мнѣ Г. Профессоръ, и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я почувствовалъ, что онъ спрашивалъ меня не о па-

деніи Рейна , а объ ученїи Цирихскихъ солдапъ: каковымъ же показался ему отвѣтъ мой? Признаюсь, я досадовалъ и на себя и на него, и хотѣлъ-было бѣжать за нимъ, чтобы вывести его изъ заблужденія, споль оскорбительнаго для моего самолюбія ; но между шѣмъ онъ уже скрылся.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не запворяется ; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, пребующій утѣшенія, или пупешественикъ, не пребующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того посѣщаетъ онъ большихъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнапы, и сказалъ

мнѣ, что я могу иппи съ нимѣ
 вмѣспѣ. Посмопримѣ, куда, —
 думалѣ я, и пошелѣ за нимѣ
 изѣ улицы вѣ улицу, и наконецѣ
 совсѣмѣ вонѣ изѣ города, вѣ ма-
 ленькую деревеньку, и на крестъ-
 янской дворѣ. *Жива ли Анна?* спро-
 силѣ онѣ у пожилой женщины,
 копорая вспрѣшила насѣ вѣ сѣ-
 няхѣ. *Буть душа держится*, оп-
 вѣчала она со слезами, и опворила
 намѣ дверь вѣ горницу, гдѣ увидѣлѣ
 я спарую, изсохшую и блѣдную
 женщину, лежащую на постелѣ.
 Два мальчика и двѣ дѣвочки споя-
 ли подлѣ постели и плакали; но уви-
 дѣвѣ Лафатера, бросились кѣ не-
 му, схватили его за обѣ руки и
 начали цѣловать ихѣ. Онѣ подо-
 шелѣ кѣ больной, и ласковымѣ го-
 лосомѣ спросилѣ у нее, какова она?
Умираю — умираю, опвѣчала спа-
 рушка, и болѣе не могла сказать
 ни слова, успремивѣ глаза на грудь
 свою, копорая спрашнымѣ обра-

III.

II

зомъ вверъхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нее, и началъ пригошляшь ее къ смерти. „Часъ твой приближился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не спрашайся гроба и могилы; не пы, но подько бренное пѣло пвое въ нихъ заключишься. Въ самую шу минушу, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ зря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, пы дожила здѣсь до глубокой старости, — видѣла возросшихъ дѣшей и внучатъ своихъ, возросшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицомъ свѣплымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, шамъ составимъ мы всѣ одно щасливое семейство!“ — При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ уперся бѣлымъ плашкомъ, и прочитавъ мо-

липву, благословилъ умирающую, просился съ нею — поцѣловалъ маленькихъ дѣтей—сказалъ, что бы они не плакали, и давѣ имъ по нѣскольку копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело, однакожь слезы не хощѣли липсья изъ глазъ моихъ; насилу могъ я свободно вздохнуть на чиспомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете сполько силъ и сполько перпѣнія? сказалъ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. „Другъ мой! опѣвчалъ онъ съ улыбкою: человекъ можетъ дѣлать много, еспли захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуешъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствію.“

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ, доходы его весьма не велики. Но онъ продаешъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя,

въ пользу неимущихъ брапій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаеиъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ физиогномическихъ правилъ* (въ заглавіи которыхъ написано: *Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern*) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ* (*); за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ опдашь ихъ одному бѣдному Фран-

(*) Лафатеръ въ печатномъ своемъ Физиогномическомъ сочиненіи бережешся показывать въ лицахъ человеческихъ шѣ черты, которыхъ означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣ. — *Памятникъ для путешественниковъ* есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ Hand-Bibliothek für Freunde.

цузу, копорой пришелъ къ нему просить милоспыни.

Господинъ Т* пригласилъ меня ъхашь съ нимъ завпра на лодкѣ прогуливатьсь по Цирихскому озеру; надѣюсь, что эша прогулка будетъ для меня очень пріятна.

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодня съ человекомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Гоблеромъ, копорой мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Геснеромъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ поушру съ Господиномъ Т*, и прельспилъ меня проспошою своего обхожденія. Вмѣстѣ съ нимъ и съ двумя сестрами дѣвицы Т* побѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Не лзя было выбрасть лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одно облач-

ко, и вода едва, едва спруилась. На помѣ и на другомъ берегу озера видны опмѣнно хорошо-выспроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цирихскихъ гражданъ, и виноградные сады, копорые проспираюпся непрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертной Клопшпокъ — съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цирихскихъ молодыхъ дѣвиць — капался по озеру. „Я какъ пеперь смопрю на Клопшпока (сказалъ Г. Тоблеръ). На немъ былъ красной кафтанъ. Въ попѣ день опмѣнно нравилась ему дѣвица Шинць. Вертмиллеръ сдѣлалъ изъ ея перчашки кокарду для Клопшпоковой шляпы. Божеспвенной пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя.“ Сію ээирную радость — радость, какую могупѣ только чувспвовапѣ великія души — воспѣлв Клопшпокъ

въ прекрасной одѣ своей Züricher-See, копорая оспалась вѣчнымъ памяникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ — пребыванія, лаврами и мирпами увѣчаннаго. Г. Гоблеръ—говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь Пѣвецъ Мессіады — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цирихъ двѣ молодыя паспушки, единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Клопшпока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir! (*ахъ! читая Клариссу и Мессіаду, я вый себя бываю!*) Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую минушу чувствовало сердце Пѣснопѣвца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы опплыли отъ города двѣ мили, или около пятнадцати верстъ. Тутъ

надлежало намъ выпши на берегѣ близъ небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ Священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и почти подлѣ всякаго естъ садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядами, на которыхъ распутъ благовонные цвѣты и поваренныя травы. Во внупренности домовъ все очень чисто. Тутъ видѣлъ я семейной крестьянской обѣдѣ. Когда всѣ собрались къ столу, хозяйка прочитала вслухъ молишву; послѣ чего сѣли вокругъ стола—мужъ подлѣ жены, брагъ подлѣ сестры—и принялись за супъ, а попомъ за сыръ и масло. Обѣдъ заключенъ былъ также молишвою; при чемъ мужчины спояли безъ шляпъ, которыхъ они впрочемъ почти никогда съ головы не снимаютъ. Даже и городскіе жипели не рѣдко обѣдаютъ въ шляпахъ,

— что почищается у нихъ знакомъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ практирѣ, и ѣли очень вкусную рыбу, ловимую въ Цирихскомъ озерѣ. Говорятъ, будто въ Швейцаріи вообще больше ѣдятъ, нежели въ другихъ земляхъ, и приписываютъ это дѣйствию здѣшняго оспраго воздуха. Что принадлежитъ до меня, то хотя обѣдаю и ужинаю въ Швейцаріи съ добрымъ аппетитомъ, однакожь не могу назвать его чрезмѣрнымъ или опмѣннымъ. Послѣ обѣда переѣхали мы на другую сторону озера, гдѣ встрѣтилъ насъ свойственникъ Господина Т*, живущій почти на самомъ берегу въ большомъ домѣ. Онъ показывалъ намъ свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей и большой плодovitой садъ. Когда мы пришли къ нему въ домъ, онъ подчивалъ насъ прекрасными абрикосами

и хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ; между шѣмъ дочь его играла пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цирихъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть снѣжныя горы, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ поверченныя густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли на берегъ въ исходѣ десятаго часа. Мнѣ оставалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, которыми я наслаждался сегодня въ ихъ обществѣ. — —

Въ Цирихѣ есть такъ навываемая *дѣвчья школа* (Töchter-Schule), которая достойна вниманія всѣхъ, пріѣзжающихъ въ сей городъ. Въ ней безденежно учатся 60 мо-

лодыхъ двѣвухѣ (отѣ двѣнадцати до шеснадцати лѣтѣ) читають, писають, ариѣметикѣ, морали и экономіи: по еспѣ, пригошовляюся быть хорошими хозяйками, супругами и маперьми. Пріятно видѣть вмѣстѣ сполько молодыхъ, опрятно и чисто одѣтыхъ красавицѣ, копорыя учатся въ пишинѣ и съ великою прилѣжностію, подѣ надзираніемъ благонравныхъ учительницѣ, обходящихся съ ними кропко и ласково. Тутѣ дочь богатѣйшаго Цирихскаго гражданина сидитѣ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважать достоинство, а не богатство. — Сія благодѣтельная школа учреждена въ 1774 году Гм. Профессоромъ Успери, копорой, къ общему сожалѣнію своихъ согражданѣ, умерѣ въ началѣ нынѣшняго лѣта.

Можесть быть ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ

неиспорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цирихѣ. Здѣсь-то еще строго наблюдаются законы супружеской вѣрности — и жена, которая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія. Здѣсь мать почитается воспитаніе дѣтей главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цирихскихъ жипелей не держатъ болѣе одной служанки, по всякая хозяйка находить для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнешается праздностию, матерью многихъ пороковъ, и рѣдко ходитъ въ гости. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпные обѣды и ужины! вы здѣсь неизвѣстны. Иногда сходятся двѣ, три, четыре пріятельницы — разговариваютъ дружески — вмѣстѣ работаютъ, или читаютъ Геснера, Клопшпока, Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, которые

не приводятъ цѣломудрія въ кра-
ску. Рѣдко бывають онѣ вмѣстѣ
съ посторонними муцинами, а при
чужестранцахъ спыдятся гово-
ришь, думая, что Цирихской вы-
говоръ пропивенъ ихъ ушамъ. Всѣ
онѣ одѣваются просто, не думая
о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ
не употребляютъ румянъ.—Му-
цины отправляютъ поутру дѣла
свои: купецъ идетъ въ контору
или въ лавку, Ученой садится чи-
тать или писать, художникъ бе-
рется за свою работу, и такъ да-
лѣе. Въ полдень обѣдаютъ, а ве-
черу прогуливаются, или въ при-
ятельскихъ бесѣдахъ курятъ ша-
бакъ, пьютъ чай и кофе — купцы
говорятъ о торговыхъ, Ученые
объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ об-
разомъ проводятъ время. Не знаю,
продаются ли въ Цирихѣ карты;
по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь
никогда не играютъ, и не знаютъ
сего прекраснаго средства уби-

вашь время (проспите мнѣ эшопѣ Галлицизмѣ), средства, которое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодательники знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ, и посшарались заградить ей входъ въ свою Республику. Мушцины не могутъ здѣсь носить ни шелковаго, ни бархатнаго плащя, а женщины ни бриллиантовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смѣетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ, и пошому здоровыя ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ другихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидите вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужезпранныя вина сюда привозятся, однакожь ихъ позволено употреб-

ляпъ не иначе, какъ въ лекарствѣ. Только думаю, что сей законъ не очень строго наблюдается. На прим. у Лафатера за споломъ пили мы Малагу; но онъ взялъ ее можеть бытъ изъ Апшеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыхалъ прежде, будто въ Швейцаріи живъ дешево; шеперь могу сказаъ, что это не правда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, плашье, обувь и прочія необходимоспи. Причина сей дороговизны естъ богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ пракширѣ стоилъ здѣсь восемь гривенъ; по же самое плашилъ я въ Базелъ и въ Шафгаузенъ. Правда, что въ Швейцарскихъ пракширахъ никогда не подають на столъ менѣе семи или осьми хорошо пригоповленныхъ

блюдь, и попомъ десертъ на чепырехъ или на пяни шарелкахъ.

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаясь. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкаетъ и спрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, дозволяя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. Въ примѣрѣ переведу вамъ опъвъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ: „Какая естъ всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* (*) для мудрыхъ и слабоумныхъ?“ — Отвѣтъ: „Бытіе естъ цѣль бытія. — Чувство и радость бытія (Daseyns-, frohheit) естъ цѣль всего, чего мы искаемъ можемъ. Мудрой и

(*) То естъ, до которой достигнуть можно. Я осмыслился по аналогіи употребилъ эшо слово.

„слабоумной ищущъ только
 „средствъ наслаждаться бытіемъ
 „своимъ, или чувствованіемъ его —
 „ищущъ погѣ, черезъ что они са-
 „михъ себя сильнѣе оцущипь мо-
 „гутъ. — Всякое *чувство* и всякой
 „предметъ, постигаемой компо-
 „рымъ нибудь изъ нашихъ чувствъ,
 „суть прибавленія (Beiträge) на-
 „шего самочувствованія (Selbst-
 „geföhles); чѣмъ болѣе самочув-
 „ствованія, тѣмъ болѣе блажен-
 „ства. — Какъ различны наши ор-
 „ганизациі или образованія, такъ
 „же различны и наши по потребности
 „вѣ *средствахъ и предметахъ*,
 „которыя новымъ образомъ даютъ
 „намъ чувствованіемъ наше бытіе,
 „наши силы, нашу жизнь. — Му-
 „дрой отличается отъ слабоум-
 „наго только средствами само-
 „чувствованія. Чѣмъ простѣе, вез-
 „дѣсущнѣе, всенасладивельнѣе,
 „постояннѣе и благодѣтельнѣе
 „есть средство или предметъ, вѣ

III.

„которомъ или черезъ копорой
 „мы сильнѣе сущесствуемъ, пѣмъ
 „сущесственнѣе (existentier) мы са-
 „ми, пѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе
 „бытіе наше — пѣмъ мы мудрѣе,
 „свободнѣе, любящѣе (liebender),
 „любимѣе, живущѣе, оживляющѣе,
 „блаженнѣе, человѣчнѣе, боже-
 „спвеннѣе, съ цѣлю бытія наше-
 „го сообразнѣе. — Изслѣдуйте
 „точно, черезъ что и въ чемъ вы
 „пріятнѣе или пверже сущесствую-
 „те? Что вамъ доставляетъ бо-
 „льше наслажденія — разумѣется
 „пакого, копорое никогда не мо-
 „жетъ причинить раскаянія—ко-
 „торое всегда съ спокойствіемъ и
 „внутреннею свободою духа мо-
 „жетъ и должно быть снова же-
 „лаемо? Чѣмъ достойнѣе и сущес-
 „спвеннѣе избираемое вами сред-
 „ство, пѣмъ достойнѣе и сущес-
 „спвеннѣе вы сами; чѣмъ сущес-
 „спвеннѣе вы дѣлаетесь — по-
 „этому, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и

„радосниѣе существованіе ваше
 „— шѣмъ болѣе приближаешесь
 „вы ко всеобщей и особенной цѣ-
 „ли бытія вашего. Отношеніе
 „(Anwendung) и изслѣдованіе се-
 „го положенія (отношеніе и из-
 „слѣдованіе есть одно) покажетъ
 „вамъ истину, или (что опять все
 „одно) всеопносимость онаго. Ци-
 „рихъ, въ четвертокъ ввечеру, 20
 „Августа 1789. Іоаннъ Каспаръ
 „Лафатеръ.“ Каковъ вамъ кажет-
 ся сей отвѣтъ, друзья мои? Вы
 конечно не подумаете, чтобы я въ
 самомъ дѣлѣ надѣялся свидѣть
 отвѣтъ Лафатера цѣль бытія наше-
 го; мнѣ хотѣлось только узнать,
 что онъ можетъ о томъ сказать.

• Такимъ образомъ всякое упрое
 прихожу къ нему съ какимъ ни-
 будь вопросомъ. Онъ прячетъ мою
 бумажку въ карманъ, и ввечеру
 отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же
 написанной, — оставляя у себя
 копию. Я увѣренъ, что все это

будетъ напечатано въ ежемѣсяч-
номъ его сочиненіи, которое съ
новаго года должно выходитьъ въ
Берлинѣ, подъ шишуломъ: *отвѣты
на вопросы моихъ пріятелей* (*).

(*) Я угадалъ, — и первая піеса, на-
печатанная въ семъ ежемѣсячномъ
сочиненіи, есть отвѣтъ на мой во-
просъ о цѣли бытія. Берлинскимъ
Рецензентамъ показалось забавно :
die constante, solideste, sutenabelste
existenz—или: Daseyn ist der Zweck
des Daseyns, — — и проч. „Г. К*
(говоритъ Рецензентъ во Всеобщей
Нѣмецкой Библіотекѣ) конечно боль-
ше нашего знакомъ съ игрою Лафа-
перовыхъ мыслей ; ему оставляемъ
мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли
бытія нашего.“ — Мнѣ кажется,
что мысли Лафашеровы (не смол-
ря на насмѣшки остроумныхъ Бер-
линцевъ) и понятны и справедливы,
и даже весьма обыкновенны ; здѣсь
можно назвать новыми только одни
выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно
имѣетъ причину жаловаться, что

Лафатеръ намѣренъ еще издавать, также съ будущаго года, *Библиотеку для друзей*, гдѣ будутъ помѣщаемы такія піесы, копорыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочетъ сообщить публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію Библиотеку; и хотя она будетъ печатная, однакожь они обязываются считать ее за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія сославляютъ около пятидесяти томовъ; если онъ проживетъ еще лѣтъ двадцать, по это число можетъ вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ, по его словамъ, сочиненіе есть для него не работа, а опдыхъ.

Сверхъ того, что Лафатеръ пишетъ для публики и для пріятелей, ведетъ онъ журналъ жи-

Лафатеръ не всегда думаетъ о числѣ Нѣмецкаго слога.

зни своей, который естъ пайна и для самыхъ друзей его, и который оспаненся въ наслѣдство его сыну. Тупѣ описываетъ онѣ всѣ свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкопорогими людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣрояшно, что въ сихъ запискахъ много интереснаго — и я почти увѣренъ, что онѣ со временемъ будутъ напечатаны — еспьли не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для дѣшей вашихъ, друзья мои. Девятой-надесять вѣкъ! сколько въ шебѣ откроецца шакого, что шеперь считаецца пайною!

Раза при былъ я у почпеннаго, старика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онѣ такъ много рассказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокрипѣ! „Геснерѣ украсилъ весну жизни „моей (говорилъ онѣ) — и во всѣхъ „пріятныхъ сценахъ моей юности,

„о которыхъ теперь съ удоволь-
 „ствіемъ воспоминаю, вижу его
 „передъ собою. Часпо проводили
 „мы вмѣстѣ длинныя зимніе ве-
 „чера въ членіи Поэтовъ; и почти
 „всегда, когда я приходилъ къ
 „нему, вспрѣчалъ онъ меня съ ка-
 „кою нибудь пріятною новостію,
 „имѣ сочиненною. Домъ его былъ
 „Академіею изящной Липперату-
 „ры и Искусства — Академіею,
 „какой Государя основаць не мо-
 „гущъ.“ Вы знаете, что Геснеръ
 посвящилъ своего Дафниса одной
 дѣвицѣ; но не знаете, можетъ
 быть, что эта дѣвица была дочь
 Г. Гейдеггера, Цирихскаго Сена-
 шора, и что творецъ Дафниса
 скоро послѣ того женился на ней,
 и жилъ съ нею всегда какъ любов-
 никъ съ любовницею. — По любви
 къ человѣчеству, прискорбно было
 мнѣ слышать, что Геснеръ не
 могъ перенести Лафатера, и не
 смотря на всѣ старанія общихъ

друзей ихъ, никогда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ болѣе чести Лафашеру, что онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

Съ Профессоромъ Мейсперомъ, — братомъ того Мейстера, которой написалъ на Французскомъ языкѣ извѣстную книгу *о естественной Морали*, и которой, будучи выгнанъ изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ — видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однакожъ обхожденіе его весьма пріятно. Онъ говоритъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (*Kleine Reisen* и *Characteristik deutscher Dichter*), и поблагодарилъ его за это удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Еспьли бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золопыя молніи вились по хребтамъ горъ, при спрашной канонадѣ неба! Казалось, что небесной Громовержецъ хопѣлъ преврашпшь въ пепелъ сіи гордыя вышины; но онѣ стояли, и рука Его упомилась — громы умолкли, и шпхая луна сквозь облака проглянула.

Въ Цирихскомъ Кантонѣ счппаешся около 180000 жпшпелей, а въ городѣ около 10000; но шолько двѣ пысячи имѣютъ право граждансва, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ шридцати цеховъ, на копорые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ други-

III.

13

ми по преимуществу, что изъ него выбирается въ члены верховнаго Совѣща осьмнадцать чело-вѣкъ,—изъ прочихъ же только по двѣнадцати. Сему Совѣщу принад-лежитъ законодательная власть; а гражданскія и уголовныя дѣла судитъ такъ называемой *малой Совѣтъ*, или Сенатъ (состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомисстровъ), для котораго избирается особенно изъ cadaго цеха по ше-сти чело-вѣкъ; они называются Се-напорами, и всякой годъ смѣня-ются. Кому двадцать лѣтъ опъ роду, шопъ имѣетъ уже голосъ въ Республикѣ, то есть, можетъ избира-ть въ судьи; въ тридцать лѣтъ можно быть членомъ вер-ховнаго Совѣща, а въ тридцать пять Сенаторомъ, или членомъ малаго Совѣща. Цирихской жительство, имѣющій право гражданства, такъ же гордится имъ, какъ Царь сво-ею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ

никпо не получалъ сего права ;
однакожь его хотѣли дать Клоп-
шипоку, съ тѣмъ условіемъ, чпобы
онъ навсегда оспался въ Цирихѣ. —

~~~~~

Въ Субботу ввечеру Лафатеръ
запворяется въ своемъ кабинетѣ
для сочиненія проповѣди — и че-
резъ часъ бываетъ она готова.
Правда, еспьли онъ говоритъ все
такія проповѣди, какую я нынѣ
слышалъ, то ихъ сочинять не
спрудно. *Спаситель снялъ съ насъ
бремя грѣховъ: и такъ будемъ бла-
годарить Его* — сіи мысли, выра-
женныя различнымъ образомъ, со-
спавляли содержаніе всего поуче-
нія. Одни восклицанія, одна де-
кламація, и болѣе ничего! Призна-
юсь, чпо я ожидалъ чего нибудь
лучшаго. Вы скажете, чпо съ на-
родомъ такъ говоритъ надобно ;
но Лавреншій Спернъ говорилъ съ
народомъ, говорилъ просто, и про-
галъ сердце — мое и ваше. Видѣ,

сб какимъ проповѣдуешъ Лафашеръ, мнѣ полюбился.

Цирихскіе проповѣдники являющіяся на кафедрѣхъ въ какихъ-то спранныхъ черныхъ *шушункахъ*, сб большими бѣлыми и жестко-накрухмаленными крагенами. Обыкновенно же ходящъ они въ черныхъ или темныхъ кафшанахъ. Лафашеръ носилъ на головѣ черную бархашную скуфейку — но только онъ одинъ. Не для того ли почли его шайнымъ Каполикомъ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, мужчины споятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садятся, надѣваютъ шляпы, молчатъ и слушаютъ. — —

Я познакомился на сихъ дняхъ сб двумя молодыми соопечественниками моего пріятеля Б*: сб Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Данскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, кошо-

рья опмѣнно полюбились Коппен-
 гагенской Публикѣ, а наконецъ бы-
 ли причиною того, что Авпорѣ
 лишился спокойствія и здоровья.
 Вы удивитесь; но шумъ нѣтъ
 ничего чуднаго. Зависть вооружи-
 ла прошивъ него многихъ Писате-
 лей; они вздумали увѣрять пуб-
 лику, что Оперы Господина Баг*
 ни къ чему не годятся. Молодой
 Авпорѣ защищался съ жаромъ; но
 онъ былъ одинъ въ полкѣ непрія-
 телей. Въ газетахъ, въ журналахъ,
 въ комедіяхъ — однимъ словомъ,
 вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣ-
 сяцовъ онъ опбранивался; нако-
 нецъ почувствовалъ испощеніе
 силъ своихъ, съ больною грудью
 оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ
 Пирмонтъ къ водамъ, откуда Док-
 торѣ прислалъ его въ Швейцарію
 лечиться горнымъ воздухомъ. Мо-
 лодой Графъ М*, учившійся въ
 Гешпингенѣ, согласился вмѣстѣ
 съ нимъ путешествовать Оба они

познакомились съ Лафатеромъ, и полюбились ему своею живостію. И пошъ и другой любилъ аханье и восклицанія. Графъ бьетъ себя по лбу и спучилъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемънибудь съ жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдутъ они въ Луцернъ; любезной мой пріятель Б* ѣдетъ съ ними же.

Цюрихъ, 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхать изъ Цюриха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктапурою (Подъ диктапурою? Точно — и учивой Лафатеръ хотѣлъ увѣрить меня, будто я пишу по-Нѣмецки не очень худо). Въ послѣдній разъ

ходилъ по берегу Лиммапы — и шумное печеніе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подѣ высокою липою, прошивъ самаго пого мѣсяца, гдѣ скоро пославленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно чипашъ здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, чипашъ въ шѣхъ мѣсяцѣхъ, гдѣ онѣ сочинялъ ихъ!) — я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія спроки попались мнѣ въ глаза: „Попомсво справедливо
 „чипшъ урну съ пепломъ Пѣсно-
 „пѣвца, копораго Музы себѣ по-
 „свяшили, да училъ онѣ смерш-
 „ныхъ добродѣтели и невинности.
 „Слава его, вѣчно юная, живетъ и
 „погда, когда профей завоеваше-
 „ля гнѣшъ во прахъ, и великолѣп-
 „ный памятникъ недостойнаго
 „Владѣтеля среди пусыни зарос-
 „шаетъ дикимъ терновымъ ку-

„спарникомъ и сѣдымъ мхомъ, на
 „кошоромъ иногда опдыхаетъ за-
 „блуждшійся спранникъ. Хопя,
 „по закону Натуры, не многіе мо-
 „гущь достигнуть до сего вели-
 „чія, однако жь похвально спре-
 „мисья къ оному. Уединенная
 „прогулка моя и каждый уединен-
 „ный часъ мой да будутъ посвя-
 „щены сему спремленію!“ Вооб-
 разите, друзья мои, сѣ какимъ чув-
 ствомъ я долженъ былъ чипашь
 сіе, вѣ двухъ шагахъ отъ того мѣ-
 ста, гдѣ Натура и Поэзія вѣ вѣч-
 номъ безмолвіи будутъ лишь сле-
 зы на урну незабвеннаго Гесне-
 ра (*). Не его ли посвяпили Музы
 вѣ учипели невинности и добро-
 дѣтели? Не его ли слава, вѣчно
 юная, жипь будетъ и тогда, когда

(*) На монументѣ Геснеровомъ изобра-
 жены Поэзія и Натура вѣ видѣ двухъ
 прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ
 надъ урною.

профеи завоевателей исплбють во прахъ? Предчувствіемъ безмертія наполнялось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сіи спроки.

Рука времени, все разрушающая, разрушилъ нѣкогда и городъ, въ кошоромъ жилъ Пѣснопѣвецъ, и въ теченіе сполбній загладилъ развалины Цириха; но цвѣты Геснеровыхъ швореній не увянутъ до вѣчности, и благовоніе ихъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, услаждая всякое сердце.

Друзья мои! писателямъ открыты многіе пути ко славі, и безчисленны вѣнцы безмертія; многихъ хвалилъ попомсво—но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ?

О вы, одаренные отъ Природы шворческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но еспьли хопите заслужишь любовь попомсва, то пишите пакъ, какъ писалъ Геснеръ—да будетъ

перо ваше посвящено добродѣтели
и невинности!

Баденъ.

Нынѣ поутру выѣхалъ я изъ Цириха. Лафашеръ не хотѣлъ прощаться со мною навсегда, говоря, что я непременно долженъ въ другой разъ пріѣхать на берегъ Лиммапы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендабельныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ неперемѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Старикъ Тоблеръ прощился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, копорая естъ любимый предметъ ушреннихъ и вечернихъ его размышленій. —

На каждой верстѣ отъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ копорыхъ вы-

глядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Опѣ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бывае опѣ наполнена пупешествениками, копорые прѣѣзжають сюда наслаждаються Природою.

Наконецѣ видѣль я въ Швейцаріи нѣчто такое, что мнѣ очень не полюбилось. Почти безпреспанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребяпишки и требовали подаянія. Не слушая опказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ спавновился вверхъ ногами, другой кривлялся, прешій игралъ на дудкѣ, чешвершой прыгалъ на одной ногѣ, пяшой надбѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заспавляешъ ихъ просить милоспыни; имъ нравится только сей легкой способъ получають деньги. — Жаль, что опцы и мапери не унимають ихъ! Маленькіе шалуны

могутъ со временемъ сдѣлаться большими — могутъ распространить въ своемъ опечесствѣ опасную моральную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Республикахъ. Тогда, любезные Швейцары, не поможете вамъ бальзамической воздухъ горъ и долинъ вашихъ — увянетъ краса и ѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, сплѣсненной со всѣхъ сторонъ высокими горами, находится подъ начальствомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларусскаго Кантоновъ, и славенъ своими цѣлебными шеплицами, которыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Тельветскихъ водъ* (Aquaë Helveticæ). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я поспѣшъ пошелъ туда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному испо-

чнику, и попому самыя дѣйстви-
пельнѣйшіе—бывающѣ всегда оп-
крыпы для бѣдныхъ. Въ нихъ си-
дѣли при мнѣ чловѣкъ двадцать,
опусаясь въ воду по горло; блѣд-
ныя и желтыя лица ихъ показы-
вали, что они не для забавы поль-
зуются водами. Въ пракпиряхъ,
копорыхъ шумѣ очень много, сдѣ-
ланы разныя бани, гдѣ моются
больныя и здоровыя, плача за то
бездѣлку. Вода сносно горяча, и
пахнетѣ сѣрою. Она проведена съ
другой стороны Лиммапы (копо-
рая печетѣ здѣсь между горъ съ
ужасною быстрой) и труба и-
детѣ подѣ рѣкою. — Мнѣ сказы-
вали, что иногда бываетѣ у водѣ
до осьми сотѣ прѣзжихъ.

Женщины носятѣ здѣсь на го-
ловахъ предлинныя рога, опѣ чего
всѣ онѣ кажутся похожими на
Сапировѣ. — Въ Швейцарскихъ го-
родахъ (по крайней мѣрѣ въ шѣхъ,
въ копорыхъ я былѣ) почти на

всякомъ домѣ видѣше вы надписи, иногда опмѣнно глупыя и смѣшныя. На прим. надѣ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschirr aufs Feuer, und glüht (*сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огнѣ горитъ*) — а надѣ другимъ: Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaaf genannt (*сохрани насъ Господь отъ пожара ногою порою: ибо сей домъ называется терпѣливою овцою*). Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss (*о теловѣки! покайтесь душою, ибо сей домъ называется бычьею ногою*) — а вторая: Auf Gott deine Hoffnung bau, denn dies Haus

heist zur schwarzen Sau (на Бога уповай ты мыслію своею, ибо сей домъ называется терною свиньею).
 Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленѣ дурачиться, и писаешь, что ему угодно. Всякой желаетъ ославлять по себѣ памятники — и сочинители сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ ризахъ своихъ наслаждаться бессмертіемъ. Внукъ чпитъ произведение дѣдушкина ума, и надпись изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. — Поселяне Швейцарскіе любятъ расписывать свои дома разными красками и фигурами; по большой части изображаются шутъ древніе Герои Швейцаріи и славные ихъ подвиги; иногда же гербы Кантоновъ съ сею надписью: Als Demuth weint', und Hochmuth lacht', da ward der Schweizer-Bund gemacht (т. е. когда смиреніе проливало слезы и гордость смѣялась,

тогда заключился союзъ Швейцаровъ).

Арау, въ 8 часовъ вечера,

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габсбурга. Вы знаете, любезные друзья мои, что въ семъ замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ которыхъ произошелъ Австрійскій Домъ — и по тому легко можете угадать, съ какими мыслями смотрѣлъ я на почтенныя развалины древнихъ башенъ, откуда храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ. — Тутъ живетъ нынѣ спорожъ, копорой въ случаѣ пожара даетъ сигналъ окружнымъ деревнямъ, спрѣлая изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цирихскомъ. Ничего не можете быть

прекраснѣ здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовитыми деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, копорые по соединяющся, по опять на разные рукава раздѣляются, и образуящъ водяной, запушанной лабиринтъ. Тамъ видны алеи, самую Природою насажденныя; здѣсь густыя лѣсочки, прохладу спранникамъ общающіе.—Въ деревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе дома покрыты соломой, и раздѣляются обыкновенно на двѣ половины: одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣннаго магазина, жишницъ и хлѣбовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гнѣющаго, непочиненнаго; во всемъ соблюдена удобность, и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе, можно сказать, цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того

III.

что они не плащятъ почти никакихъ подашей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Хотя между ими есть такіе, которые имѣютъ по пятидесяти тысячъ рублей капиталу, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходятъ обыкновенно въ камзолахъ изъ полсшаго полотна; а въ праздники надѣваютъ суконные кафшаны, по большой части синіе или дикіе. Женщины носятъ желтые соломенные шляпы, красные спамедные корсеты съ крючками, и юбки темнаго цвѣта; а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою козыркою, перевязывая ее черною бархатною лентою. —

Я нанялъ кучера только до Арау, маленькаго, изрядно-выспроеннаго городка въ Бернскомъ Кан-

понѣ. Въ ожиданіи Базельскаго дилижанса (въ копоромѣ хочу ѣхать до Берна, и котораго ожидаютъ сюда къ девяяти часамъ) велѣлъ я приготоовишь себѣ ужинѣ.

Бернѣ, 28 Августа.

Нынѣ рано поушпру пріѣхалъ я въ Бернѣ, и съ шрудомъ могъ найти для себя комнапу въ пракширѣ *овица*: пакъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Докшору Ренггеру, копорой, по Лафашперовой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онѣ вызвался бышь моимъ путешеводителемъ.

Бернѣ еспъ хопя старинной, однакожь очень красивой городѣ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведе-

ны глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ того весьма полезная въ случаѣ пожара. Дома почти всѣ одинакіе: построены изъ благаго камня, въ приэпжа, и представляющъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жилищей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая жижина преклоняется къ землѣ подъ стѣнію колоссальныхъ палацовъ. Всего болѣе полюбились мы въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобныя для пѣшеходцовъ, копорыя въ сихъ покрытыхъ галереяхъ никакого ненастья не бояшся.

Мы были въ здѣшнемъ Сиропскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ шумъ не много сиропъ, а болѣе пансіонеровъ, копорыя за небольшую сумму денегъ

учатся и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Опшуда пошли мы въ публичную Библиотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, копорому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ ѣсть могъ. Докпоръ Ренгтеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живаго медвѣдя, копорой естъ гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (по естъ *медвѣдь*); что Герцогъ Церингенской, начавъ спроишь эшошъ городъ, побжалъ на ловлю, и положилъ назвапъ его именемъ перваго заправленнаго звѣря; что онъ заправилъ медвѣдя, и потому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, копорое послѣ превратилось въ *Бернъ*. — Въ Библиотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ каршинъ; но всего болѣе занималъ меня *релзефъ*, предсшав-

ляющій частъ Альпійскихъ горъ, и почно пѣхъ, на которыхъ я дни черезъ при бышь надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины, и даже маленькія дорожки. Но *рельефъ* Генерала Пфиффера, Луцернскаго гражданина, долженъ бышь еще гораздо превосходиѣ. Сей человекъ съ удивительною неупомимоспію спрансповалъ по горамъ, срисовывалъ ихъ — снималъ мѣры — и все сіе предспавилъ попомъ въ маломъ видѣ съ величайшею почностію. Два раза былъ онъ захваченъ горными жипелями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и вода съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко спспавляло всю его пищу.

Изъ Библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище

подлѣ капедральной церкви, гдѣ, подлѣ пѣвню древнихъ каштановыхъ деревьевъ, въ самой жаркой полдень можно наслаждаться прохладою, и отсюда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, копорыя, будучи освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ понкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сія перрасса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шестъ или въ семь сотъ фуговъ. Внизу печель Ара, и съ великимъ шумомъ низвергаепся съ высокой плошины. Въ стѣнѣ, копорою обведено эпо гульбище, нашель я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ теств всемогущества и чудеснаго Божья провидѣнїя, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Геобольдъ Венеццели, Студентъ, 25 Мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерсѣ, въ глубокой ста-*

*рости блаженно скончался 25 Но-
ября 1694 года. Хотя иному чуд-
но покажется, что человекъ, упавъ
съ такой вышины, могъ живъ о-
спаться; однако жъ это происше-
ствіе, по увѣренію Бернскихъ жи-
телей, не подвержено никакому
сомнѣнію. Сказывающъ, что на
Студентъ былъ тогда широкой
плащъ, копорой, захвативъ подъ
себя много воздуха, удерживалъ
его въ паденіи, и не далъ ему силь-
но удариться объ землю.*

Послѣ обѣда былъ я у Пропо-
вѣдника Шшапфера, самаго добро-
душнаго Швейцара, и ввечеру хо-
дилъ съ нимъ прогуливаясь за
городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на воз-
вышенномъ мѣстѣ, смопрѣли мы
на горы, копорыхъ вершины пы-
лали разноцвѣтными огнями. Тутъ
понялъ я Галлеровъ стихъ: *Und
ein Gott ist's, der Berge Spitzen
röthet mit Blitzen!* (*Богъ краситъ
молніями вѣнды горъ.*) Между

штѣмъ Шшапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минушъ опвращипь глаза свои опъ сего прекраснаго зрѣлица. Когда же я опяпъ взглянулъ на горы, увидѣлъ — вмѣсно розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закапилось. Я былъ пораженъ сею скорою переменною, и гошовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава мѣра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ спало грустно — и мы шихими шагами возвратились въ городъ.

Нынѣ поушру былъ я у Проповѣдника Вишпенбаха, ученаго Натуралиста, которой перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествие по Швейцарїи*, выдалъ краткое наставленіе для путешествующихъ по *Альпійскимъ горамъ*, и сочиняетъ шеперь опи-

III.

15

саніе естественныхъ произведеній Швейцаріи. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читашъ пакихъ книгъ, копорыя наполнены мечпами воображенія; и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ; однакожь мы нашли пакую маперію для разговора, копорая и для него и для меня была занимательна — а именно, мы говорили о Галлеръ, копорой былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерпи, не смотря на свою болѣзнь и слабоспъ, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкопорыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и опчаспи повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, копорыя любилъ онъ спраспно! — Вишпенбахъ, путешешвуя всякой годъ по са-

мымъ опдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! „Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоришь онъ), когда онъ спаросити не въ состояніи буду ходить по Альпамъ.“

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Аршуа, которой шамъ прогуливался со многими знапными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочешь показываться веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно спѣсненное сердце. Такія-то перемѣны бывають въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправятся за нимъ и другіе эмигранты. *Щастливой путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незванымъ гостямъ.

Въ пракпирѣ *вѣнца*, гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, Французовъ и Ан-

гличанъ, между копорыми бываюпъ жаркіе споры о пеперешнихъ обспояшельспвахъ Франціи.—Сегодня за ужиномъ бѣдной Ипаліанской музыканпъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую шарелку серебряныхъ денегъ, и хопѣли, чпобы онъ разсказалъ намъ свою испорію. *Слушайте*, сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтѣ родился,
И въ бѣдности восшищанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.

Но богъ, искусный въ пѣснопѣннн,
Меня сиропку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣнн,
И арфу съ ласкою вручилъ;

Открылъ за шайну, какъ струною
Съ сердцами можно говоришь,
И помной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводишь.

Я арфу взялъ — ударилъ въ струны;
Смотрю—и въ сердцѣ горя нѣтъ! . . .
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружескиѣ живепѣ!

„Вопѣ вамъ моя исторія, государи мои! сказалъ онъ по-Французски (*): я спранспивую по свѣспу, и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ цѣнить таланты.“ *Браво! браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько палетровъ. —

Завтра думаю опправипсья къ Альпійскимъ горамъ. Чемоданъ свой оставлю здѣсь, а съ собою возьму шолько теплой серпукъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

(*) Пѣсню пѣлъ онъ на Италіянскомъ языкѣ.

Тунъ, въ десять часовъ вечера.

Въ два часа по полудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ прѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большого озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много пакихъ, у которыхъ висѣли подъ бороною превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ пракширѣ *Фрейгофъ*; заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на здѣшнюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудятъ меня въ чепыре часа. Въ это время опшодитъ опшода почшова лодка, на кошорой переѣду я черезъ озеро.

Тунское озеро, 5 часовъ утра.

Темноша noci мало помалу исчезаеѣ. Горы опкрываюпся минуша опѣ минушы яснѣе. Все дымипся! Тонкія облака шумана носяпся во-кругѣ нашей лодки. Влага прони-цаеѣ сквозь мое плашье, и сонѣ смыкаеѣ глаза мои. Добродуш-ной Швейцарѣ подаеѣ мнѣ чер-ной мѣшокѣ, копорой долженѣ служиѣ мнѣ вмѣспо пуховой по-душки. Величественная Напура! проспи слабому! на нѣсколькo ча-совѣ опвращаеѣ онѣ взорѣ свой опѣ пвоего великолѣпія.

Вѣ семь часовѣ. По обѣимѣ спо-ронамѣ озера безпрерывно продол-жаюпся горы. Вѣ иныхѣ мѣспахѣ покрышы онѣ виноградными сада-ми, вѣ другихѣ елями. Чиспые ручьи низпадаюпѣ сѣ камней. Вни-зу дымяпся хижины, жилища бѣ-дноспи, невѣжеспва и — можеѣ быѣ—спокойспвія. Вѣчная Пре-

мудрость! какое разнообразіе въ швоемъ физическомъ и моральномъ мірѣ! —

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ маленькой ручеекъ, провождалъ дни свои Св. Беапусъ, первѣйшій изъ Христіянъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старой замокъ Шпицъ, копорой принадлежалъ нѣкогда Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знанѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали опечеству важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Послѣдними опраслями сего Дома были Леонардъ и Амалія, прекрасной юноша и прекрасная сеспра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣ-

вицѣ Эрлахѣ, а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ которой два первые Дома соединялись пѣс-нымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Увеселенія свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ великолѣпнаго обѣда побѣжали новобрачные и всѣ госпи прогуливаясь въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкой вѣперокъ вѣніемъ своимъ прохлаждалъ радостныхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами; мѣлкія волны пѣнились подъ лодкою, и журчаніемъ своимъ вливали помноспь въ сердца супруговъ, которые съ нѣжнымъ шрепепомъ другъ ко другу прижимались и щечпно хопѣли скрипъ во внушренности своей пламя любви, пылавшее на румяныхъ ще-

какъ ихъ. Уже приближался вечеръ, и плаваши безпрестанно опъ береговъ удалялись. Солнце сбло — и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревла буря; озеро спрашно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но берегъ во мракъ скрывался опъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсилѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва спарались они ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ оспаюся щепными, и что гибель неизбѣжна, поручили судьбу свою Богу, обперли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дождались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ попонули, всѣ, кромѣ одного гребца, копорой щасливо доплылъ до берега, и принесъ вѣспь

о погибели несчастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкъся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, копорой по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ.— Съ печальными мыслями разсматривалъ я сей замокъ; вѣтеръ вѣялъ опъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

Унтерзеенъ, въ 10 часовъ. Приставъ къ берегу версты за двѣ опсюда, шель я до Унперзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены здѣсь опмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особенное.— Я нанялъ теперь проводника, копорому извѣстенъ путь

по Альпійскимъ горамъ—и черезъ полчаса пойду въ деревню Лаупербрунненъ, до копорой считаешся опсюда около десяти верстѣ.

Лаупербрунненъ. Дорога опъ Унперзеена до Лаупербруннена идетѣ долиною между горѣ подлѣ рѣчки Липшины, копорая печетѣ сѣ ужасною быспропою, сѣ пѣною и сѣ шумомѣ, падая сѣ камня на камень. Я прошелѣ мимо развалинѣ замка Уншпуннена, за копорымѣ долина спановипся часѣ опчасу уже, и наконецѣ раздѣляешся на двое: на лѣво идетѣ дорога въ Гриндельвальдѣ, а на право въ Лаупербрунненъ. Скоро опкрылась мнѣ сѣ послѣдняя деревенька, соспоящая изѣ разсѣянныхѣ по долинѣ и по горѣ маленькихѣ домиковѣ.

Верспы за двѣ не доходя до Лаупербруннена, увидѣлѣ я такѣ называемой *штауббахѣ*, или ру-

чей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому феномену, и разсмапривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо лепилъ внизъ, почти не допрогиваясь до ушеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаелъ на землю въ видѣ пыли, или спончайшаго серебрянаго дожда. Шаговъ на сто вокругъ разносятъ влажные брызги, копорые въ нѣскольکو минуелъ промочили насквозь мое плашье.— Попомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому *триммербахъ*, до котораго буделъ отсюда около двухъ верселъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаелъ и спремилъ въ долину, гдѣ мало по малу упишая свою ярость, об-

разуесть чистую рѣчку. Видѣ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *триммербаха* соспаляютъ *дикую* красосу, плѣняющую любилелей Напуры. Около часа пробыль я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаупербрунненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ пракширѣ.

Въ восемь часовъ вечера. Свѣшлой мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранишныя скалы, возвышаетъ густую зелень соснъ, и блискаетъ на вершинѣ *Юнгферы*, одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма, дѣвическимъ грудямъ подобные, соспаляютъ ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалось; самыя бури не могутъ до нихъ

возносишься ; одни солнечные и лунные лучи лобызають ихъ нѣжную округлость ; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ зѣмнаго шворенія ! — — Я смопрю , и не вижу выхода изъ сей узкой долины .

Пастушьи хижинны на Альпійскихъ горахъ, въ 9 часовъ утра.

Въ чепыре часа разбудилъ меня проводникъ мой . Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ спутилъ первый шагъ на Альпійскую гору , и съ бодростію началъ взбираться на крутизны . Утро было холодно ; но скоро почувствовалъ я жаръ , и скинулъ съ себя пеплой серпукъ . Черезъ четверть часа успалось подкосила ноги мои — и по помѣ каждую минушу надлежало мнѣ отдышаться . Кровь

моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать бѣненіе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, копорые за десятокъ лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратиться въ пыль цѣлой городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ капящагося съ горъ снѣга. Горе пому несчастному спраннику, копорой встрѣтился симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбежна. — Болѣе чепырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, копорая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и спустилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная перемена. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое спало легко и свободно; необыкновенное спо-

койспвіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ границахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ споль явспвенно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность! . . . Друзья мои! я сполялъ на высочайшей спупени, на которую смершныя восходить могутъ для поклоненія Всевышнему! . . . Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда шакъ усердно не молился, какъ въ сію минушу.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испышалъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ шѣ мысли и чувшва, которыя унижаютъ благородное существо человека, остаются въ долинахъ—

III.

внизъ на жипелей Лаупербрунна, не завидуя имъ въ помъ, что они въ самую сію минушу увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *штауббах*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смершной чувствуешь свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное свое опечесство и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ пвердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на копоромъ сполѣшія оставляютъ едва примѣтные слѣды (*), забываетъ онъ время, и мыслию своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ препенетъ

(*) Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляющія на нихъ новые снѣжные слои. Если бы можно было перечислить сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или по крайней мѣрѣ древность сихъ горъ.

сердце его, когда онъ помышляеть о той всемогущей Рукѣ, копорая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнешъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую. —

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, копорыя возвыцающся на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тушъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ копорыхъ паспухи живущъ только лѣпомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, пварогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ— попому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни споловъ, ни спульевъ. Двѣ молодыя веселыя паспушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что

простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравилась, и чпо я хочу оспасться у нихъ, и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ опвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на копорую спойло мнѣ полько шагнушь, и пишу карандашомъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минушу низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши опѣ хижинѣ около часа по оплогому скапу—мимо спада, пасущихся на цвѣпной благовонной зелени—начали мы спускапья съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежишь эша деревенька, состоящая изъ двухъ или прехъ сопъ разсѣяныхъ домиковъ, представляпья

глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *глетшеръ*, или *ледникъ*; а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ копорой мы спустились. Сіи ледники суть магнитъ, привлекающій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, копорой былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокыхъ ледяныхъ пирамидъ, въ копорыхъ хопя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тупъ однимъ Французскимъ писателемъ, но копорыя въ самомъ дѣлѣ представляющъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кпо первой уподобилъ сіи ледники бурному морю, копораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу ска-

запѣ, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или писатель имѣлъ піишическое воображеніе.— Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ спрашнымъ ревомъ выпекаетъ изъ-подъ свода его мушная рѣка Липшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ нещасію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безирестанно спотыкался и почти ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предаетъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолѣ-

валъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезающъ. Тутъ отдышалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью; а потомъ спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, естли не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хопя мѣлкой, однакожь опмѣнно сладкой и вкусной, копорая прохлладила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ пракпирѣ за большимъ столомъ, дожидаюсь ужина.

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, копорой показался мнѣ еще лучше нижняго, попому что цвѣтѣ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же шрудностию, какъ вчера на Венгенальпъ. Горныя ласпочки порхали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было бляніе спадѣ. Цвѣтѣ и правы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали уводяющія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрегорна, высочайшей Альпійской горы, копорая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 сажень; а пеперь возвышаепся передо мною грозной Веппергорнъ, копорой часпо привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясываепся ихъ молніями.

За два часа передъ симъ скапились съ вѣнца его двѣ лавины, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великой трескъ, (копорой заспавилъ меня вздрогнушь) — а по томъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ опдаленному грому, — причемъ на нѣсколько сажень вверху поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ нашелъ я папсуховъ, копорые также подчивали меня пварогомъ, сыромъ и гуспыми, палевыми, ароматическими сливками. Послѣ шакого легкаго и здороваго обѣда, сижу шеперь на бугрѣ горы, и смопрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу я испочникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная храмина Напуры, храмина, изъ копорой она во время засухи черпаетъ

III.

17.

воду для освѣженія жаждущей земли. И еспьлибы сіи снѣга могли вдругѣ распопишься, по впо-рой попопѣ поглотилѣ бы все живущее въ нашемѣ мѣрѣ.

Не льязъ взирашь безѣ нѣкто-раго ужаса на сіи концы земнаго шворенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовѣ жизни—нѣтъ ни деревѣ, ни правѣ— гдѣ меланхолическая пу-стопа искони царшвуешѣ. Ино-гда, надѣ дикими, мерпвыми уше-сами являешся здѣсь величайшая изѣ пшицѣ, Альпійской орелѣ, ко-порому бѣдныя дикія козы слу-жатѣ пищею. Тщешно сіи послѣд-нія спараюшся спасишь онѣ него легкостію ногѣ своихѣ, пры-гая съ одной высопы на другую! Люпой врагѣ гонитѣя повсюду за своею добычею, и наконецѣ приго-няешѣ ее на край бездны, гдѣ не-щаспная не находитѣ для себя никакого пуши. Тупѣ сильнымѣ ударомѣ крыла сшибаетѣ онѣ ее

въ пропасть, и бѣдная коза, не смогла на все свое искусство въ прыганіи, неизбежно погибаетъ. Орелъ извлекаетъ ее опшуда въ оспрыхъ когтяхъ своихъ.

Но не одна пшица сія умерщвляетъ безоружныхъ козъ: Альпійскіе охотники еще для нихъ спрашнѣе. Презирая всѣ опасности, съ удивительнымъ проворствомъ взбираются они на крупизны; однакожь многіе погибаютъ, падая въ пропасти, или упоая въ морѣ снѣговъ. Спрашные анекдоты объ нихъ рассказываютъ. На прим. одинъ Гриндельвальдской охотникъ, гонясь на Шрекгорнѣ за козою, перебирался съ камня на камень, и вдругъ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подъ нимъ зѣвъ свой — уже оспрые гранипы топовы были расперзаны нещаснаго — но онъ зацѣпился ногою за камень; и повисъ надъ пропастію. Представь-

ше себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ поварищей не могъ помочь ему; никто не опваживался лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти; наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, спастись на ноги и спуститься внизъ.

Долина Гасли.

Пробывъ у паспуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первой примѣчанія достойной предметъ, коимъ встрѣтился глазамъ моимъ на семъ пупи, былъ такъ называемой *розеглавинглетшеръ*, самой прекраснѣйшей изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящей изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихся острыя свои вершины. — Мракъ древнихъ вы-

сокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ; дичь и пущопа представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сбдыхъ, мшистыхъ скалъ упали кипящія ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасныя благовонныя луга, какихъ лучше вообразить не лзя—и, къ удивленію моему, не видалъ на нихъ пасущагося скопа. Не можетъ вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, упомившихъ мѣ зрѣніе! На всякомъ лужкѣ опдыхалъ я по нѣскольку минушъ, и ешлы не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку вокругъ себя. — Я пришелъ въ маленькую горную дерезеньку, кою жипели ведущъ пасушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кро-

мѣ скоповодства, и пипаясь однимъ молокомъ. Они дѣлають большіе сыры, и черезъ Валисцовъ отправляють ихъ въ Ипалію. Сырные анбары построены изъ понкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отовсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня помила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодого паслуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него спакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ пошчасъ бросилъ въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она гиста*, сказалъ онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опяшь вылилъ ее назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опяшь вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ

претій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, доброй теловѣкъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и еспьли бы не побоялся пролишь воды, по конечно бы обнялъ добродушнаго паспуха, съ такимъ чувспвомъ, съ какимъ обнимаешъ брапъ брапа: споль любезенъ казался онъ мнѣ въ эпу минушу! — Ахъ, милые друзья мои! для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были паспухами и брапьями (*). Я съ радостію опказался бы опъ многихъ удобноспей жизни (копорыми обязаны мы про свѣщенію дней нашихъ), чшобы возврапиться въ первобыпное соспояніе человѣка. Всѣми *истинными* удовольспвіями — шѣми, въ копорыхъ участвуешъ сердце, и копорыя насъ подлинно щасплыми дѣлаютъ — наслаждались люди и погда, и еще болѣе, нежели

(*) Когда же?

нынѣ — болѣе наслаждались они любовью (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: *я люблю тебя*, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе чело-вѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотою Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ чело-вѣкъ въ прежнемъ своемъ со-стояніи, перзаютъ нынѣ внутрен-ность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою пшму непріятностей. — Съ сими мы-слями пошелъ я отъ паспуха; нѣ-сколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ прово-жаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было же-ланіе: *поди, и будь счастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я отъ всего

сердца желалъ ему щастія; — но онъ уже нашелъ его!

Сильной шумъ перервалъ нить моихъ размышлений. Чпо это значить? спросилъ я у проводника моего, остановясь и слушая. „Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, опвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду.“ — Хотя путешествуя по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видилъ каскады, безпрестанно орошаея ихъ брызгами, и наконецъ смотривъ на нихъ равнодушно; однакожь мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленной шумъ обѣщалъ мнѣ нѣчто величественное; воображеніе мое спремилось къ причинѣ его; но шумъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое засавило меня на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минушу изобразить на бу-

магѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада предспавилась глазамъ моимъ, между дикихъ, каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовишые лѣсочки, и между ими маленькіе деревянные домики, соспавляющіе мѣспечко Мейрингенъ—рѣка Ара, спремящаяся вдоль по долину — множество ручьевъ, низпадающихъ съ крупныхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною пекущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣспѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное—нѣчто такое, чего я отъ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — отъ всего сердца! — Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чшобы посмотреть на него вблизи, я долженъ

быль, не взирая на свою усталость, взошли опять на высокой пригорокъ и спустишься съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлажненной водяною пылью, лепящею отъ каскада. Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ паденія, облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однако жъ я подошелъ къ самому кипящему водоему, илипой яроспю воды ископанной ямъ, въ копорую *Рейхенбахъ* падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя деревья, имъ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ эту ужасную быспрошу, съ копорою волна за волною несетъ въ неизмѣримую глубину сего водоема, и опять вверхъ подымается, будучи опвержена его вѣчно кипящею пучиною, и распроспраня вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыму! Тщешно воображеніе мое

ищепѣ сравненія, подобія, образа!.. Рейнѣ и Рейхенбахѣ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса Природы! въ молчаніи удивляясь будепѣ вамѣ всякой, имѣющей чувствво; но кто можетѣ изобразить васѣ кистію или словами?—Я почти совсѣмѣ чувствѣ лишился, будучи оглушенѣ *гремѣщимѣ громомѣ* паденія, и упалѣ на землю. Моря водяныхѣ частицѣ лились на меня, и припомѣ сѣ такими порывами вихря (производимаго въ воздухѣ силою падающей воды), что боясь смертельной проспуды, я долженѣ былѣ черезѣ нѣсколькоминутѣ удалиться отѣ сего мѣста. Всякой, взглянувѣ на меня, подумалѣ бы, что я вышелѣ изѣ рѣки; ни одной сухой нитки на мнѣ не оспалось, и вода текла сѣ меня ручьями, подобно какѣ сѣ какой нибудѣ Альпійской горы.

До Мейрингена оставалось мнѣ не болѣе шрехѣ верстѣ, и дорога

была уже не такъ прудна, какъ на сходѣ съ вершины Шейдека; но сіи при верспы довели усталость мою до высочайшей степени, попому что жаръ въ долинахъ бываетъ несносенъ. Лучи солнечные оппрыгиваютъ отъ голыхъ скалъ, и согрѣвая воздухъ, производятъ духоту, весьма рѣдко въ шеркомъ прохлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣспечко или деревня Мейрингенъ состоитъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разбѣянныхъ по долинѣ въ великомъ разстояніи одинъ отъ другаго; въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обишатели долины Гасли живутъ въ безпрестанномъ шумѣ, происходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каска-

довѣ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергаются въ долину съ такою яростію, что заливають дома поселянѣ, сады и луга ихѣ. За нѣсколько лѣтъ передѣ симѣ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомѣ и камнями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихѣ и они сами пользовались безчисленными благодѣяніями Природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколь прекрасна здѣсь Натура, столь прекрасны и люди, а особливо женщины, изъ которыхѣ рѣдкая не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какѣ горныя розы — и почти всякая могла бы представлять нѣжную Флору. Удивитесь ли вы, если я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можете быть въ цѣломѣ свѣтѣ нѣтъ другаго Мейрингена.

Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразятъ себя одеждою; на прим. подвязываютъ юбку подъ самыми плечами, и кажешся, будто онѣ въ мѣшкахъ зашиты. — Здѣсь нашелъ я очень хорошій пракширъ.

Въ 11 часовъ ночи. Вечеръ проведенъ мною пріятно. Я гулялъ по долинѣ, въ рошицахъ, по лугамъ, и возвращаясь въ деревню, нашелъ подлѣ одного домика множество молодыхъ мушинъ и дѣвушекъ, которыя между собою играли, прыгали и рѣзвились. Тутъ праздновали сговоръ. Мнѣ не трудно было узнать жениха съ невестою: самая прекраснѣйшая чеша, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ безпрестанно игралъ на ихъ щекахъ; они хотѣли рѣзвиться вмѣстѣ съ другими, но нѣжная помнось, видимая во всѣхъ ихъ движеніяхъ, опличала ихъ отъ прочихъ паспуховъ и па-

стушекъ. Я подошелъ къ жениху, взялъ его за руку, и сказалъ ему: „ты щаспливъ, мой другъ!“ Невѣста взглянула на меня, и съ выразительною благодарностію за мое привѣтствіе. Какъ нѣжно чувство въ Альпійскихъ паспущахъ! какъ хорошо понимаютъ онѣ языкъ сердца! Паспухъ съ улыбкою посмотрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣпились. Тутъ странная мысль пришла въ мою голову: мнѣ захопѣлось оставить будущимъ супругамъ какойнибудь памятникъ, которой бы, въ печеніе благополучныхъ дней любви ихъ, могъ напоминать имъ, что одинъ путешественникъ, изъ отдаленнѣйшей страны сѣвера, былъ при ихъ сговорѣ и бралъ участіе въ радости невинныхъ сердець. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль, не золопую, а мѣдную; но у меня не было ничего болѣе — медаль, на которой из-

ображена голова Греческаго юноши, и которую подарилъ мнѣ припелъ мой Б*. „Возьми ее — сказалъ я невѣстѣ — въ знакъ моего доброжелательства.“ Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала, что дѣлать. „Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно дарятъ невѣстѣ, прошу тебя принять отъ меня эту бездѣлку, которую предлагаю тебѣ отъ добраго сердца.“ — *А въ какой землѣ родились вы?* спросилъ старикъ, сидѣвшій на бревнѣ. — „Въ Россіи.“ — *Въ Россіи! . . . Да, я слышалъ объ этой землѣ отъ стариковъ нашихъ. Да гдѣ-бишь она?* — „Далеко, мой другъ — тамъ, за горами, прямо къ сѣверу.“ — *Точно, я это помню.* — Между тѣмъ женихъ съ невѣстою перешептались; послѣдняя взяла медаль, сказала *спасибо!* и отдала первому, который повернулъ ее

III.

въ рукахъ, и опять возвратилъ ей.
 Я радовался щасливою чешою, и
 въ мысляхъ своихъ чиналъ Гал-
 леровы списки (изъ его Поэмы:
 Die Alpen, ш. е. Альпійскія горы):

Die Liebe brennt hier frey, und scheut
 kein Donner-Wetter.
 Man liebet für sich selbst, und nicht für
 seine Vätter.
 So bald ein junger Hirt die sanfte Glut
 empfunden,
 Die leicht ein schmachtend Aug in mun-
 tern Geistern schürt,
 So wird des Schäfers Mund von keiner
 Furcht gebunden;
 Ein ungeheuchelt Wort bekennet, was
 ihn rührt;
 Sie hört ihn, und, verdient sein Brand
 ihr Herz zum Lohne,
 So sagt sie, was sie fühlt, und thut, wor-
 nach sie strebt;
 Denn zarte Regung dient den Schönen
 nicht zum Hohne,

Die aus der Anmuth flieszt , und durch
die Tugend lebt.

— — — — —
— — — — —

Die Sehnsucht wird hier nicht mit eitler
Pracht belästigt;
Er liebet sie , sie ihn , dies macht den
Heuraths-Schluss.

Die Eh wird oft durch nichts , als bey-
der Treu befestigt,
Für Schwüre dient ein Ja , das Siegel
ist ein Kuss.

Die holde Nachtigall grüsst sie von
nahen Zweigen;

Die Wollust deckt ihr Bett auf sanft
geschwollnes Mooss,

Zum Vorhang dient ein Baum, die Ein-
samkeit zum Zeugen;

Die Liebe führt die Braut in ihres Hir-
ten Schooss.

O dreymahl seligs Paar! Euch muss ein
Fürst beneiden (*).

(*) „Здѣсь любовь нылаепѣ свободно,
никакой грозы не спрашася ; здѣсь

Между пѣмѣ солнце сѣло ; паспухи и паспушки начали расходиться по домамѣ. Я проспился сѣ женихомѣ, сѣ невѣспою — и еспьли бы Альпійскія красавицы были не шакѣ спыдливы, шо, мо-

любящѣ для себя, а не для опцовѣ своихѣ. Когда молодой паспухѣ почувствуешѣ нѣжнующю спрасшѣ, которую прекрасные глаза легко воспаляющѣ вѣ веселомѣ ссрдцѣ, шо уста его не шаящѣ еѣ. Паспушка внимаешѣ ему, сказываешѣ свои чувства, и слѣдуешѣ движенію своей склонности, еспьли онѣ достоинѣ еѣ сердца ; ибо сіе движеніе, раждаемое пріяшностию и пишаемое добродѣтелию, не постыдно для красавицы . Суешная пышность не шягопищѣ спрасшныхѣ желаній ; онѣ любитѣ еѣ, она его любитѣ — симѣ заключаешѣ бракѣ, которой часто одною взаимною вѣрностию утверждаешѣ ; согласіе служипѣ вмѣстѣ кляшѣ, поцѣлуй вмѣстѣ печашѣ. Любезный соловей поздравля-

жестъ бытъ , пришло бы мнѣ на
мысль попребовать опѣ нее . . .
невиннаго поцѣлуя!

*Деревня Трахтѣ , на берегу Бринц-
скаго озера , въ 8 часовъ вечера .*

Вопѣ конецъ моего пѣшеход-
ства! Ноги у меня очень болятъ,
и лице мое опѣ солнечнаго жара
покраснѣло и почернѣло; впрочемъ
я въ духѣ своемъ бодрѣ и веселѣ.

Дорога опѣ Мейрингена до Трах-
та идетѣ долиною , и хопя очень
пріятна , однакожь не могу ска-
зашъ обѣ ней ничего примѣчанія

ещѣ ихъ съ ближнихъ вѣшьвей ;
мягкая шрава естъ брачное ложе
ихъ , дерево завѣсѣ , уединеніе сви-
дѣтель , и любовь приводитѣ невѣ-
сту въ обѣщанія молодаго паспуха .
Блаженная чета ! Цари должны за-
видовашъ вамѣ .“

доспойнаго. Здѣсь нашелъ я шумной праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьютъ и поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди борются; и когда одинъ другога повалилъ, зрители кричатъ: *браво!* Между пѣмъ я сижу подъ окномъ, посматриваю на веселящихся и на небо, которое начинаеъ покрываться облаками. Хорошо, что я теперь не на горахъ! — Между пѣмъ пракширщица гоповишь мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ пойманной. Завтра поплыву на лодкѣ въ Уншерзеенъ, а опшуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводите время? Вѣрно не такъ, какъ спранствующій другъ вашъ, которой на горахъ и въ долинахъ объ васъ думаетъ! — Будьте здоровы и благополучны!

Унтерзеенъ.

Сей часъ пришелъ я въ здѣшній прапиръ. Почтовая лодка, въ которой плылъ я изъ Трахта, пристала къ берегу въ двухъ верстахъ отсюда. Сильной дождь промочилъ меня насквозь; однакожь, пlying по озеру, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы, которыя будучи покрыты облаками, дымилась какъ Эпны или Везувіи. Теперь, въ ожиданіи обѣда, сушусь и приготавливаюсь опять къ путешествію. Дождь все еще не пересталъ.

Тучъ, 8 часовъ вечера.

Я благополучно доплылъ до Туча, не смотря на сильное волненіе озера. Валы играли нашею лодкою какъ шарикомъ. Три женщины, бывшія со мною, безпрепятственно кричали; одна изъ нихъ

упала въ обморокъ, и мы съ трудомъ могли привести ее въ память. Чѣмъ принадлежишь домена, то я ни мало не боялся, а еще веселился волнами, которыя разбивались о каменные берега. Наконецъ дождь переспалъ, и благодѣтельное солнце высушило мое плащье. Приѣхавъ сюда, чувствовалъ я ознобъ; но выпивъ чашекъ пять хорошаго чаю, спалъ опять совершенно здоровъ. — Завтра въ четыре часа отправлюсь въ Бернъ, гдѣ остались мои пожитки.

Бернъ, 10 Сентября 1789.

Возвратясь съ Альпійскихъ горъ, прожилъ я въ Бернъ семь дней, и припомъ не скучно: то посѣщалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно; то прогуливался за городомъ — читалъ — писалъ. Треть-

яго дня водилъ меня Паспорѣ Шшапферѣ къ Господину Шпренгли, имѣющему полное собраніе Швейцарскихъ ппциѣ, множество древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онѣ, по жизни своей, достоинѣ примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикъ у него прекрасной, за городомъ на высокомъ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и снѣжныя горы. Ему теперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ, кромѣ его самого, мы никого не видали; пожилая служанка опправляла должность приворопника. Комнаты прибраны со вкусомъ, и все опмѣнночисто. Сей спарикъ богатъ — наслаждается Напурою, изобиліемъ, спокойствіемъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ онѣ былъ бѣденъ, и разбогатѣлъ опѣ наслѣдства, полученнаго имѣ нечаянно послѣ одного дальняго свойственника. — Учася Орнитологии въ молодыхъ

III.

своихъ лѣпахъ, покупалъ онъ разныхъ пшницъ, анапомировалъ ихъ и отдавалъ дѣлашь изъ нихъ чучелы: вошъ основаніе того полнаго собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ, и котораго не отдастъ онъ ни за пятьдесятъ тысячъ рублей! — Ему очень знакомъ нашъ Докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гиндельбанкъ, находящуюся въ двухъ Французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемой *прекрасной женѣ*. Думаю, что вы читали или слышали о семъ памятникѣ, котораго исторія доспойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знашней Бернской гражанинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ, призвалъ Нѣмецкаго художника Наля, и подрядилъ его сдѣлашь мраморной монументъ

опцу своему. Наль, занимаяся сею работою, жилъ въ домѣ у Проповѣдника той деревни, Г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышной Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золопу, чѣобы придаць памятнику болѣе великолѣпія. Наль говорилъ, чѣо золопо все испортишь; но его не слушали, и гордый художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повинуваться. Въ сіе время умерла родами жена Лангансова, молодая прекрасная женщина, копорую Наль любилъ сердечно за милья свойства ея. Онъ плакалъ вмѣстѣ съ неушѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молніи, блеснула въ головѣ его мысль: *искусство мое да сохранитъ память ея въ теченіе временъ!* Обнявъ Ланганса, сказалъ онъ: „Слезы наши „шекутъ, и въ прахъ исчезаютъ; „изящныя произведенія худо- „жесствъ живутъ вѣвѣки — рука „моя, повинувась сердцу, изобра-

„зипѣ на камнѣ пвою любезную ;
 „жибели опдаленныхъ земель за-
 „хопятѣ видѣтѣ сіе изображеніе,
 „и въ сравненіи съ нимѣ будутѣ
 „презирашѣ Эрлахской памятникѣ.“
 — Сказалѣ, и сдѣлалѣ.

Онѣ представилѣ мапѣ (прекрасная Греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемѣ. Камень гробный распался. Она поднимаетѣ голову; одною рукою держитѣ сына, а другою хочетѣ опвалитѣ камень, и между пѣмѣ съ великимѣ вниманіемѣ слушаетѣ небесную музыку, пробуждающую мертвыхъ. Сія мысль прекрасна, и доказываетѣ піипической духѣ Художника; работа отвѣчаетѣ ей. Галлерѣ сочинилѣ къ памятникѣ слѣдующую надпись (заставляя говорить воскресающую): „Се прубный гласѣ! онѣ проникаетѣ въ могоилу. Пробудись, сынѣ мой, сынѣ печали, и сложи съ себя пѣвность! Спѣши во срѣпеніе пво-

„ему Искупишелю, отъ Котораго
 „бѣжитъ смерть и время; въ вѣч-
 „ное благо превращаешься все спра-
 „даніе.“ Надпись хороша; но
 для перваго мгновенія, въ копо-
 ромъ предспавлена воскресаю-
 щая, слишкомъ плодовица. Лучше
 еспьли бы она сказала полько:
Грубный гласъ! . . . Пробудись ,
сынъ мой! се Спаситель! — Нѣко-
 торые думаютъ, что Художникъ
 не искусственно представилъ рас-
 павшійся камень, а въ самомъ дѣлѣ
 разломилъ его, вырѣзавъ прежде
 на немъ надпись; но ревностные
 защитники искусства смѣются
 надъ сею мыслию. Повеше Галле-
 ровой надписи вырѣзанъ стихъ
 изъ Св. Писанія: *Се азъ и гадо-*
мое, еже далъ ми еси Ты. Жаль
 полько, что сей прекрасной мо-
 нументъ поставленъ очень дур-
 но! Онъ совсѣмъ скрытъ подъ по-
 ломъ, и чшобы видѣть его, по на-
 добно поднятъ двѣ доски. Объ Эр-

лахскомъ пышномъ памятникѣ не скажу ни слова: Художникѣ не хотѣлъ, чптобы объ немѣ говорили. — Нынѣшній Гиндельбанкской Проповѣдникѣ не могѣ бы подружиться съ Налемѣ; въ физіономіи его не примѣшилѣ я ничего пастырскаго, и ничего таково, чптобы показывало чувство. Какѣ онѣ училѣ своихѣ поселянѣ, не знаю. — Въ Гиндельбанкѣ есть бѣдной пракширѣ, въ копоромѣ я едва могѣ уполишь свой голодѣ; опобѣдавѣ шамѣ, возвратилѣ къ вечеру въ городѣ.

Кажетѣся, я еще не писалѣ къ вамѣ о здѣшнемѣ славномѣ Цейггаузѣ. Тамѣ видите вы множество всякаго оружія и всѣхѣ воинскихѣ попребностей; но болѣе вниманія заслуживаютѣ лапы древнихѣ Бернскихѣ Героевѣ, славныхѣ храбростию и дѣлами своими. Самыя большія изѣ нихѣ принадлежали основателюерна, Герцогу Церингенскому. Надобно, чптобы онѣ былѣ

Гигантъ — и ешьли не хотѣлъ
 взять присупомѣ неба, по по
 крайней мѣрѣ ужасѣ былѣ его пред-
 печею, когда онѣ шелѣ прошивѣ
 непріятелей. Не знаю, любезные
 друзья мои, какой хладѣ разливаеш-
 ся по моимѣ жиламѣ при видѣ
 памяшниковѣ рыцарскаго времени,
 когда люди всего болѣе вѣрили
 рукѣ своей и—Провидѣнію; когда
 число побѣдѣ бывало числомѣ до-
 стоинствѣ человека, и когда вѣ
 храброспи вмѣщалося понятіе
 всѣхѣ добродѣтелей. — Писпо-
 лелы Карла *смѣлаго*, Герцога Бур-
 гундскаго, украшенные серебромѣ
 и слоновою костью, показались
 мнѣ шакже примѣчанія достой-
 ными; я смотрѣлъ на нихѣ нѣсколь-
 ко минушѣ, и воображалѣ руку,
 ихѣ нѣкогда державшую. —

Здѣсь нравы нешакѣ уже спроги,
 какѣ вѣ Цирихѣ. Женщины и му-
 щины сходяшся вмѣстѣ — обык-
 новенно послѣ обѣда, часа вѣ че-

тыре—и первыя говорящѣ свободно, шушящѣ и бывающѣ душою общесства. Нѣкоторыя дѣвицы и грающѣ на клавесинѣ, поющѣ и восхищающѣ слушапелей. Знакомцы мои два раза водили меня въ сіи собранія, копорыя были довольно многочисленны. Но въ карпы здѣсь не играющѣ, такъ же какъ и въ Цирихѣ. Съ иностранцами говорящѣ всегда по-Французки, и припомѣ гораздо лучше, нежели въ другихъ городахъ Швейцаріи; что же принадлежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онѣ весьма испорченѣ и непріятенѣ слуху.

Бернской Аристокрапизмѣ починаешя самымѣ спрожайшимѣ въ Швейцаріи. Нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю власть въ Республикѣ; изъ нихъ составляешя большой Совѣтѣ и Сенатѣ (изъ копорыхъ первой имѣетѣ законодапельную, а послѣдній исполнпшельную власть); изъ нихъ вы-

бираются судьи, такъ называемые Ландфохшы или правители въ округахъ, на которые раздѣленъ Бернской Кантонъ; всѣ прочіе жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристокрапическихкихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но это рѣдко бываетъ. —

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на шеррасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтвями кашпановыхъ деревьевъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиропю! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра побѣду въ Лозану, и простился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ Проповѣдника Шшапфера. Сей доброй Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился.

Всякой день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я выѣду изъ Берна, и не хочеть прощаться со мною. Чувствительной человекъ!

Здѣсь расстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Проспите, мои друзья! Пакетъ свой опнесу на почту. Если бы вы съ такимъ удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!

Лозана.

Отъ Берна до Лозаны ѣхалъ я садомъ, и прекраснѣйшимъ садомъ. Деревя вокругъ дороги гнулись подъ сочными, спяжелыми плодами, и злая осень являлась вездѣ въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ. День былъ воскресной; нарядные

поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнисное вино, съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Швейцарія!*

Пробѣжавъ городокъ Мурпенъ, кучеръ мой оспановился, и сказалъ мнѣ: *хотите ли видѣть остатки нашихъ непріятелей? — „Гдѣ?“ — Здѣсь, на правой сторонѣ дороги. —* Я выскочилъ изъ кареты, и увидѣлъ за желѣзною решешкою огромную кучу — костей человѣческихъ.

Карлъ *дерзостный*, Герцогъ Бургундскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ Европейскихъ Государей своего времени, бичъ человѣчества, ужасъ сосѣдственныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жипелей Гельвеціи, и гордость независимыхъ смирилъ желѣзнымъ скипетромъ пиранства. Двинулось его воинство; разноцвѣтныя знамена возвѣялись, и земля заспонала подъ тяжестью

его огнестрѣльныхъ орудій. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муршенскаго озера, и Карлъ, зависплымъ окомъ взирая на пихія долины Гельвеціи, именовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ (*) разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые паспухи, оставивъ хижины и спада свои, вооружились мгновенно сѣкирами и копьями, соединились, и при гласѣ прубѣ, при гласѣ любви къ опечесшву, громко раздавшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ успремались на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли; но храбрые, непобѣдимые Швейцары сквозь дымъ и мракъ ворвались въ ряды его воинства, и громы умолкли, и

(*) Посредствомъ сигналовъ.

ряды исчезли подъ сокрушительною ихъ рукою. Самъ Герцогъ въ отчаяніи бросился въ озеро, и сильный конь вынесъ его на другой берегъ. Одинъ вѣрный служитель вмѣстѣ съ нимъ спасся; но Карлъ, обративъ взоръ на поле сраженія, и видя гибель всѣхъ своихъ воиновъ, въ испугѣ бѣшенствѣ заспрѣлилъ его изъ пистолета, воскликнувъ: *тебѣ ли одному оставатся?* — Побѣдители собрали кости мертвыхъ враговъ, и положили ихъ близъ дороги, гдѣ лежалъ онъ и по нынѣ.

Я запрепепалъ, друзья мои, при семъ плачевномъ видѣ нашей плѣнности. Швейцары! не уже ли можете вы веселиться такимъ печальнымъ *трофеемъ?* Бургундцы по человѣчеству были вамъ братья. Ахъ! если бы вы, омочивъ слезами сіи оспапки прищипки пылячъ несчастныхъ, съ благословеніемъ предали ихъ землѣ, и на

мѣстѣ побѣды своей соорудили черной монументѣ, вырѣзавъ на немъ сіи слова: *Здѣсь Швейцары сражались за свое отечество, побѣдили и оплакали свою побѣду* — тогда бы я похвалилъ васъ въ сердцѣ своемъ. Сокройте, сокройте сей памятникъ варварства! Гордясь именемъ Швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени — имени чловѣка!

Множесиво надписей чипалъ я на спѣнахъ, копорыми обведенъ сей опкрышой гробъ. Вы знаете одну изъ нихъ, сочиненную Галлеромъ:

Steh still, Helvetier! hier liegt das kühne
 Heer,
 Vor welchem Lüttich fiel, und Frank-
 reichs Thron erbebte.
 Nicht unsrer Ahnen Zahl, nicht künst-
 licher's Gewehr,
 Die Eintracht schlug den Feind, die
 ihren Arm belebte.

Kennt, Brüder, eure Macht: sie liegt in
unsrer Treu.

O würde sie noch heut in jedem Leser
neu! (*).

Сверхъ того написаны пупѣ
тысячи именъ и примѣчаній. Гдѣ
не обнаруживается склонность
человѣка къ распроспраненію бы-
шя своего, или слуха о бышя
своёмъ? Для сего открываютъ
новыя земли; для сего пупеше-
спвенникъ пишетъ имя свое на
гробѣ Бургундцевъ. Многіе, въ па-
мять того, что они посѣщали

(*) „Остановись сынъ Гельвеціи! здѣсь
лежитъ дерзостное воинство, предъ
которымъ палъ Липпихъ и шре-
пешалъ престолъ Франціи. Не чи-
сло нашихъ предковъ, не искусѣн-
шее оружіе, но *согласіе*, оживлявшее
руку ихъ, побѣдило врага. Познай-
те, братья, силу свою: она состоитъ
въ нашей *вѣрности* — ахъ! да обно-
вится и нынѣ вѣрность сія въ сер-
дцахъ вашихъ.“

эпошѣ гробѣ, берущѣ изъ него кости; я не могъ слѣдовать ихъ примѣру — вы догадаетесь, для чего. — Впрочемъ всѣ кости такъ высохли, что опѣ нихъ нѣтъ никакого дурнаго запаха.

Далѣе за Муршеномъ предсказались мнѣ развалины Авеншикума, древняго Римскаго города, — развалины, состоящія въ остаткѣ колонадъ, стѣнъ, водяныхъ трубъ, и проч. Гдѣ великолѣпнѣ сего города, копорой былъ нѣкогда первымъ въ Гельвеціи? гдѣ его жилища? Исчезаютъ царства, города и народы — исчезнемъ и мы, любезные друзья мои!... гдѣ будутъ споятъ гробы наши? — Настала ночь, взошла луна и освѣтила могилу пѣхъ, копорые нѣкогда ликовали при ея свѣтѣ.

Лозана.

Я прїѣхалъ въ Лозану ночью. Городъ спалъ, и все молчало, кромѣ шакъ называемаго ночнаго караульщика, которой, ходя по улицамъ, кричалъ: *ударило тасъ, граждане!* Мнѣ хотѣлось остано­вить­ся въ пракширѣ *золотаго льва*; но на спукъ мой отвѣчали шамъ: *tout est plein, Monsieur! tout est plein!* (все занято, государь мой, все занято!) Я поспучался въ другомъ пракширѣ, *à la Couronne*; но и шамъ отвѣчали мнѣ: *tout est plein, Monsieur!* — Вообразите мое положеніе! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ приспаница, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ, или *тасовъщатель*, сжалился надо мною, и подошедши къ запертымъ дверямъ пракшира, увѣрялъ сонливаго отвѣчающаго, что *Monsieur est un voyageur de qualité* (что прїѣхавшій господинъ не изъ простыхъ

III.

20

путешественниковъ); но намъ шѣмъ же голосомъ отвѣчали: *все занято; желаю доброй ночи Господину Путешественнику!* — C'est impertinent ça (это безстыдно!) сказалъ мой часовщикъ: „подите за мною въ прачиръ *олея*, гдѣ васъ вѣрно примутъ.“ — Тамъ въ самомъ дѣлѣ меня приняли, и отвели мнѣ изрядную комнату. Добродушной караульщикъ съ улыбкою сердечнаго удовольствія пожелалъ мнѣ пріятнаго сна, опказался опъ двадцати копѣекъ, предложенныхъ ему опъ меня, — пошелъ и закричалъ: *ударило тасъ, любезные граждане!* Я развернулъ карманную книжку свою и записалъ: *такого-то числа, въ Лозанъ, нашелъ добраго теловѣка, которой безкорыстно услуживаетъ ближнимъ.*

На другой день поуспру исходилъ я весь городъ, и могу сказать, что онъ очень нехорошъ; лежитъ опчасти въ ямъ, опча-

спи на косогорѣ, и куда ни поди, вездѣ надобно спускашьсѣ съ горы или всходишь на гору. Улицы узки, нечиспы и худо вымощены. Но на всякомѣ возвышенномѣ мѣстѣ открывающѣя живописныя виды. Чистое обширное Женевское озеро; цѣпь Савойскихъ горъ, за нимъ бѣлѣющихъ, и разсѣяныя по берегу его деревни и городки — Моржъ, Роль, Нионъ — сославляющѣ прелеснную, разнообразную картину. Друзья мои! когда Судьба величѣ вамъ бытъ въ Лозанѣ, по взойдише на террасу кафедральной церкви, и вспомнише, что нѣсколько часовъ моей жизни пропекли шущѣ въ удовольствіи и тихой радости! Если бы теперь спросили меня: чѣмъ не лзя никогда насыпнться? то я опвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ! и при всемъ помъ смопрю на новыя сѣ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ.

У меня было письмо къ Г. Леваду (Натуралисту и Автору разныхъ піесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго Общества). Домъ и садъ его мнѣ очень полюбились; въ послѣднемъ встрѣчающіяся глазамъ Лапинскія, Французскія и Англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ Поэтовъ. Между прочими нашелъ я сипрофу изъ Аддиссоновой Оды, въ которой Поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріяныя имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Щасливъ Г. Левадъ, естли въ Аддиссоновыхъ стихахъ находилъ онъ собственныя свои чувства! — Сія ода напечатана въ Англійскомъ Зрипелѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣпную ночь за переводомъ ея, и зъ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоея!

восходящее солнце освѣпило меня первыми лучами своими. Это упрѣ было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

Вмѣстѣ съ Гм. Левадомъ былъ я въ Café littéraire, гдѣ можно чипать многіе Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе Журналы. Я намѣренъ часто посѣщать эпопѣ кофейной домъ, пока буду въ Лозанѣ. Теперь же, къ несчастію, не лья прогуливаться; почти съ самаго упра идепъ пресильной дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми Англичанами, которые прѣзжаютъ сюда учиться по-Французски и — дѣлать разныя глупости и проказы. Иногда и наши любезные соотечественники присоединяются къ нимъ, и вмѣсто того, чшобы усилъвать въ наукахъ, усилъваютъ въ шалостяхъ.

По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣщовалъ посылать дѣшей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному Французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ Нѣмецкихъ Университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь; чему доказательствомъ служишь и то, что самыя Швейцары, желающіе посвятить себя учености, ѣздятъ въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ *способы ученія* не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи; и кого Платнеръ, кого Гейне не завлечетъ полюбить науки, тотъ конечно не имѣетъ уже въ себѣ никакой способности. — Молодые чужестранцы живутъ и учатся здѣсь въ Пансіонахъ, платя за то шесть или семь лудоровъ въ мѣсяцъ: что составитъ на наши деньги около пятидесяти рублей.

Здѣсь поселился нашъ сооте-

чеспвенникъ, Графъ Григорій Кириловичъ Разумовскій, человекъ ученой и великой Натуралистъ. По любви къ наукамъ, опказался онъ опъ чиновъ, на копорые знапный родъ его давалъ ему право — удался въ шакую землю, гдѣ Натура споль великолѣпна, и гдѣ склонность его находилъ для себя болѣе пици — живелъ въ пишинѣ, прудился надъ умноженіемъ знаній человекскихъ въ царствахъ Природы, и дѣлаелъ честь своему опечеству. Еспли не ошибаюсь, то онъ первой изъ Россіянъ извѣстенъ въ Европѣ какъ испинно-ученой человекъ. Сочиненія его всѣ на Французскомъ языкѣ.— За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ пѣмъ, чшобы опяшь возвратишься въ Лозану.

~~~~~

Сію минупу пришелъ я изъ каедральной церкви. Тамъ изъ чер-

наго мрамора сооруженъ памятникъ Княгини Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ объятіяхъ нѣжнаго, неутѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!... Я благословилъ память ея. — Бѣлая мраморная урна стоитъ на помѣ мѣстѣ, гдѣ погребена Герцогиня Курляндская, которая была предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей. Она любила Науку и Поэзію; Наука и Музы Британніи, вмѣстѣ съ Музами Германскими, образовали духъ и сердце ея.

~~~~~

Въ пять часовъ поутру вышелъ я изъ Лозаны, съ весельемъ въ сердцѣ и — съ Руссовою Элоизсю въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами шѣ прекрасныя мѣ-

спа, въ копорыхъ безсмертной Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, копорая на обѣихъ споронахъ была границею моего зрѣнiя. Но гдѣ шолько стѣна перерывается, тамъ видны съ лѣвой спороны разнообразныя уступы и возвышенiя горы Юры, на копорыхъ представляющяся глазамъ или прекраснѣйшiе виноградныя сады, или маленькiе домики, или башни съ развалинами древнихъ замковъ; а на правой зеленые луга, обсаженные плодовишными деревьями, и гладкое Женевское озеро, съ грозными скалами Савойскаго берега. — Въ девять часовъ былъ я уже въ Вевъ (до копораго отъ Лозаны чешыре Франц. мили), и оспановясь подъ стѣною кашпановыхъ деревъ гульбища, смопрѣлъ на каменные утесы Мельери, съ копорыхъ опча-

III.

21

янной Сенъ-Прё хотѣлъ низвергнуться въ озеро, и откуда писалъ онъ къ Юліи слѣдующія спроки:

„Въ ужасныхъ испуленіяхъ и
 „въ волненіи души моей не могу
 „я бытъ на одномъ мѣспѣ; брожу,
 „съ усиленіемъ взбираюсь на высо-
 „шы, усремляюсь на вершины
 „скалъ; скорыми шагами обхожу
 „всѣ окрестности, и вижу во
 „всѣхъ предметахъ пошъ самой
 „ужасъ, которой царствуетъ въ
 „моей внуprenности. Нигдѣ уже
 „нѣтъ зелени; права поблекла и
 „пожелтѣла, дерева споятъ безъ
 „листвевъ, холодной вѣсперъ на-
 „дуваетъ сугробы, и вся Напура
 „мертва въ глазахъ моихъ, подоб-
 „но надеждѣ въ моемъ сердцѣ.—
 „Между скалами сего берега на-
 „шелъ я, въ уединенномъ убѣжи-
 „щѣ, маленькую равнину, откуда
 „видѣнъ щасливой городъ, въ ко-
 „шоромъ пы обипаешь. Вообрази,
 „съ какою жадностію усремился

„взорѣ мой къ сему любезному мѣ-
 „спу! Въ первой день я всячески
 „спарался найпи глазами домѣ
 „пвой; но отѣ чрезмѣрной опда-
 „ленности всѣ мои усилія оспа-
 „вались пщепными, и я, примѣ-
 „пивѣ, что воображеніе обманыва-
 „ваетѣ глаза мои, пошелѣ къ Свя-
 „щеннику и взялѣ у него шеле-
 „скопѣ, посредспвомѣ копорога у-
 „видѣлѣ жилище пвое. . . .

„Сѣ пого времени цѣлые дни
 „провожу въ семѣ убѣжищѣ, и
 „смѣпрю на блаженныя спѣны,
 „заключающія въ себѣ испочникѣ
 „жизни моей. Не взирая на дур-
 „ную погоду, прихожу шуда по-
 „упру, и возвращаюсь опшуда но-
 „чью. Лиспья, сухія вѣпшви, мною
 „зажигаемыя, и безпреспанное
 „движеніе защищающѣ меня отѣ
 „чрезвычайнаго холода. Сіе дикое
 „мѣспо мнѣ пакѣ полюбилось, что
 „я приношу шуда бумагу сѣ чер-
 „чилицею, и шеперь пишу шамѣ

„письмо, на камнѣ, опвалившемся
„опѣ ближней скалы.“

Вы можете имѣть понятіе о чувствѣхъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо, и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу! Хотя въ семъ романѣ много несущественнаго, много увеличеннаго — однимъ словомъ, много *романтескаго* — однакожь на Французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви такими яркими, живыми красками, какими она въ Элоизѣ описана — въ Элоизѣ, безъ которой не существовалъ бы и Нѣмецкой *Вертеръ* (*). — Надобно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Руссовой душѣ; всѣ описа-

(*). *Оснoзаніе* романа то же, и многія *положенія* (situations) въ *Вертерѣ* взяты изъ *Элоизы*; но въ немъ болѣе *нашуры*.

ния его такъ живы, и припомъ
 такъ вѣрны! Мнѣ казалось, что я
 нашелъ глазами и шу равнину
 (esplanade), которая была споль
 привлекательна для несчастнаго
 Сенъ-Прё. Ахъ, друзья мои! для
 чего въ самомъ дѣлѣ не было
 Юли! для чего Руссо не великъ
 искалъ здѣсь слѣдовъ ея! Жесто-
 кой! ты описалъ намъ такое пре-
 красное существо, и послѣ гово-
 ришь: *его нѣтъ!* Вы помните это
 мѣсто въ его Confessions: „Я ска-
 жу всѣмъ имѣющимъ вкусъ, всѣмъ
 „чувствительнымъ: побѣждайте въ
 „Веве, осмотрите его окрестно-
 „сти, гуляйте по озеру — и вы
 „согласитесь, что сіи прекрасныя
 „мѣста достойны Юли, Клери и
 „Сенъ-Прё; но не ищите ихъ
 „памъ.“ — Коксъ, извѣстной Ан-
 глійской Путешественникъ, пи-
 шеть, что Руссо сочинялъ Элои-
 зу, живучи въ деревнѣ Мельери;
 но это не справедливо. Господинъ

де Л*, о копоромъ вы слышали, зналъ Руссо и увбрялъ меня, что онъ писалъ сей романъ въ то время, когда жилъ въ *Эрмитажъ*, въ трехъ или чепырехъ миляхъ отъ Парижа (*).

(*) Тогда я не читалъ еще продолженія Руссовыхъ *признаній* или *Confessions*, которое вышло въ свѣтъ въ бытность мою въ Женевѣ, и въ копоромъ описано происхожденіе всѣхъ его сочиненій по порядку. Я приведу здѣсь мѣста, касающіяся до Элоизы. Руссо, прославясь въ Парижѣ своею Оперою *Devin du Village* и другими сочиненіями, пріѣхалъ въ Женеву, и былъ принятъ тамъ отменно ласково; всѣ увбряли его въ своей любви, къ почтенію къ его дарованіямъ, и чувствительной, распроганной Руссо общалъ своимъ согражданамъ навсегда къ нимъ переселиться, и только на короткое время сѣзидишь въ Парижъ, чтобы учредишь тамъ дѣла свои. „Послѣ „сего рѣшенія (говоритъ онъ) я оспа-

Опдохнувъ въ пракпирѣ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чшобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кла-*

„вилъ всѣ важныя упражненія, чшобы веселился съ друзьями до времени моего опѣзда. Всего болѣе, „полюбилась мнѣ тогда прогулка съ „семействомъ пріятелиа моего Де „люка. Въ самое прекрасное время „наняли мы лодку, и въ семь дней „обѣхали все озеро. Мѣста на дру „гомъ концѣ его впечатлѣлись въ „моей памяти, и черезъ нѣсколь „ко лѣтъ послѣ того я описалъ „ихъ въ *Новой Элоизѣ*.“ — Господинъ де Л* сказалъ мнѣ правду: Руссо точно сочинялъ свою *Элоизу* въ то время, когда жилъ въ *Эрмитажѣ* подлѣ Парижа. Вотъ что говоритъ онъ о происхожденіи своего романа: „Я представлялъ себѣ „любовь и дружбу (двухъ идиоловъ „моего сердца) въ самыхъ восхищительнѣйшихъ образахъ; украсилъ „ихъ всѣми прелестями нѣжнаго

ранѣ. Высокія густыя дерева со-
крывающѣ его отъ неперпѣливыхъ
взоровъ. Подошелъ , и увидѣлъ —
бѣдную маленькую деревеньку, ле-

„пола, всегда мною любимаго; вооб-
„ражалъ себѣ сихъ друзей не мущи-
„нами, а женщинами (естъли шакой
„примѣръ и рѣже , по по крайней
„мѣръ онъ еще любезнѣе). Я далъ
„имъ два характера сходные , но
„не одинакіе ; два образа , не со-
„вершенные, но по моему вкусу; до-
„броша и чувствительность оду-
„шевляли ихъ. Одна была черново-
„лосая, другая бѣлокурая; одна раз-
„судительна , другая слаба , но въ
„самой слабости своей любезная и
„добродѣтельная. Одна изъ нихъ
„имѣла любовника, которому другая
„была нѣжнымъ другомъ, и еще бо-
„лѣе нежели другомъ; но только
„безъ всякаго совѣстничества, безъ
„ревности и ссоры : ибо душѣ моей
„шрудно вображать противныя чув-
„ства, и припомъ мнѣ не хотѣлось
„помрачить сей каршины ничѣмъ ,

жащую у подошвы горъ, покры-
 пыхъ елями. Въсто жилища
 Юліна, споль прекрасно описан-
 наго, предспавился мнѣ спарой

„унижающимъ напуру. Будучи вос-
 „жищенъ сими двумя прекрасными
 „образцами, я всячески сближалъ
 „себя съ любовникомъ и другомъ;
 „однакожь предспавилъ его моло-
 „дымъ и прекраснымъ, давъ ему
 „мои добродѣтели и пороки. Чшобы
 „поселишь моихъ любовниковъ въ
 „приспойной для нихъ спранѣ, я
 „проходилъ въ памяти своей всѣ
 „лучшія мѣста, видѣнныя мною въ
 „пушешеспвіяхъ; но не могъ найши
 „ни одного совершенно - хорошаго.
 „Долины Фессалійскія могли бы
 „меня удовольспивовать, еспьли бы
 „я видѣлъ ихъ; но воображеніе мое,
 „ушомленное выдумками, кошѣло ка-
 „кого нибудь сущеспвеннаго мѣста,
 „кошорое могло бы служить ему
 „основаніемъ. Наконецъ я выбралъ
 „берега того озера, вокругъ копо-
 „раго сердце мое не переспавало

замокъ съ башнями; суровая наружность его показываетъ суровость тѣхъ временъ, въ которыя онъ построенъ. Многіе изъ тамошнихъ

„носятся“—и проч. Съ неописаннымъ удовольствіемъ читалъ я въ Женевѣ сіи Confessions, въ которыхъ такъ живо изображается душа и сердце милого Руссо. Нѣсколько времени послѣ шего воображеніе мое только имъ занималось, и даже во снѣ. Духъ его парилъ надо мною. —Одинъ молодой знакомой мнѣ живописецъ, читавъ Confessions, такъ полюбилъ Руссо, что нѣсколько разъ принимался писать его въ разныхъ положеніяхъ, хошя (сколько мнѣ извѣстно) не кончилъ ни одной изъ сихъ картинъ. Я помню, что онъ между прочимъ изобразилъ его цѣлующаго фланелевую юбку, присланную ему на жилетъ отъ Госпожи Денине. Молодому живописцу казалось это очень прогашельнымъ. Люди имѣютъ разные глаза и разныя чувства!

жищелей знающіи Новую Элизу, и весьма довольны пѣмъ, что великой Руссо прославилъ ихъ родину, сдѣлавъ ее сценою своего романа. Работавшій поселянинъ, видя пѣмъ любопытнаго пришельца, говоритъ ему съ усмѣшкою: *баринъ конечно читалъ Новую Элизу?* Одинъ старикъ показывалъ мнѣ и попъ лѣсокъ, въ копоромъ, по Руссову описанію, Юлія поцѣловала въ первой разъ спрашнаго Сенъ-Прё, и симъ магическимъ прикосновеніемъ потрясла въ немъ всю нервную систему его. — За деревенькою волны озера омывающіи сѣбѣны укрѣпленнаго замка Шильйона; унылой шумъ ихъ склоняетъ душу къ меланхолической дремотѣ. Еще далѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ въ него Рона) лежатъ Вильнёвъ, маленькой городокъ; но я посмопрѣлъ на него издали, и возвратился въ Веве.

О семъ городѣ скажу вамъ, что

положеніе его—на берегу прекраснѣйшаго въ свѣтѣ озера, пропивъ дикихъ Савойскихъ утесовъ, и подлѣ плодоносныхъ горъ — очень пріятно. Онъ несравненно лучше Лозаны; улицы ровны и регулярны; естѣ хорошіе дома и прекрасная площадь. Здѣсь живутъ почти всѣ дворяне Французской Швейцаріи, или Pays-de-Vaud; за всѣмъ тѣмъ Веве не кажется многолюднымъ городомъ.

Въ здѣшній пракпиръ вмѣстѣ со мною вошли четыре человека въ дорожныхъ пластьяхъ, и вмѣстѣ со мною попотребовали обѣда. Въ нѣсколько минутъ мы познакомились, и я узналъ, что трое изъ нихъ Вестфальскіе Бароны, а четвершой Польской Князь. Послѣдній возвращается изъ Франціи въ свое отечество, и заѣхалъ въ Швейцарію только для того, чтобы взглянуть на Мельери и Кларанъ. Бароны *по довѣренности* ска-

зали мнѣ (когда Полякъ вышелъ изъ комнапы), что они весьма недовольны его поварищеспвомѣ; что онѣ навязался на нихѣ въ городкѣ Моржѣ, и съ шого времени не даешѣ покою ушамѣ ихѣ, безпреспанно бранясь или съ кучеромѣ, или съ гребцами, или съ пракпирщиками; и что онѣ, по ихѣ примѣчанію, еспѣ великой лжецѣ. Скоро я имѣлѣ случай увѣришься въ справедливости сказаннаго ими. Лишь полько мы сѣли за сполѣ, Польской Князь началѣ бранишь хозяина за кушанье; все было для него дурно, всего мало. Тракпирщикѣ напомнилѣ ему, что онѣ не въ Варшавѣ; но Полякъ не унялся до послѣдняго блюда. По шомѣ вздумалѣ онѣ разсказывать мнѣ о Баспильскомѣ шпурмѣ, на кошоромѣ будшо бы проспѣрили ему шляпу и кафшанѣ. Я не могѣ его долго слушашѣ, чувспвуя нужду въ ошдох-

новеніи , и ушелъ въ опведенную мнѣ комнапу.

Всякой, кто читалъ примѣчанія Коксова Переводчика, Рамона, взойдепѣ конечно на перрасу здѣшней церкви, чпобы сидя между гробами, подѣ мрачною пѣнію сполѣпнихѣ деревѣ , проводитѣ глазами заходящее солнце , насладитѣся пишиною вечернею, и видѣпѣ сгущеніе ночныхѣ пѣней на романической карпинѣ Вевейскихѣ окреспностей. Я былѣ памѣ, и погрузѣсь въ самого себя , не чувспвовалѣ, какѣ черная, величеспвенная ночь окинула покровомѣ своимѣ и небо и землю. — Проспшите.

Лозана.

Бчера возврапился я изѣ Веве, и насилу дошелѣ до Лозаны , будучи измученѣ зноемѣ и жаромѣ.

Отъ сильнаго волненія въ крови провелъ я ночь безпокойно, и видѣлъ сны, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ примѣчанія доспойнымъ. Мнѣ привидѣлось, что я въ большой залъ спую на каедрѣ, и при множествѣ слушателей говорю рѣчь о температахъ. Прочувшись, схватилъ я перо и написалъ, что оспалось у меня въ памяти, изъ чего, къ моему удивленію, вышло нѣчто порядочное. Судите сами — вотъ сей опрывокъ:

„Температентъ естъ основаніе
„моральнаго существа нашего, а
„характеръ случайная форма его.
„Мы родимся съ температами,
„но безъ характера, которой об-
„разуется мало по малу отъ внѣ-
„шнихъ впечатлѣній. Характеръ
„зависитъ конечно отъ темпера-
„менты, но только опчастіи, за-
„висия впрочемъ отъ рода дѣйству-
„ющихъ на насъ предметовъ.

„Особливая способность принимать
 „впечатлѣнія есть темпераметръ;
 „форма, которую дають сіи впе-
 „чатлѣнія нашему моральному су-
 „ществу, есть характеръ. Одинъ
 „предметъ производитъ разныя
 „дѣйствія въ моральныхъ суще-
 „ствахъ — отъ чего? отъ различ-
 „ности темпераметровъ, или отъ
 „разнаго свойства *моральной мас-*
сы, которая есть младенецъ.“

Вы мнѣ повѣрите, что я не прибавилъ и не убавилъ, и написалъ слова точно такъ, какъ свидѣніе впечатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто изъяснитъ связь идей, во снѣ намъ представляющихся? и какимъ образомъ онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не думалъ наяву о темпераметрахъ и характерахъ: отъ чего же мечталъ объ нихъ?

Я завтракалъ нынѣ у Г. Левада, съ двумя Французскими Маркизами, пріѣхавшими изъ Парижа. Они

сообщили мнѣ весьма худое понятіе о Парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкоторые изъ нихъ, видя нагой прурѣ несчастнаго дю-Фулона, перзаемый на улицѣ бѣшенымъ народомъ, восклицали: *какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!* И Маркизы рассказывали объ эпозомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ!! У меня сердце поворошилось.

Лозанскія общества опличаются отъ Бернскихъ во первыхъ тѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ карпы, а вовпорыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажешся, что здѣшніе жилиши переняли не только языкъ, но и самыя нравы у Французовъ, по крайней мѣрѣ опчаспи, по еспь, удержавъ въ себѣ нѣкоторую жесткосъ и холодноспь, свойственную Швейцарамъ. Сіе смѣшеніе для меня прошивно. Цѣлосъ, ори-

III.

гинальность ! вы во всемъ драгоценны ; вы занимаете , пишете мою душу — всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Я слушалъ нынѣ проповѣдь въ кафедральной церкви. Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ ; въ шлодвиженіяхъ и въ голосѣ актерствовалъ до крайности. Все поученіе соспояло въ высокопарномъ пустословіи , а комплименты начальникамъ и всему красному городу Лозаннѣ былъ заключеніемъ. Я посмапривалъ то на проповѣдника, то на слушапелей ; вообразилъ себѣ нашего П., Знамен. Священника, Лафатера — пожалъ плечами, и вышелъ вонъ. Кспапи или не кспапи скажу вамъ , что изъ всѣхъ церковныхъ Рипоровъ , которыхъ мнѣ удалось читать или слышать, нравился мнѣ болѣе — Йорикъ.

На здѣшнемъ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Mont - Venon ,

нашелъ я нынѣ ввечеру множество людей. Какое смѣшеніе націй! Швейцары, Французы, Англичане, Нѣмцы, Испаліянцы, полпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной лавкѣ, и дождался захожденія солнца, копорое, спускаясь къ озеру, освѣщало на споронѣ Савоидичь, пустошу, бѣдность, а на берегу Лозанскомѣ плодоносные сады, изобиліе и богатство; мнѣ казалось, что въ вѣперкѣ, несущемся съ прошивоположнаго берега, слышу я вздохи бѣдныхъ поселянѣ Савойскихѣ.

Женева, Октября 2, 1789.

Вдругъ- при письма опѣ васѣ, милые! Есѣли бы вы видѣли, какъ я обрадовался! По крайней мѣрѣ вы живы и здоровы! Благодарю Судьбу! Есѣли щастіе ваше не- совершенно; есѣли — — — —

(*) Друзья мои! болѣе ничего не скажу; но я хотѣлъ бы опдѣлать вамъ всѣ свои пріятныя минушны, чшобы сдѣлать жизнь вашу цѣпю минушнѣ, часовѣ и дней пріятныхѣ. Когда нибудь—мы будемъ щасливы! вѣрно, вѣрно будемъ!

Отъ Лозаны до Женевы ѣхалъ я по берегу озера, между виноградныхѣ садовѣ и полей, копорыя впрочемъ не такъ хорошо обрабшпаны, какъ вѣ Нѣмецкой Швейцаріи, и поселяне вѣ Pays-de-Vaud гораздо бѣднѣе, нежели вѣ Бернскомѣ и Цирихскомѣ Кантонахѣ. — Извѣ городковѣ, лежащихѣ на берегу озера, лучше всѣхѣ полюбился мнѣ Моржѣ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я вѣ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекра-

(*) Здѣсь выпущено нѣсколько спрокѣ, писанныхѣ не для Публики.

сны, городъ хорошѣ. По рекомендапельнымъ письмамъ опворенѣ мнѣ входѣ въ первые дома. Образѣ жизни Женевцовѣ свободенѣ и пріяшенѣ—чего же лучше? Вѣдь мнѣ надобно пожипѣ на одномъ мѣстѣ! Душа моя утомилаcь опѣ множества любопышныхъ и безпреспанно новыхъ предметовѣ, которые привлекали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно опдохновение—нуженѣ тонкой, сладоспной, нишательной сонѣ на персяхѣ любезной Природы.

Тракширная жизнь моя кончилась. За девять рублей въ мѣсяцѣ я нанялѣ себѣ большую, свѣплую, изрядно прибранную комнапу въ домѣ; завелѣ свой чай и кофе; а обѣдаю въ Пансіонѣ, плапя за шо рубли чепыре въ недѣлю. Вы не можете вообразипѣ себѣ, какѣ пріяшенѣ мнѣ пеперь новой образѣ жизни и маленькое заведенное мною хозяй-

спво ! Вспавши рано поуштру , и надѣвъ свой походной серпукъ , выхожу изъ города , гуляю по берегу гладкаго озера , или шумящей Роны , между садовъ и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ , въ которыхъ богатые Женевскіе граждане проводятъ лѣпо ; по помѣ отдыхаю и пью чай въ какомъ нибудь практирѣ , или во Франціи , или въ Швейцаріи , или въ Савоіи (вы знаете , что Женева лежитъ на границѣ сихъ земель) — по помѣ еще гуляю , возвращаюсь домой , пью съ густыми сливками кофе , которой варитъ мнѣ хозяйка моя , Мадамъ Лажье — читаю книгу или пишу , — въ двѣнадцать часовъ одѣваюсь , въ часъ обѣдаю ; послѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ , гдѣ всегда множество людей , и гдѣ рассказываются вѣспи ; гдѣ разсуждаютъ о Французскихъ дѣлахъ , о декретахъ Національнаго Собранія , о Неккерѣ , о Графѣ

Мирабо, и проч. Въ шесть часовъ иду или въ театрѣ, или въ собраніе — и такимъ образомъ кончится вечеръ.

Въ разсужденіи здѣшнихъ обществъ скажу вамъ, что Женевцы обыкновенно зовутъ гостей на вечеръ *пить чай*. Въ шесть часовъ сходясь, пьютъ кофе, чай, и ѣдятъ бисквиты; по томъ садятся играть въ карты, по большой части въ Вискъ, и проигрываютъ или выигрываютъ рубли два, три; въ десятомъ часу всѣ расходясь, кромѣ трехъ или четырехъ короткихъ хозяину пріятелей, которые остаются у него ужинать. На сихъ *вечеринкахъ* собирается человекъ по шестидесяти; тутъ видны вышннихъ Французовъ, оставившихъ свое отечество — Нѣмецкихъ Принцовъ, Англичанъ, и всего менѣе Женевцовъ. Обѣдать или ужинать зовутъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ Начальниковъ или Син-

дииковъ здѣшней Республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородной домъ свой. Столъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомился я съ Гишпанцомъ, копорой десять лѣтъ жилъ въ Пепербургѣ, опправляя должность Совѣтника при Гишпанскомъ Посольствѣ, и копорой, по нѣкопорымъ обспоятельствамъ, долженъ былъ оспавить свое опечество; зиму проводитъ онъ въ Ліонѣ, а лѣто въ Швейцаріи. — Баронъ де-Лю, Лафажеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми Принцами, копорые учася здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшей гораздо живѣе и оспроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Готскаго прона. Вы слышались о Баронѣ Г*: я улыбнулся, вспомнивъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, копорой можетъ безъ

всякаго суда — опѣ чего Боже сохрани! — снятъ съ него шляпу... и голову. — Вчера позвалъ меня ужинашь Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще неготовъ былъ принимать гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяйка, и пошомъ начали собираться гости. Между прочими былъ шупъ одинъ глухой Баронъ, надъ которымъ Женевскія дамы весьма забавлялись. Онъ загадывали ему загадки; Баронъ брался всѣ отгадывать, но къ несчастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ: *для сего Генрихъ IV, врагъ всякой пышности, имѣлъ золотыя шпоры?* Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ опвѣчалъ, но все не въ попадъ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: *plus riche son cheval* (чтобы колоть свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ Баронъ: *c'est tout clair!* ни-

III.

это не можетъ быть ясныѣ!—Еще: *это находится au milieu de Paris* (въ серединѣ Парижа)? Баронъ, копорой недавно прѣхалъ изъ Парижа, опвѣчалъ: *городъ — люди — камни — грязь.* Надъ каждымъ опвѣпомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что *au milieu de Paris* находишся г. *Я только лишь хотѣлъ это сказать!* закричалъ Баронъ, и всѣ захохотали. Хозяйка, копорая почищается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской Республики, спрашивала меня о Московскихъ дамахъ. Вопросъ: *хороши ли онѣ?* Опвѣтъ: *прекрасны.* Вопросъ: *умны ли онѣ?* Опвѣтъ: *безпримѣрно.* Вопросъ: *сочиняютъ ли онѣ стихи?* Опвѣтъ: *безподобныя.* Вопросъ: *какого роду?* Опвѣтъ: *молитвы.* — *Vous badinez, Monsieur! Вы шутите!* — „Извините, сударыня; я говорю почную правду.“ — *Да развѣ онѣ очень много грѣшатъ?* — „Нѣтъ,

сударыня ; онѣ моляшся о помѣ ,
чшобы не грѣшить. — *А! это дру-*
гое дѣло! — Госпожа Конклеръ по-
дала мнѣ руку, и мы пошли ужи-
нашь. —

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чув-
спвовалъ я въ душѣ своей вели-
кую шягосшь и скуку ; каждая
мысль, копорая приходила ко мнѣ
въ голову, давила мозгѣ мой ; мнѣ
не ловко было ни спояшь, ни хо-
диль. Я пошелъ въ Баспюнѣ, здѣ-
шнее гильбище — легъ на углу
вала, и далъ глазамъ своимъ волю
перебѣгать отъ предмета къ
предмету. Мало помалу голова
моя облегчалась вмѣстѣ съ мо-
имъ сердцемъ. Вечеръ былъ са-
мой теплой и пріятной. На обѣ-
ихъ споронахъ предспавлялись
мнѣ горы, окруженныя облаками,
копорыя носились выше и ниже
ихъ вершинъ : видъ величеспен-
ной и грозной! Прямо передо мною

проспиралась большая равнина, усѣянная рошицами, деревеньками и уединенными домиками. Все было тихо. Опѣ времени до времени — по большой дорогѣ, идущей вдоль равнины — мчались въ коляскахъ молодые Англичане, копорые, боясь слѣдствія скоплавшихся облаковъ, погоняли кургузыхъ коней своихъ, чптобы скорѣе возврапиться въ городѣ. Вѣперокѣ какѣ пшичка прилетѣлъ опѣ Юры и шеппалѣ мнѣ на ухо — не знаю, чпто. Тупѣ вдругѣ ударили въ барабанѣ. Боясь, чптобы меня не заперли въ бастіонѣ, я вскочилѣ и вышелѣ опшпуда; но не желая разспаться сѣ вечеромѣ, пошелѣ на *Тремль*, другое гульбище подѣ Рапуши, и сѣлъ на лавкѣ подѣ орѣховыми деревьями, гдѣ представились мнѣ тѣ же виды, копорыми веселился я въ бастіонѣ. Темнопа сгущалась; вѣперѣ усиливался, и шумѣлъ ужасно между

деревами; облака неслись быстро, напекли на городъ, и пошелъ дождь. Обращивъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, копорые въ темношъ представляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу шамъ замки благодѣшельныхъ Фей—и всѣ сказки, копорыя воспалили младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня въ ребячешвъ маленькимъ Донъ - Кишопомъ, оживились въ моей памяти. Между прочими погдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачной и бурной, въ копорой, ощутивъ вдохновеніе божешвенныхъ Фей, укрался я опъ своего, впрочемъ весьма бдишельнаго дядьки, забрался въ шу горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрышыя почпенною ржавчиною—схвапилъ саблю, копорая пришла въ мнѣ по рукъ, и зашкнувъ ее за кушакъ шулуца своего, опправился на гу-

мно (*) искапъ приключеній, и пропививься силъ злыхъ волшебниковъ; но чувспвуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе спраха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху, и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣпа младенческаго кпо помышляешъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ старѣе мы станемъ, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажешься.

Кпо, будучи въ Женевской Республікѣ, не почтешъ за пріятную должностъ бытъ въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка?

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольперовъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоп-

(*) Я жилъ тогда въ деревнѣ.

ромъ разстояніи отъ деревни Ферней, откуда идешь къ нему прекрасная алея. Передъ домомъ, на лѣвой споронѣ, увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу.*

„Вольтеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей Божества (говорилъ де-ла-Гарпѣ въ похвальномъ Словѣ Фернейскому мудрецу). Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer (если бы не существовалъ Богъ, то надлежало бы его выдумать) — сей прекрасной стихъ написанъ имъ въ староспѣ, и показывается его „Философію.“

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ-было веспити насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, копорому извѣстная наслѣдница Вольперова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускашь пуда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минушу

отворилась намъ дверь во священице, по естѣ въ нѣ комнапы, гдѣ жилъ Вольперъ, и гдѣ все оспалось пакъ, какъ при немъ было. Комнапные приборы хороши и довольно богаты. Въ поѣ горницѣ, гдѣ спойтѣ Вольперова кровать, было погребено его сердце, копорое Гжа Денисѣ увезла съ собою въ Парижѣ. Оспался одинѣ черной монументѣ, на копоромѣ написано въ серединѣ: *son esprit est partout, & son coeur est ici* (*духъ его всездѣ, сердце его здѣсь*), а въ верху: *mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous* (*тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васѣ*). На спѣнахѣ висятѣ портреты: первый нашей Императрицы, шипый на шелковой маперии, съ подписью: *présenté à Mr. Voltaire par l'Auteur*, — и на сей портретѣ смотрѣлъ я съ бѣльшимъ примѣчаніемъ и съ бѣльшимъ удовольствіемъ

емъ, нежели на другіе); — впрочемъ покойнаго Прускаго Короля; прешій Ле-Кеня, слазнаго Парижскаго Актера; четвертой самого Вольпера, и (пятой) Маркизы де Шапле, которая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портреты Невтона, Буало, Мармоншеля, д'Аланберга, Франклина, Гельвеція, Климента XIV, Дидропа и Деліля. Прочіе эстампы и картины не важны. — Спальня Вольперова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, прогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ Авторовъ осьмагодесяти вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольперъ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ Вѣрахъ, которая сдѣлалась ха-

рактеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжѣвріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жерпвы въ нашей Европѣ (*). — Вольперъ писалъ для чипапелей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто лучше его не умѣлъ показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ, и никакая Философія не могла устоять противъ Вольперовой ироніи. Публика всегда была на его споронѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться! — Вообще въ сочиненіяхъ его не най-

(*) Но я не могу одобрить Вольпера, когда онъ отъ суевѣрія не оплачалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соопечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ.

демъ мы шѣхъ великихъ идей, которыя Геній Напуры, такъ ска-
зашъ, непосредственно вдыхаетъ
въ избранныхъ смертныхъ; но сіи
идеи и понятны бывають только
не многимъ людямъ, и потому са-
мому кругу дѣйствія ихъ весьма
ограниченъ. Всякой любитъся па-
реніемъ весенняго жаворонка; но
чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ
солнцу? Кто не чувствуетъ кра-
соты *Заиры*? но многіе ли удив-
ляются *Отеллу* (*)?

Положеніе Фернейскаго замка
такъ прекрасно, что я позавидо-
валъ Вольперу. Онъ могъ изъ оконъ
своихъ видѣть *бѣлую Савойскую*
гору, высочайшую въ Европѣ, и
прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ
съ зелеными равнинами, садами
и другими пріятными предмедами.
Фернейской садъ разведенъ имъ
самимъ, и показываетъ его вкусъ.

(*) Тогда я такъ думалъ!

Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большою, чистой прудъ служилъ зеркаломъ для высокихъ деревь, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольперово твердятъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтвями каштановаго дерева, прочиталъ я съ чувствомъ сіе мѣсто въ ла-Гарповомъ похвальномъ Словѣ:

„Подданные, лишенные отца и
„господина своего, и дѣти ихъ,
„наслѣдники его благодарній, ска-
„жутъ спраннику, копорой со-
„врашися съ пупи своего, чшобы
„видѣть Ферней: *Вотъ дома, имѣ*
„*построенные — убѣжище, которое*
„*далъ онъ полезнымъ искусствамъ*
„(*) — *поля, которыя обогатилъ*

(*) Известно, что Вольперъ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ худож-

„онъ плодами. Сіе многолюдное
 „и цвѣтущее селеніе родилось подъ
 „его смотрѣніемъ, родилось среди
 „пустыни. Вотъ рощи, дороги и
 „тропинки, гдѣ мы столь часто
 „его видали. Здѣсь горестное Ка-
 „ласово семейство окружило своего
 „покровителя; здѣсь сіи несчастные
 „обнимали колѣна его. Сіе дерево
 „посвящено благодарностію, и сѣ-
 „кира никогда не отдѣлитъ его
 „отъ корня. Онъ сидѣлъ подъ его
 „тѣнію, когда разоренные поселане
 „пришли требовать его помощи;
 „тутъ проливалъ онъ слезы сожа-
 „лѣнія, и скорбь бѣдныхъ превра-
 „тилъ въ радость. Въ семъ мѣстѣ
 „видѣли мы его въ послѣдній разъ
 „— — и внимающій спранникъ,
 „копорой при чпеніи Заиры, не
 „могъ удержавъ слезъ своихъ,
 „прольепъ можешъ быть еще при-

никовъ, которые принуждены были
 оставитъ Женеву.

„япнѣйшія въ память благопво-
ришеля.“

Мы обѣдали въ Фернейскомъ
пракширѣ съ двумя молодыми Ан-
гличанами, и пили очень хорошее
Французское вино, желая блажен-
ства душъ Вольперовой.

Отъ Женевы до Фернея не бо-
лѣе шести верстѣ, и я въ семь
часовъ вечера былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ граж-
данъ ввели меня въ свои такъ на-
зываемые *Серкли*, копорыхъ здѣсь
очень много, и въ копорыхъ Же-
невцы послѣ обѣда пьютъ кофе
и курятъ табакъ. Тутъ не быва-
етъ женщинъ; говорятъ же бо-
лѣе всего о Парижскихъ ново-
стяхъ. Здѣшніе богачи повѣрили
Франціи миліоны, и до сего вре-
мени получали съ нихъ большіе
проценты; но теперь боясь,
чтобы Французы не сказались
банкрутами, отъ чего могутъ ра-
зориться въ Женевѣ первые дома.

Но тебя, бѣдной сѣверъ, тебя не удоспоиваетъ Женевецъ своего вниманія! Трѣтъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Швеціею война. Визирь два раза разбилъ, Бѣлградъ взялъ — никто объ этомъ не говоритъ, никто не радуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучатъ рюмки и спаканы, когда Слава пропругивъ щасливый подвигъ сыновъ твоихъ; Рейнвейнъ и вино Токайское пѣнясь въ кубкахъ; раздаются поржесшвенныя пѣсни вдохновенныхъ Бардовъ. Германія! для чего я оставилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домикѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самой веселой; всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ спѣла иные, капались въ лодкѣ по

озеру, другіе играли *въ шары*, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои пубки. — Пробывъ шамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чшобы на семъ пупи ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись, наступилъ на змѣю, и увидѣлъ ее только тогда, какъ она начинала уже обвиваться вокругъ ноги моей, и подымала вверхъ голову, чшобы сквозь чулокъ ужалилъ меня. . . . Но не бойшесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влишь въ нее ядъ свой. *Злобная тварь!* думалъ я, смотря, какъ она ползла опѣ меня по желтому песку: *злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но если Матура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытїя твоего — пресмыкайся!*

Не помню, писалъ ли я къ вамъ,

чтобы вы адресовали письма свои
à la grande rue, No 17. На сей
разъ простите!

—————●—————

Женева, Ноября 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго че-
резъ Лафатера, не получалъ я
опѣ васъ ни одной спроки. Не
совѣспно ли вамъ шакъ долго мол-
чашь? Вы знаете, что я шолько
посредствомъ васъ сообщаюсь съ
любезнымъ моимъ отечествомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно
единообразна. Прогуливаюсь и чи-
таю Французскихъ Авторовъ, и
спарыхъ и новыхъ, чтобы имѣшь
полное поняшіе о Французской
Литтературѣ; бываю на Женев-
скихъ вечеринкахъ и въ Оперѣ.
Спрогой, любезной Руссо! соше-
спвенники швои не послушались
шебя, построили Театръ и лю-

III.

бятѣ его спраспно (*). Здѣсь и-
 граютѣ двѣ Дижонскія Труппы :
 одна лѣтомъ и осенью , а другая
 зимою и весною; первая оперы , а
 вторая комедіи и трагедіи. Двѣ
 или три актрисы , два или три
 актера , играютѣ и поютѣ очень
 изрядно. Недавно представляли
 Апису , большую оперу , которой
 музыку сочинялъ славной Пичини.
 Въ композиціи есть нѣчто вели-
 кое, возвышающее душу. Арія :
 Vivre ou mourir, которую поютѣ
 несчастные любовники , гонимые
 судьбою и ревностію жестокой
 Цибеллы, прекрасна, несравненна.
 Изъ маленькихъ Французскихъ *опе-
 ретокъ* полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ
 les petits Savoyards (маленькіе
 Савояры); есть прогашельныя мѣ-
 ста, и почти всѣ голоса очень
 хороши.

(*) Руссо съ великимъ жаромъ утвер-
 ждалъ, что Театръ вреденъ для
 нравовъ.

Въ Пансіонѣ вмѣстѣ со мною обѣдаетъ человекъ двѣнадцатъ. Датской Баронъ , Французской Маркизъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа , и Капитанъ Женевскаго полку, играютъ за споломъ первыя роли. Баронъ путешествовалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, говоритъ хорошо по-Нѣмецки, и увѣряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ лучше ихъ знаетъ Французской языкъ , хотя не всѣ ему въ помѣ върятъ. По крайней мѣрѣ онъ бранился по - Французски не хуже площадныхъ Парижскихъ рыцарей. Г. Баронъ не терпитъ никакихъ проповорѣчій , и гошовъ драпъся всякую минушу ; съ презрѣніемъ говоритъ о Женевцахъ , и весьма строго судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ акперовъ. — Маркизъ сказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Женеву отдыхать , и никакъ не хочетъ заводитъ знакомствъ, находя въ уединеніи несказанное удовольствіе.

Даетъ чувствоватъ, что онъ Ав-
 поръ ; хвалишь Ж. Жака , и *увѣ-
 ряетъ*, что онъ писалъ элекпри-
 ческимъ перомъ ; а Корнель , по
 его мнѣнію, есть величайшій изъ
 мужей, когда-либо произведенныхъ
 Нашурою. Вольперъ , говоришь
 онъ, былъ человекъ умной, но раз-
 суждалъ очень худо. Однакожь Г.
 Маркизь собирается ѣхать въ
 Ферней, думая, что въ Вольперо-
 вомъ кабинетѣ крылатое вдохно-
 веніе спустится на его голову.
 — Женевской бравой Капитанъ,
 служившій нѣсколько лѣтъ Коро-
 лю Прусскому , говоришь весьма
 охотно , и по временамъ осмѣли-
 вается прошиворѣчить Барону ;
 но всегда принужденъ бываетъ
ретироваться , когда загремятъ
 грома изъ устъ Баронскихъ. Всѣ
 піесы, играемыя на здѣшнемъ Те-
 атрѣ, хвалишь онъ одинакимъ об-
 разомъ. *Эдинъ* , по его словамъ,
est rempli de sentiment (испол-

ненѣ чувствва); и опера *Кузнецъ* est rempli de sentiment (исполнена чувствва). Проспосердечіе и невѣжество его часто заставляють насъ смѣяться. — Между прочими естѣ еще одинѣ примѣчанія достойной человекѣ, родомѣ Женевецѣ, копорой обѣздилѣ всѣ чепыре часпи свѣта, присвоилѣ себѣ право лгать немилосердо, и хотѣлѣ увѣрить меня, что многіе изѣ жипелей Папагоніи бывають роспомѣ вѣ чепыре аршина.

Докторѣ Беккерѣ пріѣхалѣ вѣ Женеву. Мы встрѣпились на улицѣ и бросились обнимать другѣ друга, какѣ спаринные друзья обнимающа послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣстѣ гуляемѣ и пьемѣ чай передѣ каминомѣ; онѣ нанялѣ себѣ комнапу вѣ той же улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графѣ Молпке и Поэтѣ Багзенѣ, остались вѣ Бернѣ. Послѣд-

ній скоро женился, и самымъ романтическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ побѣхалъ съ ними въ Луцернъ. Опшуда пробрались они черезъ горы въ Унперзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, чшобы плышь въ городъ Тунъ. Въ самую шу минушу, какъ лодошникъ хотѣлъ уже опшвалишь отъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мущиною, — дѣвушка лѣтъ въ двацашъ, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ плашь, съ шпросью въ рукахъ, — приближилась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ пшичка, и съ улыбкою сказала нашимъ пушешешвенникамъ (копорые, какъ *рыцари негальнаго образа*, сидѣли повѣся головы): *Bonjour, Messieurs!* Они изумились отъ сего нечаяннаго явленія, приспально посмошрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и насилу вспом-

нили, что имъ надлежало отвѣ-
чать на привѣтствіе миловидной
незнакомки. Докторъ Беккеръ у-
вѣряетъ меня — а онъ человекъ
правдивой — Беккеръ увѣряетъ,
что они отвѣчали ей весьма хо-
рошо, хотя Графъ на испоромъ
словъ заикнулся, а Багзенъ и онъ
Докторъ ничего не сказали. Уже
волны Тунскаго озера помчали
лодку ихъ на влажныхъ хребтахъ
своихъ — или, просто сказать,
они плыли, и начинали мало по
малу разговаривать. Дѣвушка ска-
зала Дашчанамъ, что она съ дядею
своимъ посѣщала въ Унперзеенъ
больную, добрую свою кормилицу,
и возвращается въ Бернъ. Какъ
же вы оставили ее? спросили чув-
ствительные путешественники
съ видомъ заботливости. „Слава
Богу! ей спало гораздо легче“ —
отвѣчала незнакомка. По томъ
она захошла знать отчество и
фамилію своихъ соупниковъ ;

узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Датскаго Министра, начала говорить о семъ почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Европейскія происшествія. Въ Туиѣ приспали къ берегу. Графъ подавъ ей руку, и вмѣстѣ съ поварищами своими проводилъ ее до пракшира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Туиѣ свѣдали они отъ пракширщика, что прелестная соупница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Багзенъ вспрыгнулъ отъ радости, и побѣжалъ къ ней снова рекомендовавшись, и увѣрялъ ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ швореніямъ покойнаго ея дѣдушки. „Ахъ! если бы вы знали его лично!“ сказала она съ чувствомъ: „въ самой старости плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу

удержаться отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы, — послѣ важныхъ, для человѣчества полезныхъ трудовъ — безопасно и весело игривалъ съ нами, малыми дѣтьми; бралъ меня на колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею.“ — — Тупъ милая Софія бѣлымъ платкомъ обперла слезы свои. Багзенъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку. — Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвцею Галлеръ, и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунъ. „Не уже ли (мы навсегда проспимся?“ сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзенъ также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ нѣжности. Докторъ Бек-

керъ пропянулъ голову впередъ, въ ожиданіи опвѣща ея. Она улыбнулась, и подала Графу карпочку: *вотъ адресъ нашей фамиліи, которая постетъ за великое удовольствіе угостить любезныхъ путешественниковъ.* Дашчане изъявили ей благодарноспь свою, и пошли въ опведенную имъ комнапу. — На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должностъ явисья съ почпеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома; однакожь дядя и шепка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ домой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія? скоро ли увидимъ мы пріятную нашу сопутницу?* вопъ вопросы, на копорые эпопъ дядя и эша шепка принуждены были опвѣчать всякую минупу. Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ, возвратилась дѣвица Софія; Дашчане увидѣли свою пріятную сопутни-

цу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ея входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показалась имъ еще прелеснѣе, еще милѣе. Графъ, Багзенъ, Беккеръ, хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали ей вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, прешьему движеніемъ руки — и всѣ были довольны. Вечеру предложили гулянье; собрались пріятели и пріятельницы — но Дашчане никого не видали, никого не слышали, кромѣ Софіи. Разспались съ тѣмъ, чшобы на другой день опять видѣться. Другой, прешій и четвершый день были проведены почти такъ же. Въ сіе время Беккеръ примѣшилъ, чшо онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ прѣбванія на опличную благосклонность ея. Графъ примѣшилъ мо-

жепѣ бытъ по же, сдѣлался пасмуренѣ, скоро совсѣмѣ переспалъ ходипѣ къ Софіи, и началъ искапѣ разсвѣнія въ Бернскихѣ общеспвахѣ. Чпо принадлежипѣ до Багзена, по едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такѣ спраспно любипѣ своего Фаона, какѣ онѣ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомѣ преножникѣ, не препепала такѣ сильно въ свяпыхѣ воспоргахѣ своихѣ, какѣ препепалъ нашѣ молодой Поэпѣ, прикасаясь успами къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувспвомѣ, когда онѣ говорилъ съ нею, и чувспва его были — пламя. Онѣ не осмѣливался сказапѣ ей: *я люблю тебя!* но нѣжная Софія понимала его, и не могла бытъ равнодушна къ такому любовнику. Она спала не такѣ жива и весела, какѣ прежде — иногда задумывалась, и глаза ея блиспали какѣ

молніи. Часто по вечерамъ гуляли они двое въ аллеяхъ Бернской пер-расы; густыя пѣвни кашпановыхъ деревъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самаго того времени, какъ плапониической любовникъ, въ одинъ изъ сихъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софією и схвативъ ея руку, сказалъ: *она моя! твоє сердце образовано для моего сердца! мы будемъ счастливы!* . . . „Она пвоя“ — отвѣчала Софія, посмопрѣвъ на него съ нѣжностію; „она пвоя! и я надѣюсь бытъ съ побою щаслива!“ — Пусть другой, а не я, опишетъ сію минушу! — Въ пошъ же самой вечеръ всѣ родспвенники дѣвицы Галлеръ обняли Багзена какъ ея жениха и своего друга, и черезъ нѣсколько недѣль положили бытъ свадьбѣ. — Теперь Поэтъ нашъ наслаждается прекрасною зарею того щасія, ко-

порое ожидаетъ его въ объятіяхъ милой супруги, и въ воспоргѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софію. — Между тѣмъ Графъ Молпке совершенно успокоился и радуется щастію своего друга. Беккеръ также радуется — и рассказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ. Вершина Юры покрылась снѣгомъ; деревья желтѣютъ, и трава сохнетъ. Брожу sur la Treille, съ уныніемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шумитъ вѣтеръ — и горестъ мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствіемъ. Ахъ! никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что печеніе Напурры есть образъ нашего жизненнаго печенія!... Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро прохо-

дитѣ лѣшо — и въ сію минушу
сердце мое чувствуетъ холодъ
осенній. Простите, друзья мои!

Гора Юра, 8 Ноября 1789.

Тавернье, копорой обѣздилъ
большую часть свѣта, — Тавернье
говорилъ, что онъ, кромѣ одного
мѣста въ Арменіи, нигдѣ не на-
ходилъ шакого прекраснаго вида,
какъ въ Обонѣ. Сей городокъ ле-
житъ на скапѣ высокой Юры,
не далеко отъ Моржа, версахъ
въ шридцапи отъ Женевы: и пакъ,
взявъ въ руки Діогенской посохъ,
отправился я въ путь, чтобы соб-
ственными глазами видѣть шу кар-
тину, копорую восхищался славной
Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои,
сизу я на голубой Юрѣ, повыше
городка Обоня — смотрю, и взоръ
мой перяется въ безчисленныхъ

красопахъ видимой мною спраны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣпное озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ — по сую спорону множесиво городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, копорыя одна другую пересѣкающъ, расходяпся и опяпъ соединяются, и на копорыхъ движущся люди какъ дѣяпельные муравьи — а по шу спорону, на Савайскомъ берегу, спрашныя скалы, нѣсколькo хижинъ, и наконецъ гордая *бѣлая гора* въ снѣжной своей манпѣи, въ алоцвѣпной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокыхъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ. . . . Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаепъ Европу: *то выше меня?* и Европа отвѣпствуетъ ей почпительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! Я долженъ оставить сію землю. . . .

Для чего же, когда она столь прекрасна? Поспирюю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя пропечетъ какъ восхитительной сонъ!... Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный *рельефъ* Напурь! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли себя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но если огнедышащие Вулканы не превратятъ въ пепелъ красота твоихъ — если земля не разсупится подъ тобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна! —

Солнце закапилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ синяя швердь — еще сияютъ при холма *бѣлой*

горы. Шумитъ вѣтеръ — облака показываются на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

Обонъ, 11 часовъ вечера.

Тавернье, возвращаясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хотѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но спрость къ путешествіямъ снова пробудилась въ душѣ его — будучи осмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, побѣжалъ онъ на край сѣвера, и скончалъ многотрудную жизнь свою въ столицѣ нашего Государства, въ 1689 году. Возвращаясь въ Москву, я поспраююсь найсти гробъ сего примѣчанаго достойнаго человека, который обѣздилъ всю Европу и Азію, шесть разъ былъ въ Туре-

ціи, Персіи, Индіи, и все еще не насыпился пупешеспвіями. — Опець его порговалъ географиче-скими картами; сынъ любилъ ихъ разсмаприваць, и часпо говорилъ опцу: *Ахъ, батюшка! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли, которыя изображены здѣсь на бумагѣ!* Вопъ начало его спраспи!—

Какое различіе въ судьбѣ чело-вѣческой! Одинъ родилсѣ и умираетъ въ опцевской своей хижинѣ, не зная, что дѣлаетсѣ за полями его; другой хочетъ все зная, все видѣть — и необозримые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ челоуѣческой натурѣ естъ двѣ пропивныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ *старымъ*; одну называютъ *непостоянствомъ*, *любовью къ новостямъ*, а другую при-

выткою. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ переменъ; однакожь, распаваясь съ пѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горестъ и сожалѣніе. Щасливъ попъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! Но въ комъ одна другую перевѣситъ, попъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мѣлкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпреспанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша всегда *то же да то же*, грубѣетъ въ чувствахъ, и наконецъ засыпаетъ душою. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія. — Читайте Тавернье, Павла Люкаса, Шарденя и прочихъ славныхъ

путешественниковъ, которые по-
 чпи всю жизнь свою провели въ
 спранспвіяхъ: найдете ли въ нихъ
 нѣжное, чувствительное сердце?
 Тронутъ ли они душу вашу? —
 Ахъ, друзья мои! человекъ, копо-
 рой десять, двадцать лѣтъ мо-
 жетъ побыть въ *тужихъ* земляхъ,
 между *тужили* людьми, не по-
 ская о шѣхъ, съ которыми онъ
 родился подъ однимъ небомъ, пи-
 пался однимъ воздухомъ, учился
 произносить первые звуки, игралъ
 въ младенчествѣ на одномъ полѣ,
 вмѣстѣ плакалъ и улыбался — сей
 человекъ никогда не будетъ мнѣ
 другомъ! —

Проспите! Перо выпадаетъ изъ
 рукъ моихъ, и мягкая поспеля ма-
 нитъ меня въ свои объятія.

Женева, 26 Ноября 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приниматься, но даже и спать мѣшала. Опершись на сполъ, просиживалъ я дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза. Добродушная хозяйка моя, Мадамъ Лажье, приводила ко мнѣ Доктора; но лекарства его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Наступа сжалилась надъ бѣднымъ страдальцомъ, и сняла съ головы моей свинцовую стягосъ. Вчера я въ первой разъ вдохнулъ свободно, и въ первой разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась со мною — я плакалъ какъ младенецъ, и узналъ,

что болѣзнь не ожесточила моего сердца — оно не разучилось наслаждаться, — чувствуюещѣ такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетѣ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минушу исчезло раздѣляющее насъ пространство — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Напурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу бытъ злопамятенъ пропивъ маперіи моей Природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она услаждаетѣ чашу дней моихъ!

Женева, Декабря 1, 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать чепыре года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера, и устремивъ глаза на

голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайше мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ! — Довѣренность къ Провидѣнію — довѣренность къ той невидимой Рукѣ, которая движетъ и міры и атомы; которая бережетъ и червя и человѣка — должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

Эпопѣй день хотѣлъ бы я провести съ вами; но какъ быть! — Спану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните нынѣ своего друга.

Вместѣ съ Беккеромъ намѣренъ я обѣдать у Барона де Лю, а ужинаетъ въ пракпирѣ *золотыхъ вѣсовъ*, гдѣ у насъ будетъ веселой концертъ.

Женева.

Вы можете быть удивляешесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, которой живетъ верспахъ въ чепырежъ опѣ Женевы, въ деревнѣ Жаншу. Миѣ сказали, что онѣ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ; по чему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Напуралиста. Но преряго дня Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посещение мое не будетъ ему въ тягость. Мы приѣхали къ нему поупру, но не зашли его дома: онѣ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ Руской путешественникъ желаетъ бытъ у него — и на другой день Боннетѣ прислалъ звать меня. Въ назначенное время послушался я у

III.

дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ Философа, увидѣлъ Боннепа, и удивился. Я думалъ найти слабаго спарца, угнетеннаго бременемъ лѣтъ — обвѣшпалую скинiю, копорой временный обипапель, небесный гражданинъ, упомленный безпокойствомъ тѣлесной жизни, ежедневно собирается лѣтъиь обратно въ свою опчизну — однимъ словомъ, развалины великаго Боннепа. Чпо же нашелъ? хопя спарца, но весьма бодраго — спарца, въ глазахъ копорого блиспаешъ огонь жизни — спарца, копорого голось еще швердъ и прiяпенъ — однимъ словомъ, Боннепа, опъ копорого можно ожидать впорой *Палингенези* (*). Онъ вспрѣшилъ меня почти у самыхъ дверей, и съ ласковымъ взоромъ подалъ мнѣ руку свою. „Вы видите передъ собою шакого

(*) Титулъ одного изъ его сочиненiй.

человѣка, сказалъ я, копорой съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и копорой любилъ и почиталъ васъ сердечно. *“ Я всегда радуюсь, отвѣчалъ онъ, когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ.*

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннетъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе,* сказалъ онъ, приспавляя къ уху длинную мѣдную трубку, чшобы лучше слышать: *чувства мои тупѣютъ.* Я не могу опъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, копорой продолжался около прехъ часовъ. Довольспвуйтесь нѣкопорыми опрывками.

Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ

ровнымъ себѣ ; и всякой комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его споль хороша, споль чиспа и неподозрительна, что онѣ всѣ учпивыя слова почипаешъ за языкъ сердца, и не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая розница между Нѣмецкимъ ученымъ и Боннепомъ! Первой съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу какъ должную дань, и мало думаетъ о помѣ человекѣ, копорой хвалитъ его; но Боннепъ за всякую учпивость спарается плашитъ учпивостію. Правда, что бой между нами не могъ бытъ ровенъ : я говорилъ съ Философомъ, всему свѣту извѣстнымъ, и всѣми превозносимымъ ; а онѣ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человекомъ.

Боннепъ позволилъ мнѣ переводить его сочиненія на Руской языкъ. „Съ чего же вы думаете

начашь?“ спросилъ онъ. Съ *Разсма-
триванія Матуры* (Contem-
plation de la Nature) опивчалъ я,
которое по справедливости мо-
жетъ быть названо магазиномъ ин-
тереснѣйшихъ знаній для человѣ-
ка. — „Никогда не приходило мнѣ
на мысль, сказалъ онъ, чѣмъ это
сочиненіе было пакъ благосклонно
принято публикою и переведено
на столько языковъ. Вы знаете
(изъ предисловія къ Contemplation),
что я хотѣлъ бросить его въ ка-
минъ. Но переведя *Палингенезію*,
вы переведете лучшее и полезнѣй-
шее мое сочиненіе. Ахъ, государь
мой! въ нашемъ вѣкѣ много невѣ-
рующихъ!“ — Ему непріятно, что
на Англійской и Нѣмецкой языкъ
переведено *Разсма-триваніе Мату-
ры* безъ его вѣдома. *Когда Ав-
торъ еще живъ*, сказалъ онъ, *то
надлежало бы у него спроситься.*—
Спалланцаніеву переводу отдаетъ
онъ преимущество передъ всѣми

прочими; а Нѣмецкимъ Переводчи-
комъ, Профессоромъ Тиціусомъ,
весьма не доволенъ пошому, что
сей ученой Германецъ думалъ по-
правлять его, и собственныя свои
мнѣнія сообщалъ за мнѣнія Сочини-
тели. Я сказалъ Боннету,
что Тиціусъ, не смотря на свою
ученость, во многихъ мѣстахъ не
понималъ его. На примѣръ, начало
Разсмотрѣванія Матуры: je m'é-
leve à la Raison Eternelle, пере-
велъ онъ: ich erhebe mich zu der
ewigen Vernunft: грубая ошибка!
Вмѣсто Vernunft надлежало бы ска-
зать Ursache; подъ словомъ raison
разумѣлъ Авторъ *причину*, а не *ра-
зумъ*. Боннетъ пожалъ плечами,
услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любитъ Лафатера, хвалилъ
его сердце и таланты, но не со-
вѣщуетъ никому учиться у него
Философіи. — Лафатеръ, будучи
не давно въ гостяхъ у Боннета,
вдругъ схватилъ съ него парикъ

и сказалъ сыну своему, которой прѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри, Генрихъ! гдѣ ты увидишь такую голову, тамъ учись мудрости.*

Говоря о честолюбіи Авпорскомъ, Боннетъ сказалъ: „Пусть Сочинители ищутъ славы! Трудяся для собственной своей выгоды, они приносятъ пользу человѣчеству; ибо премудрый Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ.“

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ Рипоромъ, слогъ его музыкою, а Философію — воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ патриотомъ, Боннетъ не можетъ просить согражданину своему, что онъ въ *Lettres écrites de la Montagne* не пощадилъ Женевского правительства.

„Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Боннетъ, не найдете вы такого просвѣщеннаго города, какъ Женева; наши художники, ремесленники,

купцы, женщины и дѣвушки, имѣющіе свои библіотеки, и читающіе не только романы и стихи, но и философскія книги.“—И я могу сказать, что Женевскіе парикмахеры пвердятъ наизусть цѣлыя ширады изъ Вольпера, и что Женевскія Дамы въ домѣ у Господина К*, слушающіе съ великимъ вниманіемъ одного молодаго Графа, Маршенева друга, когда онъ извясняетъ имъ пайну пворенія.

Боннетъ вызвался словесно или письменно обяснять для меня шѣмспя въ своихъ сочиненіяхъ, которыя покажутся мнѣ шемными; но я избавлю его опъ сего шруда.

Почтенной спарецъ проводилъ меня до крыльца. — Знаете ли, какъ въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовутъ его? *Инсектомъ* — для шого, что онъ писалъ о насѣкомыхъ!

Женева, Января 23, 1790.

Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинающся несогласія. Спранные люди! живущѣ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хопящѣ чего-то. Нынѣ слышалъ я папешическую проповѣдь, на шекспѣ : *естъли забуду тебя, о Иерусалимѣ! то да забудетъ себя рука моя, и да прилипнетъ языкъ мой къ зортани моей, естъли ты не будешь главныѣ предметѣ моей радости* (*). Разумѣется, что Иерусалимѣ значилъ Женеву. Проповѣдникѣ говорилъ о любви къ опечеспву; доказывалъ, что Республика ихѣ щасплива со всѣхѣ споронѣ; что для соблюденія сего благополучія всѣмѣ гражданамѣ должно жить въ согласіи, и что на семѣ общемѣ согласіи основывается личная безопасность каждаго. Въ церкви было множеспво людей, а осо-

(*) По французскому переводу.

III.

27

бливо женщинъ, хопя Рипоръ обращался всегда къ братьямъ, а не къ сестрамъ. Всѣ вокругъ меня вздыхали, всѣ плакали — я самъ несказанно былъ пронутъ, видя слезы красавицъ, маперей и супруговъ.

~~~~~

Вопъ письмо къ Боннепу, писанное мною вчера пошпру:

Monsieur,

Je prends la liberté de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais françois, Vous importunera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moments de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui; Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le défigurer,

ni même affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style ; mais pour conserver toute la fraîcheur des beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue , quoique fort riche , n'est pas assez cultivée, & nous avons encore très peu de livres de philosophie & de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions , & même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commencé à écrire en leur langue ; mais sans être injuste envers cette dernière , dont je connois toute l'énergie & la richesse , je dirai que la notre a plus de souplesse & d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force nécessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair, & Vos expressions sont si précises , que pour présent je n'ai qu'à Vous remercier de la permission, que Vous avez bien voulu

me donner , de m'adresser à Vous , en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarassât. Si j'ai de la peine , ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très clair en françois , pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palingénésie*. J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou), qui s'estime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu & medité Vos ouvrages, & qui m'aidera dans mon agréable travail; & peut-être que dns l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire, il s'occupe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingénésie* , pour en faire un present à son ami, à son retour dans sa patrie.

En presentant au Public ma traduction, je dirai: *je l'ai vu lui-même* , & le lecteur m'enviera dans son coeur.

Daignez agréer mes remerciements de l'accueil favorable que Vous avez eu la

bonté de me faire, & le respect profond,
avec lequel je suis (*),

Monsieur,

Votre très-humble

& très-obeissant serviteur

N. N.

(*) „Я осмѣливаюсь писать къ вамъ,
„думая, что письмо мое обезпо-
„коитъ васъ менѣе, нежели посѣ-
„щеніе, которое могло бы на нѣ-
„сколько минушъ перервать ваши
„упражненія.

„Съ величайшимъ вниманіемъ чи-
„талъ я снова ваше *Разсмотрѣніе*
„*Натуры*, и могу сказать безъ шще-
„славія, что надѣюсь перевести его
„съ довольною точностію; надѣюсь,
„что не совсѣмъ ослаблю слога вашъ.
„Но для того, чтобы сохранить
„всю свѣжестъ красотъ, находящих-
„ся въ подлинникѣ, мнѣ надлежало
„бы имѣть Боннешовъ духъ. Сверхъ
„того языкъ нашъ хотя и богатъ,
„однакожь не такъ обработанъ, какъ
„другіе, и по сіе время еще весьма
„немногія философическія и физи-

Вашъ отвѣтъ:

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su, Monsieur, que vous êtes Russe de naissance, je ne m'en serois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre

„ческія книги переведены на Русской. Надобно будетъ составлять, или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая всю справедливость сему послѣднему, котораго богатство и сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо пріятнѣе. Переводъ мой можетъ быть полезенъ — и сія мысль послужитъ мнѣ ободреніемъ къ преодолѣнію всѣхъ трудностей.

„Вы пишете такъ ясно, и выраженія ваши такъ опредѣленны, что на сей разъ я долженъ только благодарить васъ за данное мнѣ позволеніе, требовавшее у васъ

langue comme un François qui l'a cultivée, & je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la *Palingénésie* que la *Contemplation*,

„изъясненія въ такомъ случаѣ,
 „если бы что нибудь показалось
 „для меня непонятнымъ въ *Разсма-*
 „*триваніи* *Натуры*. Можешь быть,
 „трудно будетъ мнѣ выражать ясно
 „на Рускомъ языкѣ то, что на
 „Французскомъ весьма понятно
 „для всякаго, кто хощя не много
 „знаетъ сей языкъ.

„Я намѣренъ переводить и вашу
 „*Палингенезію*. Одинъ пріятель мой,
 „живущій въ Москвѣ, такъ же какъ
 „и я любилъ читать ваши сочи-
 „ненія и будетъ моимъ сотрудни-
 „комъ; можешь быть въ самую сію
 „минуту, когда имѣю честь писать
 „къ вамъ, онъ переводилъ главу
 „изъ *Разсмотрѣнія* или *Палинге-*
 „*незіи*.

„Предлагая публикѣ переводъ мой,

& ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extrêmement sensible, celui d'être connu d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, & qui est très susceptible d'instruction.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander ; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit diner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, & nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuillez me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous

„скажу: я видѣлъ Его самого, и чиню, шапелю нозавидуешъ мнѣ въ сер. „дцѣ своемъ.

„Изъявляя благодарность мою за „благосклонной приемъ, которой вы „мнѣ сдѣлали, съ глубочайшимъ по- „чтениемъ имѣю честь быть“ — „и проч.

ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, & la satisfaction qu'il goûte à me lire & à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens pleins d'estime & de considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre très humble

& très obéissant serviteur,

Le Contemplateur d. l. Nature (*).

(*) Начало письма есть ничто иное, какъ одна Французская учтивость. — „Я радуюсь, нашедши такого переводчика: вы конечно хорошо переведете и *Палингенезію* и *Разсказаніе*. Авторъ будетъ вамъ весьма благодаренъ за то, что вы познакомите съ его сочиненіями такую націю, которую онъ уважаетъ.

„Не можно ли вамъ въ понедѣльникъ, по есть 25 числа сего мѣсяца, опобѣдашь со мною *ло-фи*—

Женева, 26 Января, 1790.

День вчера былъ очень хорошъ, и я отправился въ Жаншу пѣшкомъ; но скоро небо помрачилось, и сильной дождь принудилъ меня искать убѣжища. Я зашелъ въ крестьянской домикъ, гдѣ многочисленное семейство сидѣло за обѣдомъ. Хозяинъ, узнавъ причину нечаяннаго посѣщенія моего, при-

„*лософски* въ сельскомъ моемъ уединеніи? Если можно, то около двѣнадцати часовъ буду ожидать васъ, и мы поговоримъ о томъ прудѣ, кошорымъ вы намѣрены обзавѣть меня. Прошу объ отвѣтѣ.

„Мнѣ пріятно слышать, что у васъ есть пріятель, кошорой вмѣстѣ съ вами любитъ просвѣщеніе, и находишь удовольствіе въ чтеніи моихъ сочиненій.

„Увѣряя васъ въ моемъ почтеніи, имѣю честь бысть,

Государь мой,

Вашъ покорный слуга
Созерцатель Природы.

несъ мнѣ стулъ изъ другой горницы, и просилъ меня опѣвѣдаль карпофелей, сваренныхъ его женою. Я опѣвѣдалъ, похвалилъ, и положилъ вилку.— „Что же вы не ѣдите?“— Я иду обѣдать въ Жаншу, къ Г. Боннепу.— „Къ Господину Боннепу? И такъ вы съ нимъ знакомы?“— Знакомъ, хопя очень недавно. — „Какой доброй челоуѣкъ! Всѣ поселяне любящъ его сердечно, а бѣдные называютъ опцомъ и благодаренемъ.“— Развѣ онъ помогаешъ имъ?— „Конечно; никто еще не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицомъ.“— И такъ онъ много раздаешъ денегъ?— „Очень много; и сверхъ того говорилъ всегда такъ ласково, такъ умно, такъ хорошо, что у всякаго слезы на глазахъ наверпываются, и всякому хочешся схватить и поцѣловать руку его.“— *Правда, правда, батюшка!* сказалъ большой сынъ моего хозяина.

Правда, повпорила молодая жена его, взглянувъ на мужа и на меня. — — Дождь переспалъ, и я пошелъ, изъявивъ благодарность мою госпепрїимному и добросердечному поселянину. И такъ Женевской мудрецъ не только по сочиненїямъ, но и по дѣламъ своимъ есть другъ человѣчества!

Я нашелъ его въ саду; но онъ топчасъ повелъ меня въ домъ, примѣшивъ на кафпанѣ моемъ слѣды дождевыхъ капель,— посадилъ въ кабинетѣ своемъ передъ каминомъ, и велѣлъ мнѣ грѣть ноги, боясь, чшобы я не проспудился. Судите по сему объ искусствѣ его плѣнять людей! Но душа его родилась съ симъ искусствомъ— и еспли, по словамъ Виландовымъ, сочиненїя Боннеповы заспавляютъ чипашелей любить Авпора, по милое обхождение его еще увеличиваетъ эту любовь. — Ни съ кѣмъ не говорю я шакъ смѣло,

такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова и взоры его ободряють меня. Онъ все выслушиваетъ до конца, во все входитъ, на все отвѣчаетъ. Какой человекъ!

„Вы рѣшились переводить *Разсматриваніе Матуры*, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ Автора, и на шомъ сполъ, на копоромъ оно было сочиняемо. Воиъ книга, бумага, чернилица, перо.“ — Съ радостію исполнилъ я волю его; съ нѣкопорымъ благоговѣніемъ приблизился къ письменному сполу великаго Философа, сѣлъ на его кресла, взялъ перо его — и рука моя не дрожала, хопя онъ споялъ за мною. Я перевелъ пишущъ — первой параграфъ — и прочиталъ вслухъ. *Слышу и не понимаю*, сказалъ любезной Боннепъ съ усмѣшкою: *но соотечественники ваши будутъ конечно умнѣ меня.* — *Эта бумага*

останется здѣсь въ память нашего знакомства.

Онѣ хотѣлъ знать, во сколько времени могу перевести Contemplation, въ какой формѣ буду печатать эту книгу, и самъ ли спану читать корректуру? Мнѣ очень пріятно было, что великой Боннетъ входилъ въ такія подробности; но еще пріятнѣе было для меня то, что онѣ обѣщались мнѣ дать новыя, и самой Французской Публикѣ неизвѣстные примѣчанія къ *Разсужденію о Матурѣ*, которыя написаны у него на карточкахъ, и въ которыхъ сообщаетъ онѣ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя невѣрности, и проч. и проч. „Я человекъ (сказалъ онѣ), и попому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія. Стара-

ясь о возможномъ совершенствѣ моихъ сочиненій, поправляю всякую ошибку, копорую нахожу въ нихъ.“ — Онъ хочетъ, чпобы я прислалъ къ нему два экземпляра перевода моего: одинъ для его собственной, а другой для Женевской публичной библіотеки.

Почтенный спарецъ бережетъ слабые свои глаза, и почти ничего самъ не пишетъ, а все диктуетъ Секретарю своему.

На вопросъ, чью Философію преподають у насъ въ Московскомъ Университетѣ? отвѣчалъ я: Вольфову — отвѣчалъ наугадъ, не зная шого вѣрно. *Вольфъ есть хорошій Философъ, сказалъ Боннепъ: но только онъ слишкомъ любитъ демонстрацію; я предпочелъ его методъ аналитическую, которая гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.*

Въ часъ мы сошли въ залу нижняго этажа, гдѣ гоповъ былъ обѣдъ, и гдѣ ждала насъ Госпожа Бон-

непѣ , которая лѣтами моложе своего мужа, но здоровьемъ гораздо его слабѣе. Она также обладала меня; и между пѣмъ, какъ Боннепѣ ѣла супъ, хвалила мнѣ *тихоушко* доброшу его сердца. „О, его разумѣ, о его знаніяхъ пусть судитъ Публика; но я знаю то, что любовь его, добронравіе и нѣжныя попеченія составляютъ мое щастіе. Мнѣ кажется, что безъ него я давно бы лишилась жизни, будучи такъ слаба и нездорова; видя же его подлѣ себя, перпѣливо переносу всѣ припадкі, всякую болѣзнь, и вмѣспорощанія извѣваю Небу благодарносць мою за такого супруга.“ — О чемъ вы говорите? спросилъ Боннепѣ, перемѣнивъ шарелку. *О хорошей погодѣ*, отвѣчала Госпожа Боннепѣ, и уперла плашкоу глаза свои.

Я сидѣлъ между ими, какъ между Филемономъ и Бавкидою. Обѣдѣ

былъ очень хорошъ, и пакъ изобилень, какъ Природа, описанная хозяиномъ. — Когда мы пили кофе, пришелъ попъ Дапчанинъ, живописецъ, о которомъ говоришь Боннепъ въ Contemplation, и которой живетъ у него въ домъ. Онъ началъ рассказывать о болѣзни Гжи. Соссюръ, племянницы Боннеповой, и говоря по-Французски не очень хорошо, на прѣпьемъ словѣ оспановился, и нѣскольکو времени не могъ сыскапъ выраженія. Почпенной старецъ сидѣлъ, приспавя къ уху мѣдную трубку, и съ величайшимъ перпбнѣмъ дожидался, пока живописецъ могъ извяснипсья. Эта черпа для меня характерна, и показываетъ кропоспъ Боннеповой души, копорая никого и ничѣмъ оскорбишь не хочепъ.

Онъ вздумалъ проводить меня до Женевы, призвалъ кучера и велѣлъ ему закладывать карешу.

III.

Еспьли бы вы видѣли, какими глазами смопрѣлъ на него эпопѣ кучерѣ! и какимъ голосомъ опвѣчалъ ему: *слышу, доброй, любезной господинѣ мой, слышу!* Всѣ домашніе любящѣ его какъ опца.

Жалѣщѣ ли о томъ, что онѣ не имѣщѣ дѣшей, копорыя могли бы развеселищѣ мрачную осень дней его? Но мудрецѣ, дружелюбно бесѣдующій съ Геніемъ Напуры — мудрецѣ, почипающій весь родѣ человеческой однимъ семейспвомъ, и шрудами своими споспѣшеспвующій его просвѣщенію и благополучію — можешѣ быщѣ щаспливѣ и безѣ сего удовольспвія.

Гжа. Боннешѣ любипѣ и держипѣ у себя ппищѣ всякаго рода: попугаевѣ, чижей, горлицѣ, и проч., „Не удивляюсь вашему вкусу, сказалъ я: кто не любипѣ шого, что описано вашимъ супругомъ?“ Боннешѣ вслушался, и пожалѣ руку мою. — „Однакожь, знаете ли, ска-

залъ онъ, что я часто ссорюсь съ моею женою за книги? Вчера, на примѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Папи (*): слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ фигурнымъ и принужденнымъ; она находилъ въ нихъ сердечное краснорѣчье, а я — однѣ анпипезы“ — Гжа. Боннепъ смѣялась, и говорила, что Сочинитель *аналитическаго опыта*, (**), не всегда чувствуетъ красоты пиимическія. — Они довели меня въ своей каретѣ до самыхъ городскихъ воротъ. —

По сіе время здѣсь нѣтъ зимы, и дни бывающъ такъ ясны и теплы, какъ у насъ въ исходѣ Августа или въ началѣ Сентября, хотя во всей Женевѣ безпрестанно пылаетъ огонь въ каминахъ. Только одинъ разъ шелъ снѣгъ, и че-

(*) Lettres sur l'Italie.

(**) Essai analytique sur l'ame.

резь нѣсколько часовъ распаялъ ; но всѣ вершины горъ имъ покрыты. Видѣ спранный ! Вверху сѣдая зима со всѣми своими ужасами, а внизу ясная осень.

На сихъ дняхъ познакомился я съ Господиномъ Ульрихомъ, Цирихскимъ уроженцомъ, копорой природно-глухихъ и нѣмыхъ учишь говоришь, чишаешь и писаешь. Онъ живешь здѣсь въ домѣ одного богатаго человека, у копораго естъ нѣмая дочь, дѣвушка лѣтъ принацати, прекрасная собою. Посредствомъ его искусства и спраній начинаешь она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва — показывая ей, какъ для всякаго слова надобно распворять ротъ, двигать языкъ и губы — научаешь онъ ее произношенію поновъ, а по помъ знаками изъясняешь ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ не скоро и произносятъ извѣсныя ей слова,

по она. по движенію губъ понимаешъ ихъ. Все это очень чудно. Сколько естъ опвлеченныхъ идей, копорыхъ, кажется, никакъ нельзя извяснить знаками! Трепьяго дня былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своею ученицею, и такъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкопорыя изъ моихъ словъ, и опвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосѣ ея естъ нѣчто дикое и непріятное, чего уже никакъ нельзя поправитъ. Она пишешъ очень чисто, и съ наблюдениемъ орфографіи. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякой день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ эпотъ журналъ, писанной складно, но только слишкомъ опривитно. Она чрезвычайно любитъ своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ опцу и къ матери. Въ журналѣ ея между про-

чимъ замѣшилъ я слѣдующее :
*Госпожа Н. Н. звала меня къ себѣ
 еѣ гости — я не пошла къ ней —
 она не звала моего учителя.*—Уль-
 рихъ ѣздилъ въ Парижъ за шѣмъ
 полько, чшобы видѣться съ Абба-
 помъ л'Епе, копорой завелъ шамъ
 особое училище для нѣмьхъ.
 Чему дивисься болѣе : разуму ли
 учипеля, или поняпю учениковъ?
 Конечно сему послѣднему; но все
 вмѣстѣ заспавляетъ меня удив-
 ляпсья способностямъ души чело-
 вѣческой.

На сихъ же дняхъ узналъ я и
 молодого Верна. Вамъ извѣспны
 его *Франсиада* и *Voyageur senti-*
mental, въ копорыхъ много хоро-
 шаго и шрогашельнаго. Онъ обѣ-
 даетъ иногда въ нашемъ пансионѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Опечатки въ Четвертомъ Томѣ.

Стран. строк. напечатано: читай:

36	—	14	Палигенези	Палингене- зи
170	—	8	называе- мыль	называе- мыхъ
219	—	19	n eclats	en éclats
250	—	3	смѣслѣ	смыслѣ
251	—	7	намъ	вамъ
297	—	4	сосношѣ	сосшоишѣ

Опечашки въ Трешлемъ Томъ.

Стран. строк. напечатано: читай:

19	—	9	часъ я до-	часъ доми-
			мика	ка
30	—	16	бООООО	бОООО
60	—	2	ы	мы
78	—	7	хшо	чшо
